ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ВАКАНСИЯ

Annotation

Однажды вы едете в метро и видите человека, над которым сияет нимб. Потом странные личности являются к вам в дом и предлагают интересную работу на хороших условиях. Затем вы оказываетесь в маленьком городке, где происходит нечто такое, что не может быть объяснено с позиций здравого смысла. Все бы ничего, но именно вам и придется с этим разбираться. Будете ли вы готовы к такому повороту событий, когда все окажется не тем, чем кажется, а вы вместо удильщика превратитесь в наживку?

Сергей Малицкий
Вакансия

VICE VERSA[1].

Пролог
Ad avisandum[2]

Над головой у женщины висел нимб. Дорожкин хмыкнул, скосил взгляд на пыльный пол, обнаружил привычно распущенный шнурок на кроссовке, снова посмотрел на незнакомку, протер глаза, почувствовал тонкий аромат. Удивился – откуда запах мяты в метро? Пошарил взглядом по вагону, прищурился, ущипнул себя за запястье и только тогда окончательно уверился – ему не почудилось. Нимб ничем не напоминал знакомые по иконам золотые окружности или колечки над головами святых, но в том, что это был нимб, сомневаться не приходилось.

Женщина выглядела скользнувшей за пятьдесят, но если бы не усталость в глазах и уголках губ, не утомленное, под стук колес, подрагивание коленей, наблюдатель счел бы ее даже не молодящейся, а вполне еще бодрой дамой. Хотя в любой другой ситуации, скорее всего, не разглядел бы ни ее усталости, ни бодрости. Не разглядел бы даже ее саму. Чего там было разглядывать? Нет, взглянуть, конечно, не возбранялось. Скользнуть глазами по лицу, представить на мгновение, что, если бы вот у этой дамы да была бы дочка… Да что дочка? Представить ее саму собственной ровесницей. Умозрительно поделить фигуру незнакомки на полтора, возраст на два, чуть подтянуть кожу, разгладить морщины, побрызгать свежестью на щеки и лоб, закрасить молодостью седину в пышных, собранных в пучок волосах да сменить бесформенное платье на что-нибудь легкое или просто стянуть его тонким поясом на талии… Да представить результат…

– Тьфу, – сквозь зубы пробормотал Дорожкин. – Вот ведь что делает с человеком длительное воздержание.

Ничего особенного, кстати, представить не удалось. Но нимб…

От головы женщины исходило сияние. Оно не было чрезмерно ярким, скорее напоминало столб солнечного света, искривший клочок залетевшего в него тумана. Но ни тумана, ни солнца над головой женщины не наблюдалось, какой уж мог быть солнечный свет в метро, да еще на подземном перегоне между станциями? Свет исходил именно из головы. Поднимался желтоватым столбом, образуя над незнакомкой мерцающую дымку, и таял на высоте глаз. Низко таял (не мог Дорожкин похвастаться высоким ростом), другой вопрос, что женщина была на голову ниже его метра семидесяти шести.

«Было, – почувствовал Дорожкин укол в сердце и зажмурился, наморщил лоб, пытаясь восстановить едва различимое воспоминание-ощущение. – Было то же самое. Или почти то же самое. Светилось. Кто-то светился. И я это видел. Даже ярче, чем теперь. Значительно ярче. Точно видел. Чувствую, что видел. Но где, когда, как? Или приснилось? Приснилось то же самое? Может, я и теперь сплю?»

Дорожкин нащупал старый шрам на запястье и ущипнул себя еще раз, но поморщился не от боли в руке – мучительно заныли виски, и засвистела, затомила непонятная, мучительная пустота. Он открыл глаза. Женщина стояла на прежнем месте и по-прежнему светилась.

– Нимб, – одними губами усмехнулся Дорожкин и снова скользнул взглядом по вагону. – Ну и что? Никто его не видит, значит, и я его видеть не должен.

Пассажиры и в самом деле не обращали на женщину никакого внимания. И на Дорожкина они не обращали никакого внимания. Его вообще редко кто замечал, тем более

что Дорожкин и сам старался не провоцировать внимание к собственной персоне. Например, никогда не садился в общественном транспорте, но не потому, что тренировал ноги, – ленился уступать место, а сидеть возле стоящих людей не мог. Поэтому и в метро сразу отходил в противоположный от дверей угол и, уткнувшись в электронную читалку, полировал плечом край схемы метрополитена. Там до него никому не было дела. А он мог украдкой пошарить взглядом по незнакомым лицам. Рассмотреть людей, знакомиться с которыми не собирался. Еще с деревенского детства, в котором встреча с любым незнакомцем была событием, Дорожкину казалось, что нет ничего интереснее чужих лиц. Но он не любил, когда изучали его собственную физиономию. Тем более взглядом жестким и требовательным. Как теперь.

На него смотрел спутник женщины.

Он был высок, поэтому смотрел на Дорожкина сверху вниз, и его взгляд выражал одновременно и раздражение, и интерес. Дорожкин мгновенно разглядел длинный мясистый нос, мешки под глазами незнакомца, слипшиеся на лбу, спускающиеся с лысины редкие пряди волос, нервные губы, рыхлые щеки на худом лице… Проглотив комок раздражения, еще раз мысленно зафиксировал нимб над головой его спутницы, отвернулся и задумался о том, что, вероятно, с экологией в окружающем пространстве полный швах и существуют где-то вредные облучатели, которые заставляют светиться затылки незнакомых женщин. Или, того хуже, наделили самого Дорожкина способностью видеть то, чего нет. В медицине Дорожкин не разбирался, но некое весьма приблизительное представление о шизофрении имел. Вздохнув, Дорожкин посмотрел на отражение странной пары в черном стекле двери и понял, что от внимания спутника женщины все еще не избавлен. Высокий щелкал пальцами. Щелкал так, словно задавал ритм невидимым оркестрантам. Щелкал и направлял щелчки в спину Дорожкину.

Дорожкин вздохнул, сунул читалку в сумку, повернулся и показал класс. Выщелкал двумя руками сразу, выделяя сильные доли и помогая себе пристукиванием каблуками, ударное соло, закончив ритмический рисунок имитацией звука откупоренной бутылки с помощью щеки и пальца.

Поезд выкатил на станцию «Рязанский проспект». В ответ на злобу, почудившуюся ему в суженных глазах незнакомца, Дорожкин старательно улыбнулся, с облегчением отметил, что нимб над головой спутницы высокого исчез или поблек и сама она как-то поблекла и скукожилась, и шагнул к выходу. Распущенный шнурок на кроссовке натянулся, и Дорожкин не вышел из вагона, а выпал, приложившись носом о голубоватую мраморную колонну и воткнувшись коленом в собственную сумку.

«Наступил, – сквозь боль и досаду мелькнула в голове Дорожкина догадка. – На шнурок наступил! Специально! И что это затрещало? Что в сумке затрещало? Неужели читалку раздавил? Нос-то хоть не сломал?»

Механический голос в вагоне призвал пассажиров к осторожности, двери захлопнулись, и вагон умчался в тоннель. Если бы Дорожкин не был занят накатывающей болью и хлынувшей из разбитого носа кровью, он неминуемо бы разглядел, что из вагона на него смотрели двое – спутник женщины с поблекшим нимбом и незамеченный Дорожкиным черноволосый сухой мужчина с властным взглядом. Сама женщина даже не повернула в сторону Дорожкина головы.

Часть первая

Ad notam[3]

Глава 1
Август и чуть-чуть

Жаркий август оборвался в двадцатых числах. Температура упала с тридцати с лишним до пятнадцати, горячий ветер остыл; остыв, приободрился и даже попытался предстать ураганом, обрушив на припаркованные во дворах столицы машины не меньше сотни деревьев. Потом начались дожди. Дым от горящих лесов Москву покинул, лето переломилось, как столбик пепла на непотушенной сигарете, и жизнь двадцативосьмилетнего парня, почти столичного жителя Женьки Дорожкина, который возвратился в Москву из родной деревни, переломилась вместе с ним, пусть даже сам он и не курил никогда. Удивляться не приходилось. В августе всегда происходило что-нибудь пакостное, и, если оно выпадало на начало месяца, это значило только одно: в конце августа отольется чем-то еще более горьким. Хотя бы для одного человека. Так и случилось. Дорожкин потерял работу.

В понедельник, смахивая с ветровки капли дождя, он нырнул в ставший уже до зевоты привычным офис и не обнаружил фирмы, которой отдал почти два года жизни. Ни мебели, ни компьютеров, ни образцов товара, движение которого отслеживал Дорожкин, на привычных местах не оказалось. На полу валялись листы бумаги, на окнах висели жалюзи с мятыми ламелями. Из пары горшков торчали стебли засохших цветов, не переживших лето. Из гнезд на подвесном потолке вместо ламп выглядывали концы провода.

– Дорожкин! – обрадовался, запирая дверь бухгалтерии, шеф. – Ты где пропадал? Не думал уже с тобой столкнуться!

– В отпуске был, – пожал крепкую начальственную ладонь Дорожкин. – Вот, приехал. Вышел на неделю раньше. Вы же просили. Или нет?

– Да, точно, – с очевидной досадой хлопнул себя по лбу шеф. – А я все никак не мог вспомнить, что же я еще… Что же ты в Сеть-то не выходил? Я ж намыливал тебе насчет наших проблем…

– А мы куда-то переезжаем? – начал озираться Дорожкин, пытаясь сообразить, о каком мыле – электронном адресе – говорит шеф, если имеющийся он никому не светил.

– Точно так, – кивнул шеф. – Я так вовсе улетаю за границу нашей родины, а остальные кто куда. Закрываемся мы. Фирма ликвидирована.

– Ликвидирована? – удивился Дорожкин. – А… почему? Все вроде бы шло нормально…

– Нормально? – Шеф прищурился, прижал кейс к боку локтем, потер виски. – Кому нормально, а кому… Устал я, парень. Понимаешь…

Дорожкин напрягся. Шеф редко переходил на доверительный тон, но уж если переходил, то, как казалось Дорожкину, неизменно говорил правду, то есть вещал о каких-либо неприятностях, из которых правда по преимуществу и состояла. А Дорожкин, судя по его житейскому опыту, был как раз постоянным проводником, железным штырем, через который уходили в землю электрические разряды правды. Причем правды самой неприглядной и огорчительной. Чему тут было удивляться? Судьбе уже давно следовало завершить его унылое благоденствие, почти два года на одном месте и так были удивительно долгим сроком.

– Понимаешь… – Рука шефа по-приятельски легла на плечо Дорожкина. – Всякий

бизнес, Женя… – шеф замычал, подыскивая нужное слово, – должен приносить пользу, но частенько приносит неприятности. Наемному работнику что… Он может и в ус не дуть, лишь бы платили вовремя. А вот предпринимателю приходится порой весьма туго. Бонусы, брат, иногда оборачиваются неприглядной изнанкой. И если это происходит слишком часто, – шеф на глазах скучнел, – появляется вопрос: зачем все это?

«Чтобы покупать еду, одежду, оплачивать съемную квартиру, откладывать чуть-чуть да еще отправлять матери в деревню», – подумал Дорожкин, но ничего не сказал, вряд ли всплывшую в его голове пользу шеф относил к таковой.

– Наша страна больна, – вздохнул шеф. – Ты думаешь, вся та мерзость, которая тут творилась за последние лет сто, да что там сто… все это здесь, с нами, никуда не делось. Впиталось в почву. И мы дышим этим, Женя. Нет, кто-то, конечно, не сдается, борется, роет землю, поливает ее потом, иногда и кровью, а кого-то все устраивает. Он эту землю ест, Дорожкин. У него огромная пасть. Скоро он съест все. Потому что этот «кто-то» заказывает музыку. Я сейчас тебе банальности буду говорить, но истина, как известно, банальна. Все, чего мы добиваемся, приходит к нам вопреки гнусному общественному устройству. На этой территории, Дорожкин, гнусность всегда побеждает. Понимаешь?

Дорожкин кивнул и с удивлением почувствовал приступ тошноты. Обычно он чувствовал тошноту не от банальностей и пафоса, а от вранья.

– Больше не могу, – продолжал шеф. – Надоело. Хочу спокойно спать, спокойно жить, спокойно работать. Хочу, чтобы мои дети жили нормальной жизнью и зависели только от собственных усилий, а не от… понимаешь?

– Я тоже, – кашлянул Дорожкин. – Тоже этого хочу.

– Отлично! – отчего-то обрадовался шеф. – Значит, ты меня поймешь. Вот. – Он крутанул на пальце связку ключей. – В бухгалтерии твоя трудовая. Там же выходное пособие, отпускные. Мы ведь не выплатили их тебе? Да, и твой оклад за два месяца вперед. Подъемные, так сказать. Не забудь расписаться в ведомости. После себя все закроешь и оставишь ключи на вахте. Мой тебе совет – вали отсюда. Ты парень честный, надежный, такие всегда нужны. Извини, приятель. Удачи тебе. Пригодится.

Шеф еще раз похлопал Дорожкина по плечу, едва не прослезился и быстрым шагом направился к выходу. Дорожкин пробормотал запоздалое «спасибо», загремел ключами, с трудом справился с замком и конечно же не нашел в разбросанных на полу бумагах ни денег, ни ведомости, ничего. Хорошо еще, отыскалась его затоптанная трудовая книжка, приказ об увольнении в которую был вписан тем самым числом, когда Дорожкин отправился в отпуск. С этой самой трудовой книжкой и смешком во рту он и выбрался из подъезда многоэтажного офисного здания, размышляя, подавать ли ему на исчезнувшего шефа в суд и есть ли у него, у Дорожкина, какие-нибудь ресурсы, которые позволили бы заблокировать вокзалы и аэропорты и задержать бывшего руководителя на пути к честной жизни.

Ресурсов у Дорожкина не было. К счастью, однокомнатную квартирку на Рязанском он оплачивал на месяц вперед и, значит, до конца августа мог не беспокоиться о жилье. К несчастью, август должен был закончиться через неделю, поэтому избежать беспокойства не удалось. Будь у него хотя бы месяц форы, Дорожкин бы выпутался, но теперь…

Вдобавок и обратиться за помощью было не к кому. Со старыми знакомыми Дорожкин за два года как-то разошелся, что не потребовало особых усилий, а новых приобрести не успел. Приходил на работу раньше всех, уходил позже. Девчонки на ресепшене, подчиняясь необъяснимым пассам рук шефа, менялись через месяц, Дорожкин даже имен их не успевал

запомнить, бухгалтерия существовала обособленно, офисные менеджеры числили Дорожкина серым трудягой и в свой круг не звали, хотя над его шутками охотно смеялись. Разве только График Мещерский, который заведовал компьютерами и порой в обмен на свежие анекдоты делился с Дорожкиным локальными успехами на любовном фронте, мог ему помочь.

Дорожкин набрал номер, услышал гордое представление – «Евграф Николаевич Мещерский у телефона» – и тут же бросился в атаку.

– Граша! Ты как там?

– Нормально, – насторожился Мещерский. – Это ты, что ли, Женька? Ты где пропадал?

– Я был в отпуске, – объяснил Дорожкин. – На курорте. Скажи еще, что не знал. Что тут происходит вообще?

– Как что происходит? – не понял Мещерский. – Ты там отдыхал, а мы тут вообще дымом дышали целый месяц.

– Там, где я отдыхал, – обиделся Дорожкин, – дыма было еще больше. Можешь меня поздравить, теперь я еще и тракторист – две недели родную деревню опахивал от огня. Что с фирмой?

– Так все, – недоуменно протянул Мещерский. – Накрылась фирма. Ну точно не знаю, но кто-то из конторских подгреб под себя наше направление на рынке, или еще что, только шеф все понял, быстренько все свернул, пока не замели, распродал да умотал. Я бы на его месте еще года три назад уехал из нашей дурындии. Да и он давно за кордон глядел. Не знал?

– Не знал, – вздохнул Дорожкин.

– Он тебя кинул, – понял Мещерский. – Вот оно как. Сочувствую я тебе, парень. Отпуск отпуском, а отключать сотовый на время отдыха – не самый лучший вариант.

– Скажи еще, что ты мне звонил, – обозлился Дорожкин.

– Нет, – признался Мещерский. – Ты же при мне телефон отключил. Кто орал на весь офис, что логист должен отдыхать в вакууме? Еще и симку в бумажник сунул.

– Пуст мой бумажник, – пожаловался Дорожкин. – Деньги нужны, Граша. Хотя бы тысяч тридцать. Квартиру оплатить за сентябрь и немного на прокорм. Пока другую работу найду.

– Тут такое дело… – Мещерский замялся. – Денег у меня свободных нет. Да и работу теперь найти… Могу одолжить компьютерами. Мне ж шеф тоже задолжал за пару месяцев, так я компьютерами взял. Они, конечно, не очень, но сервер ничего так. Поставлю кому-нибудь, но когда это будет?

– Граша… – Дорожкин почесал мобильником лоб. – Компьютерами я и сам могу одолжить. Ну одним компьютером. Помнишь, ты мне собирал в мае? Я тебе сороковник за него отдал. Возьмешь обратно? А я пока обойдусь стареньким ноутом.

– Двадцать пять, – тут же ответил Мещерский. – Могу взять за двадцать пять. Со всей приблудой и с монитором. И то только из-за знакомства.

– Граша! – возмутился Дорожкин.

– Одно лишнее слово – и не возьму, – отрезал Мещерский.

Мещерский приехал за компьютером в среду. Протянул потную ладонь, оттер Дорожкина в узком хрущевском коридоре толстым животом в сторону, быстро проверил аппарат, опустил его в коробку, упаковал монитор, клавиатуру, колонки и отсчитал пять оранжевых пятерок.

– Не обижайся, – сказал небрежно, но с видимым сочувствием. – Если бы я был такой,

как ты, я сейчас бы и жил как ты. Только ты сотри с лица оскорбленную добродетель-то. Я ж с тобой по-честному. Просто все имеет свою цену. Я теперь твой аппарат по-любому за сорок не сдам. Кризис, Женя, кризис.

– Это ты по-дружески меня выручаешь или по-кризисному? – спросил Дорожкин, убирая двадцатник – на квартиру – под обложку паспорта. – Ну так, на будущее. Чтобы знать.

– А ты разве сам считаешь меня другом? – прищурился Мещерский в дверях, и Дорожкин не нашелся что ответить. Он бы не сказал Графику ничего и тогда, когда тот вернулся за монитором и бесперебойником, но Мещерский сам опустился на галошницу и пробормотал, рассматривая растянутые коленки штанов бывшего сослуживца.

– Жениться тебе надо, Дорожкин.

– На ком? – сделал заинтересованное лицо тот.

– Ну мало ли? – пожал плечами Мещерский и хитро прищурился. – Ты веселый, неунывающий, симпатичный. Не пьешь… много. У тебя ж был кто-то год назад? Помнишь, ты нас знакомил как-то? Ее вроде Машкой звали? Один раз смог и еще сможешь.

Дорожкин промолчал. История его переезда от приятельницы на Рязанский проспект не вызывала приятных воспоминаний.

– Ты не можешь быть сам по себе, Дорожкин, – объяснил Мещерский. – Это не ущербность, это анамнез. Факт. Данность. Таких людей, кстати, много. И среди них есть успешные. Ты должен быть при ком-то. Ну раз не получилось, два, и что? Жизнь ведь не кончилась? Пробуй дальше.

– Ага, – скривился Дорожкин. – Там, где анамнез, там и диагноз.

– Не можешь вылечиться – учись жить больным, – развел руками Мещерский.

– Где б найти такую дурочку, чтобы пристроить придурка? – попытался пошутить Дорожкин.

– Я серьезно, – не оценил шутку Мещерский. – Я, конечно, плохой советчик, но, если шуруп не выкручивается, если грани сорваны, нечего ладони отверткой рвать, высверливать надо.

– Какой шуруп? – не понял Дорожкин.

– Я выражаюсь фигурально, – отмахнулся Мещерский. – А если не высверливать, тогда можно руки загубить. Или отвертку. Тем более если она не очень. Из дерьмовой стали.

– Я, выходит, не очень? – сообразил Дорожкин.

– Какой уж уродился, – фыркнул Мещерский. – Не идет, тогда лучше всего вовсе бросить этот шуруп. И заняться чем-то другим. К примеру, деревни опахивать. На тракторе.

– Это теперь только в следующие пожары, – пожал плечами Дорожкин. – Как раз подлесок поднимется.

– Значит, найди такое место, где горит всегда, – повысил голос Мещерский. – Ты еще не понял? Тебе жена нужна, чтобы мозги вправляла. У каждого должен быть шуруп, который откручивается. А лучше много шурупов. Мне вот плевать на нашего шефа, у меня таких клиентов, как он, с десяток. И столько же в очереди. Да, я впахиваю без выходных да живот вот отрастил, но я свой живот как камень в горку толкаю и знаю – вниз он не покатится. А ты, Дорожкин, катишься под горку, хотя даже забраться никуда не пытаешься. Запомни: если не подниматься, это то же самое, что скатываться.

– Спасибо за науку, – обиженно пробормотал Дорожкин. – Что же, значит, предлагаешь мне в деревню вернуться?

– А вот это не моего ума дело, – крякнул, тяжело поднимаясь, Мещерский. – Хотя если б

там имелись спелые да румяные молодки, я бы на твоем месте даже не раздумывал. Есть у тебя, в конце концов, отвертка или нет? Ты, парень, определись, чего хочешь, а там уж думай. Но если тебе на пятый или десятый этаж надо, в подвал спускаться ни к чему.

– Поэт, – буркнул вслед Мещерскому Дорожкин. – Символист!

– Реалист, – откликнулся из-за двери График. – Некрасов, практически.

Хозяин пришел вовремя, принял у жильца двадцать тысяч и, вздохнув, сообщил, что цена подрастет с октября. На пяток.

– На пяток? – растерялся Дорожкин.

– Кризис, – вздохнул еще глубже хозяин, пятясь к двери. – Должны понимать. И так демпингую почем зря. Квартира в порядке, с мебелью. Метро рядом. Лоджия застеклена. Телефон опять же.

– Понимаю, – кивнул Дорожкин, закрывая за хозяином дверь и накидывая цепочку.

Понятным было только одно: когда у всех начинается кризис, у кого-то неминуемо наступает полный абзац. Все правильно. Во всякой беде должен быть если не виноватый, то крайний. В этот раз крайний он.

«И в другие разы тоже», – пришла в голову простая и очевидная мысль.

Дорожкин хлопнул в ладоши, выбил каблуками короткую дробь, упал на продавленный диван, уставился на низкий, обклеенный дешевыми полистирольными плитками потолок и попробовал задуматься о собственной никчемной жизни. Задуматься не получалось. В голову лезла какая-то ерунда – вспоминались работы, которые не приносили толком ни денег, ни удовлетворения, армия, не оставившая внутри него ничего, кроме досады и грязи, разочарованное лицо Машки, потратившей на него, Дорожкина, полгода жизни, хорошо хоть не расписались. Собственно, эта ерунда и была отражением его жизни. Дорожкин сам был ерундой. Нет, конечно, он не считал самого себя ерундой и жизнь свою не считал ерундой, но жил начерно, и черновик ему не нравился. Он словно вычерчивал год за годом линии и буквицы по белому листку, но там дрогнула рука, там пропустил букву, там ошибся, и получался черновик, и вот уже листок исписан на треть (если не наполовину – поправился Дорожкин), а написалось что-то несуразное. Сейчас бы в самый раз зачеркать его, скомкать и разорвать, так другого-то листка нет. Или отрезать исписанный край и начать на остатке начисто? С краешка? Мелким и убористым почерком?

И все-таки расслабляться не стоило. Дорожкин рывком поднял себя с дивана, шагнул в ванную, умылся холодной водой, выдавил на зубную щетку пасту, старательно растянул губы в улыбке. В зеркале отразился круглолицый молодой мужик (уже не парень, к сожалению, хорошо еще, что пока еще молодой мужик) с добрым взглядом. Растерянность и беспокойство были почти неразличимы, доброта и оптимизм сияли в полную силу, пусть и были выстроены напряжением лицевых мышц. Да и чего бы им было не сиять? На месяц крыша над головой имелась, макарон и подсолнечного масла в шкафу хватало, сбережений, правда, не осталось, зато лето провел с пользой, помог отстоять от огня деревню, да и крышу дома заодно матери подновил, санузел со двора перенес в тепло – все польза. Если что в Москве не срастется, будет куда отползти, чтобы зализать раны. Солений у матушки целый погреб, на хлеб денег хватит, картошку сосед поможет выкопать, Дорожкин с ним договорился. Одно было плохо в деревне – прохода мать не давала: когда женишься да когда женишься?

– Когда женишься? – спросил Дорожкин сам себя и собрал лоб в складки над

переносицей. А и в самом деле, может быть, ему стоило не только изучать объявления о найме на работу офисных менеджеров и логистов, но и по брачным разделам пробежаться? А ну как требовались молодые и перспективные да без вредных привычек? – А также без жилья, денег и особых способностей, – пробормотал Дорожкин, выплевывая зубную пасту и размазывая по щекам пену для бритья. – Давай-ка, дорогой, ноги в руки, и ищи работу. Список вакансий скачал? Скачал. Маршрут составил? Составил. Так что долой хандру и нытье, и вперед.

«Вперед» начало отрабатываться в понедельник. К вечеру понедельника Дорожкин уже имел пару не слишком удачных вариантов трудоустройства и неминуемо добрался бы и до удачных, если бы во вторник не разбил нос. Хорошо еще, что не сломал. Кроме носа пострадала еще и электронная читалка, что могло превратить поездки по Москве в унылое времяпрепровождение, но разбитый нос избавил Дорожкина от дорожной тоски. Человек с распухшим носом имел шансы на работу, близкие к нулевым. Ночью Дорожкин прикладывал к лицу лед, а утром отражение в зеркале объявило ему, что в ближайшие дни из дома лучше не выбираться. Но до магазинчика, в который упирался торец хрущобы, Дорожкин решил все-таки дойти.

Выглянув из подъезда, он обнаружил, что на улице настала уже натуральная осень, подтверждением чему служили не только лужи и плавающие в них желтые листья, но и возвращающиеся из школы празднично одетые дети. Дорожкин покосился на сидевшего на лавочке у подъезда черноволосого сухого мужчину в синем плаще с поднятым воротником и поплелся к магазину. Там он отчего-то застрял надолго. Сначала прикидывал, сколько может потратить денег, чтобы не обречь себя на голодное существование во второй половине сентября. Потом размышлял, что ему следует купить в первую очередь, что во вторую, а чего покупать не следует, потому как в ближайшее время придется обойтись и без колбасы, и без ветчины, и уж тем более без красной рыбки. Наконец покупки были сделаны, и Дорожкин поплелся домой. Мужчина с напряженными скулами и остановившимся взглядом по-прежнему сидел на скамейке. Дорожкин даже замедлил шаг, чтобы удостовериться, что незнакомец дышит. В подъезде отчего-то стоял уже знакомый запах залитой кипятком мяты, и дверь в его квартиру была открыта.

Дорожкин осторожно шагнул через порог, расслышал какое-то сопение и заглянул в кухню. За кухонным столом сидел маленький мужичок, морщил занимающий большую часть головы красный блестящий лоб и старательно дул на исходящее паром блюдце. Заметив Дорожкина, мужичок блеснул глазками, разгладил усы, шмыгнул носом-картошкой и скрипуче произнес:

– Евгений Константиныч? Заходи, дорогой! Сейчас чаевничать будем!

Глава 2
Гость и еще один гость

Люди, которые часто попадают впросак, или, если быть более точным в формулировках, не вполне уверены в том, что собственная судьба хотя бы в мало-мальской степени покорна их воле, порой обретают умение соединять в единое целое два таких разных чувства, как обреченность (именуемую также покорностью року) и любопытство к развитию собственных злоключений. Пожалуй, Дорожкин, уставившись на досуге во все тот же низкий потолок хрущобы, не согласился бы с данным утверждением, потому как продолжал бы со смешками трепыхаться даже на сковородке, но именно любопытство заставило бы его одновременно и озираться по сторонам. Сковородка пока, к счастью, была занята яичницей, которая скворчала или даже шкварчала и издавала донельзя аппетитный запах.

– Только так, – снова разгладил топорщащиеся усы мужичок, соскакивая со стула и обнаруживая удивительно малый рост. – Яичница должна жариться только на сливочном масле. Я, конечно, милый друг, готов согласиться, что само по себе сливочное масло не самый полезный продукт, но тут ведь как… – мужичок приподнялся на носках и потянулся к сковородке носом-картошечкой, – что в рот полезло, то и полезно, а то вкусно, от чего не грустно. Сам посуди, если перед тем, как раскокать яички, обжарить сухарик дарницкого, да с чесночком, да пару помидорных кружочков, да перевернуть…

«Три последних яйца, последняя помидорина и комочек масла из масленки», – почти безразлично отметил про себя Дорожкин, с удивлением разглядывая галоши на ногах мужичка.

– Жаль, колбаски нет, – прищурился мужичок и тут же заковылял к Дорожкину, оказавшись ростом тому по пояс. – С чем пожаловал, Евгений Константиныч? А ну-ка? Так-так. Колбаски опять нет, однако. Но это пока. Молочко. Хлебушек. Яички опять. Рисок. Хорошо, что не пропаренный. Баловство это, пропаренный-то. Сыр. Дешевенький сыр-то, Евгений Константиныч, берешь. Но ничего, на горячие макарошки, да через терочку – при случае и такой сойдет. Сахарок. Кефирчик. А мясного совсем ничего нет? Ты чего, дорогой? Не травоед, случаем?

– Нет, – закашлялся Дорожкин.

– Ну тогда ничего, ничего, мы это поправим, – расплылся в улыбке, показав ряд ровных, чуть крупноватых зубов мужичок. – Ты садись, сердешный, садись. Я сейчас яишенку-то располовиню.

– А вы, собственно, кто? – наконец вымолвил положенную фразу Дорожкин. – И как вы вошли в квартиру? Вам хозяин ключи дал?

– Хозяин? – звякнул тарелками мужичок и задрал брови куда-то немыслимо высоко. – Какой хозяин? Вот этой халупы? Да какой же он хозяин? Так… недоразумение. Хозяин – это кто-то вроде меня. Не этой, конечно, квартирки, другой, но… неважно, в общем. Я здесь, правда, по другой надобности. Кстати!

Мужичок подхватил сковородку и ловко сбросил по половине яичницы на каждую тарелку, вернул сковородку на плиту, прикрутил газ и вытер крепкие ладони с короткими толстыми пальцами о белую вышитую рубаху.

– Извольте знакомиться. Фим Фимыч или Ефим Ефимыч. Загоруйко.

– Дорожкин, – пожал Дорожкин теплую ладонь. – Евгений.

– Константиныч… – подмигнул Дорожкину гость и с ухмылкой полез на оставленный ненадолго табурет. – Налегай на яичницу, дорогой, налегай. Разговор предстоит долгий, а долгие разговоры пустым желудкам вредят. Да и мысли не на то отвлекаются.

Дорожкин хотел было возмутиться и потребовать отчета, по какому такому праву в его доме оказался неизвестный ему Фим Фимыч, почему он позволяет себе распоряжаться остатками его продуктов и с какой стати он, Дорожкин, должен вести с ним разговоры, но вместо этого неожиданно для себя уселся напротив карлика и взял в руку вилку.

– Ой, – воскликнул мужичок, резво соскочил со стула, нырнул под стол и через мгновение показался оттуда с мутной бутылью, заткнутой свернутым в чопик газетным листом. – Про надобность-то я едва не забыл. Семь секунд. Надо, надо опрокинуть по шкалику, пока закуска горяча.

Чпокнула пробка, Дорожкин поморщился, ожидая запаха сивухи, слишком памятна была деревенская «табуретовка», которая при каждом глотке занозила горло, но по кухне неожиданно пополз аромат аниса.

– Свойская, пятерной очистки, – захихикал мужичок. – Мягонькая. – Он зацокал языком. – Да еще на смородиновой почке настоянная. Ну и, кроме того… разное там. Есть в наших лесочках корешки не хуже женьшеня. Потому и выходит… эликсир, можно сказать. Ну Константиныч, за знакомство?

Дорожкин подхватил стаканчик, наклонился, чтобы чокнуться с мужичком, поднес стеклянный ободок к ноздрям, втянул дивный запах и опрокинул все пятьдесят граммов мутноватой настойки в горло. Гортань наполнилась теплом, которое тут же поползло в грудь, в живот, в руки и ноги.

– А? – довольно крякнул мужичок и загремел вилкой. – Ты закусывай, закусывай сразу. В ноги ее спускай. В ноги. А то в голову вдарит, а голова тебе, Константиныч, светлая нужна.

Дорожкин ткнул вилкой в яичницу, которая запузырилась прозрачными поджаренными пленками, поймал кислинку помидорки и вдруг подумал, что жизнь-то у него не так уж и плоха. Работу он разыщет, лет ему еще немного, а как проплатит хозяину квартиры еще месяца за два, так и задумается, что и как поменять в собственном существе, чтобы не срывать шлицы у отвертки, а найти свой собственный шуруп. И откручивать его. Или закручивать.

Яичница все не кончалась, или Фим Фимыч сообразил новую, благо в сумке, принесенной из магазина, был и десяток яиц тоже, только во рту стало вкусно, в горле тепло, а засиженная мухами лампа под потолком вдруг растроилась или распятерилась светящимся хороводом. Дорожкин было удивился, отчего это горит лампа, если на улице белый день, посмотрел в окно, увидел сумрак, удивился еще больше, перевел взгляд на Фим Фимыча, но вместо него разглядел незнакомого, впрочем, нет, того самого мужика, что сидел возле подъезда на скамье. Плаща теперь на мужике не было, но и синий костюм с синим галстуком поверх голубоватой рубашки показался Дорожкину все тем же плащом, только поделенным на части. И поверх этого «разделенного» на части плаща обнаружился пристальный, чуть мрачноватый взгляд.

– Удивительно, – с трудом шевельнул языком Дорожкин. – Вот вы сидели у подъезда? Ведь так? И я точно знаю, что я видел вас там впервые, почему же тогда мне кажется, что мы уже встречались где-то еще?

– Потому что я вас видел еще раньше, – сухо ответил незнакомец и покачал головой. – Однако удивительно, как вы, Евгений Константинович, быстро преодолеваете действие

загоруйковской настойки? Помнится, даже Марк Содомский сутки лежал пластом после каких-то двух стопок, а вы с Фимой без малого литр уговорили на двоих. Конечно, Фима – мужичок, можно сказать, огнеупорный, но вы-то рохля рохлей… а ведь туда же… Впрочем, это даже и неплохо. Но на будущее я бы не рекомендовал…

– Я вообще не пью, – почти твердо выговорил Дорожкин и понял, что если голова у него и начинает проясняться, то ноги не просто не слушаются, а даже и находятся где-то так далеко, что и не докричишься.

– Это еще лучше, – кивнул незнакомец и критически окинул взглядом крохотную пятиметровую кухню. – Только зря вы сейчас, Евгений Константинович, голову забиваете всякой ерундой. Никто вас спаивать не собирался, хотя испытать вас следовало. Но не таким образом, как вы себе уже напридумывали. Ну посудите сами, зачем кому-то везти вас в лес, да еще и пытать, чтобы переоформить на кого-то эту квартиру? Я уж не буду апеллировать к ее убожеству, она же просто не ваша. Вспомнили? Вот. Получайте облегчение. И не думайте, что я могу читать ваши мысли. У вас на лице все написано.

– А… зачем… тогда? – снова шевельнул непослушным языком Дорожкин и постарался смахнуть с лица еще более непослушной рукой какие-то там надписи.

– Хороший вопрос, – едва заметно качнулся незнакомец и протянул руку. – Вальдемар Адольфович Простак. Мэр одного маленького подмосковного городка. Можно называть просто, Адольфыч.

– Дорожкин, – протянул руку Дорожкин и едва не отдернул ее – столь холодной ему показалась ладонь собеседника. – Только… что-то мне кажется, что вы далеко не простак.

– Старая шутка, – кивнул Адольфыч. – Со своей стороны могу ответить, что вы, Евгений Константинович, не простак во всех смыслах, хотя вроде бы проще некуда. Поэтому позвольте перейти сразу к делу.

– Слушаю вас, – поставил локти на стол, чтобы поддержать заваливающуюся на грудь голову, Дорожкин.

– Я хочу пригласить вас на работу, – твердо сказал мэр.

– В к…к…каком качестве? – сдвинул брови Дорожкин.

– Ну скажем так… – Адольфыч ненадолго задумался. – Младшим инспектором. Для начала.

– Инсп…пектором чего? – не понял Дорожкин.

– Охраны правопорядка, – объяснил мэр. – Нет, конечно, речь не идет о патрулировании улиц города, этим есть кому заниматься, но представлять городскую власть при разборе правонарушений, возможно даже при расследовании каких-то преступлений, придется. Да вы не волнуйтесь уж так. В штате мэрии есть еще один инспектор, есть и старший инспектор, начальник управления, наконец, администрация города не поплевывает через плечо, один на один с проблемами не останетесь. Да и проблем-то у нас не так чтобы…

– Да вы что? – удивился Дорожкин. – В органы? Никогда.

– Никаких органов, – покачал головой мэр. – Дело в том, что органов в нашем городке вовсе нет. Городок… почти научный. Закрытая территория. Режимный объект, можно сказать. Так что ни милиции, ни ФСБ, ни, извините, ГИБДД. Все своими силами.

– П…подождите… – Дорожкин заморгал. – Вы, н…н…наверное, не в курсе. У меня нет образования. То есть вроде бы есть, но… я педвуз окончил. По специальности «Технология и предпринимательство». Трудовик, по-старому. В армии тоже ничему не научился. Копать, спать и отбиваться во всех смыслах. А так-то логист, менеджер… очень среднего звена.

Офисный планктон. Самоучка.

– Это вы бросьте, – не согласился Адольфыч. – Планктон планктону рознь. Или вы думаете, что я просто так приехал в столицу да ткнул пальцем в первого попавшегося менеджера среднего звена? Да еще пожаловал к нему в гости? Все не так просто. Почему мне нужны именно вы, я еще скажу, а вот почему я здесь, объясню немедленно. Я здесь потому, что уверен: вы мне не откажете.

– Неужели? – пьяно рассмеялся Дорожкин.

– Вот смотрите. – Адольфыч побарабанил пальцами по столу. – Вы – безработный, причем внезапно безработный. Так?

– Так, – нехотя согласился Дорожкин.

– Это во-первых. Во-вторых, вы не москвич, с жильем у вас проблемы, да и вообще положение у вас довольно сложное, – продолжил мэр. – Нет, с вашей ответственностью вы, безусловно, найдете работу, но в нынешней ситуации на рынке работу найдете менее оплачиваемую, так что концы с концами сводить будете труднее. Вряд ли сможете помогать матушке так, как помогали раньше, да и цену на данную лачугу хозяин явно собирается задрать к новому году тысяч до тридцати.

– Можно снять комнату, – икнул Дорожкин. – Простите. Найти приятелей…

– Приятелей у вас нет, – усмехнулся Адольфыч. – Вы неприятелеспособный, Евгений Константинович. Иначе говоря, нелюдимый. Даже эта ваша веселость ведь на самом деле всего лишь способ защититься, не так ли? Вы слишком погружены в себя, в работу. А для той работы, что я вам предлагаю, это только на пользу. Опять же – вы одиноки, что тоже упрощает дело. Убедить в переезде нужно только вас.

– В переезде? – поднял брови Дорожкин.

– Для начала пятьдесят тысяч рубликов в месяц, – прищурился мэр. – Освоитесь, через полгода можно будет прибавить. Хорошо прибавить. Учтите, что закрытый городок в нашем случае подобен зоне дьюти-фри. Цены на бытовые товары в магазинчиках ниже, чем на Большой земле. Общественного транспорта почти нет. Четыре маршрутки. Бесплатные, кстати. Весь городок меньше чем два на два километра, плюс поселок, еще пара деревенек и промзона. Воздух аж звенит от чистоты. Озеро, река, лес, болото. Да, да. Болото. Знаете какая клюква? Как вишня. А какие девушки у нас? В Москве, чтобы таких сыскать, ноги собьешь. А найдешь, так соискатели затопчут.

– Подождите, – почти окончательно протрезвел Дорожкин.

– От Москвы не так уж далеко, прямиком где-то километров сто, по трассе чуть больше. Причем, когда я говорю, что городок закрытый, это то и значит, что он закрытый. Для тех, кто не в городе, – первый раз улыбнулся мэр. – Ну кроме командированных, гостей и прочее. А все горожане вправе поехать куда угодно. Да хоть за границу. Уровень допуска вполне себе позволяет.

– А жилье дорогое? – начал растирать ладонями виски Дорожкин.

– Не слишком, – сложил брови домиком мэр. – Свободного жилья немало, но то, что есть, – все под мэрией. И если вдруг освобождается, что случается крайне редко, его обычно сразу выкупает администрация.

– Почему? – не понял Дорожкин.

– Вот из-за таких случаев, как ваш, – проникновенно объяснил Адольфыч. – Да и зачем нам запредельные цены на жилье? И как еще привлечь специалистов? Все сейчас Москву окучивают, мотыгами друг другу по ногам стучат. Я вот что вам скажу. Наш городок, конечно,

не столица, но все провинциальные неудобства перебиваются преимуществами влет. Может быть, у нас и не самые большие зарплаты, но с учетом всего остального – куда уж там Москве? Для вас жилье будет бесплатным, Евгений Константинович. Квартирка из особого резерва. По умолчанию вам будет начисляться сумма, превышающая пятьдесят тысяч, разница пойдет на оплату жилья. Причем, я бы подчеркнул, на оплату в смысле его выкупа. Через лет пять оно перейдет в вашу собственность полностью. Захотите переехать куда-то, администрация обратно его у вас выкупит. По хорошей цене, заметьте. Или найдете покупателя сами.

– И что за жилье? – постарался говорить как можно небрежнее Дорожкин. – Хорошее?

– Хорошее, – кивнул мэр. – Дома старой постройки, послевоенные, немцы трудились. Потолки три с половиной метра. Но коммуникации все современные. Комнаты большие. Вам я бы предложил двухкомнатную квартиру. Комнаты изолированные, санузел не просто раздельный – а их два, кладовка, просторный коридор. Балконов вот только у нас нет. Зато кухня – просто замечательная. Двадцать четыре метра. Как вам?

– Такие бывают? – удивился Дорожкин.

– Бывают, – изобразил улыбку Адольфыч. – Вот только мебель пока в квартирке обычная. Инвентарная. Но со временем прикупите, если захотите. У нас и мебельный магазин есть, да и краснодеревщик собственный имеется, и печник, если к камину претензии случатся…

– К камину? – эхом отозвался Дорожкин.

– К камину, – со всей серьезностью кивнул Адольфыч. – Кстати, в квартире имеется неплохая библиотека, к вашему приезду мы и холодильничек пустым не оставим.

– Но почему я? – недоверчиво прищурился Дорожкин.

– Почему именно вы… – задумался мэр. – Важный вопрос. Я отвечу, тем более обещал. Понимаете, городок наш расположен в особом месте. В особой зоне, так сказать. Слышали о разломах в земной коре? Нет, не волнуйтесь, никаких землетрясений у нас не бывает. Да и ближайшее пересечение разломов южнее нашего городка, но в земной коре бывают не только разломы. Но и отверстия. Даже в материковых плитах. Как дырки в сыре.

– Вулканы, что ли? – сделал умное лицо Дорожкин.

– Ну только не в Московской области, – рассмеялся Адольфыч. – К тому же за миллионы, может быть, миллиарды лет Земля сама залечила свои, так сказать, раны. Заполнила их, чем придется. Но раны оставляют шрамы. Иногда невидимые, но дающие о себе знать. Своеобразным путем. Воздействием, можно сказать, на людей. Может быть, газом радоном или еще каким, может быть, какими-то особыми факторами магнитного поля, может быть, еще чем-то. Незаметным воздействием, микроскопическим, проживи всю жизнь, у тебя от этого и насморка не случится, но за столетия, за поколения так вышло, что народ у нас получился… особенный. Со способностями.

– То есть? – не понял Дорожкин.

– Ну способности различные, – потер подбородок Адольфыч. – Люди-то в основном простые. И те, что были, и те, что после приехали. Те, что были собраны по всему бывшему Союзу. Собраны в месте, в котором их и так была самая большая концентрация. Причем подавляющее большинство и не подозревает о собственном потенциале. Тем более что теперь-то, в смысле приезжих, речь идет уже о третьем, четвертом поколении. А так-то в основном имеются способности к телекинезу, чтению мыслей, предсказанию, ну и прочее по мелочи и не только по мелочи. Но все не оформлено, дико, хотя народец-то в основном

мирный. В свое время был построен даже институт для изучения этого феноменального свойства территории, под этот институт, собственно, и прочее народонаселение подбиралось. Хотели использовать аномальные способности человеческого фактора на пользу народному хозяйству. Да и разобраться, что да к чему. Высказывалось предположение, что под бывшей деревенькой залежи каких-то особых ископаемых. Было организовано даже предприятие, научное производство, пробиты шахты, пробурены скважины. Ничего, правда, кроме неплохой минеральной водички, не нашли, но к тому времени уж и городок появился, и народец… осел, можно сказать. Семьями обзавелись. Но прошло время, да и в стране многое поменялось. Институт с тех пор перепрофилировали, потом вовсе законсервировали, опытное научное производство, сиречь лаборатории, забрало военное ведомство, а ввиду неразумения своего засекретило их еще сильнее, чем они были, и что оно там с ними делает теперь, не нашего ума дело. А городок-то остался. И причем благодаря всем этим обстоятельствам сохранил особый статус. Понятно?

– Не очень, – признался Дорожкин. – А как же эти… ну телеки…ки…незисты, чтецы мыслей, предсказатели?

– А что им сделается? – пожал плечами Адольфыч. – Живут себе. Рабочие места мы стараемся организовать на месте. Поддерживаем предпринимательство. Так что социальной напряженности в городе нет. Как и не было никогда. Смотрите, – Адольфыч стал загибать пальцы, – мигрантов нет, бандитов нет, наркоманов нет, милиции, что в наше время весьма важно, тоже нет. Признаюсь, что и «гостей с юга» практически нет. Горожане даже радуются, что городок закрытый. Нас ведь не только голодные восьмидесятые, лихие девяностые да гнилые нулевые пощадили, до нас даже Хрущев Никита Сергеевич в свое время не добрался. Пытался, правда, Конотоп Василий Иванович, был такой правитель Московской области, разворошить наше гнездышко, тем более что рядышком были его охотничьи угодья, но интересы военного ведомства возобладали. Да и не так просто до нас добраться. Так что живем себе. И если кто и читает чужие мысли, так он, скорее всего, и сам не понимает, что в его голову приходит. Чужие мысли – это, Евгений Константинович, обычно такая каша…

– И вы думаете, что я в это поверю? – недоверчиво усмехнулся Дорожкин.

– А верить я вас и не заставляю, – ответил усмешкой мэр. – Я хочу, чтобы вы работали в нашем городе, потому что именно вы нам нужны. Ваши потенциальные способности и даже уже имеющиеся возможности нас устраивают. В том числе и черты характера.

– Откуда вы знаете о чертах моего характера? – удивился Дорожкин.

– Вы вменяемы, – сказал Адольфыч. – Эта самая загоруйковская настойка, влияние которой вы преодолели феноменально быстро, кроме всего прочего будит в человеке самые низменные инстинкты. Если бы в вас была хотя бы сотая часть мерзости, она неминуемо всплыла бы и засияла во всей красе. А вы только смеялись и мрачнели от каких-то раздумий. Впрочем, мрачнеть-то вам и в самом деле есть из-за чего. Откажись вы от моего предложения, одна вам дорога – возвращаться в родную деревню.

– Не самый худший выбор, кстати, – огрызнулся Дорожкин. – Там хотя бы опытов над людьми не проводят… с помощью загоруйковки.

– Там их травят «табуретовкой», – отрезал Адольфович. – А мы угощаем полезным для здоровья продуктом. Травы-то в напитке и в самом деле знатные. К тому же мы не можем просто так довериться первому встречному.

– Я, выходит, – скривился Дорожкин, – все-таки первый встречный?

– Не первый, но тот самый, – смягчил тон мэр. – Нам хватило бы и вашей выпивки с Фим Фимычем, но мы проверили вас досконально. Поверьте, за сутки можно сделать многое. Побывать в вашей деревне под Рязанью, оценить вашу заботу о матери, отвагу на пожаре. Отзывы односельчан немалого стоят. Ни одного злого слова. Удивительно. И это при той дремучей непосредственности, которая свойственна истерзанной русской глубинке. Поговорили с вашим знакомым Мещерским, интересный тип, кстати, любопытный, весьма любопытный, заинтересовал он нас, знаете, всегда приятно обнаружить под оболочкой какого-нибудь растолстевшего циника хорошего специалиста, ну да ладно. Всему свое время. И у него мы тоже получили весьма благожелательную характеристику на вас. И ваша бывшая девушка, Маша, не сказала о вас ни одного злого слова. Вы уж простите, что пришлось так влезть в вашу жизнь, но все люди, с которыми мы разговаривали, уже забыли об этом разговоре.

– Забыли? – не понял Дорожкин.

– Забыли, – кивнул мэр. – Кое-кто в нашем городке все– таки владеет своими способностями. Но вы не забудете. И в этом одно из ваших достоинств. На вас это не действует. Понимаете?

– Что «это»? – поморщился Дорожкин: голова все-таки побаливала.

– Это, – щелкнул пальцами Адольфыч. – Называйте как хотите. Гипнозом, внушением, колдовством. «Это» работает. Почти всегда. Но не против вас. Согласитесь, это немаловажно. Это – способность. И эта способность нам необходима. Нам нужен человек, который, скажем так, не поплывет, когда кто-то из местных попытается окоротить его своими особыми способностями.

– Это все? – спросил Дорожкин, чувствуя странную, накатывающую на него из какой-то глубины тоску.

– Нет, – качнулся на стуле мэр. – Вы видите.

– Вижу? – не понял Дорожкин.

– Нимб, – пояснил мэр. – Над головой женщины. В метро, в давке, среди тысяч, десятков тысяч москвичей находилась женщина с нимбом, но увидел его только один человек – вы, Евгений Константинович. Это редчайшая способность. Это чудо! Как и то, что вместо прекрасной девушки, которую видели все в вагоне, вы один разглядели обычную женщину, правда, с нимбом. Как и то, что, когда Марк Содомский попытался вами… управлять, у него ничего не вышло. Но еще более удивительное, редчайшее, почти невозможное чудо то, что все эти способности совпали в одном человеке. Это тоже очень важно.

– Настолько важно, что вы сделали мне подножку? – потрогал распухший нос Дорожкин. – Вот, выходит, откуда ноги растут?

– Подножку Марк сделал по другой причине, – объяснил мэр. – Чтобы проверить вашу человеческую реакцию и поймать ваш образ. Зафиксировать, не упустить. Для этого ему нужна была ваша кровь. Должны же мы были как-то отследить вас?

– Это ваши обычные методы? – огорчился Дорожкин.

– Только при проверке будущих сотрудников, – твердо сказал Адольфыч. – Мы должны быть уверены в них на все сто.

– Это все? – спросил Дорожкин.

– Это – самое главное. То, что вы должны знать, чтобы принять правильное решение, – улыбнулся мэр.

– Сколько у меня есть времени на раздумья? – посмотрел на ночь за окном Дорожкин.

Воспоминание о падении в метро не добавило ему хорошего настроения. Но и не убавило тоже. В животе разливалось приятное тепло, в голове клубилась некая легкость и, что было странно, ясность. Хотя и тоска оставалась где-то поблизости.

– Ну… – Адольфыч посмотрел на часы. – Минут десять.

– А если я не соглашусь? – готовясь совершить явное сумасбродство, вздохнул Дорожкин.

– Вы согласитесь, – переплел пальцы мэр. – Вероятность – девяносто восемь процентов. Вы уже согласились, я вижу. Хотя хлопоты с вами все равно будут. Излишняя доброта и порядочность сотрудников, знаете ли, – это бремя для руководителей. Ну а если бы не согласились, я был бы огорчен. Вы нет. Вы же не знаете, от чего вы можете отказаться. Ведь мои слова – это пока что только слова.

– От чего я могу отказаться? – повторил слова мэра Дорожкин.

– От шанса, который выпадает один раз, – отчеканил Адольфыч. – От возможности прожить очень интересный кусок жизни.

Повисло молчание. Мэр демонстративно посмотрел на часы и начал, негромко посвистывая, оглядывать крохотную кухню. Дорожкин, преодолевая слабость в ногах, поднялся, плеснул в стакан воды.

– Наверное, есть какие-то условия, о которых я должен знать? Бумаги надо подписать?

– Бумаги никакие не нужны, – пожал плечами мэр. – Достаточно честного слова. Но некоторые предварительные условия имеются. Городок у нас маленький, режимный, хотя несколько тысяч населения – это вам не какое-нибудь сельцо заспиртованное. Порядок в городе – почти идеальный. Частного транспорта, как я уже говорил, нет. Для тех, кто прибывает на своих машинах, на подъезде имеется охраняемая стоянка. По городку курсирует, повторяюсь, бесплатная маршрутка, но весь город можно пересечь пешком за полчаса. Причем не торопясь. В мэрии имеются грузовики на случай каких-то перевозок, пара комфортабельных автобусов. В городке не работает сотовая связь, но родным можно звонить с почты, опять же бесплатно. Соответственно и с Интернетом, только с почты. Режим. И болтать лишнего не следует. В случае чего, мы – «почтовый ящик». Тем более что по соседству с нами имеется подобный «почтовый ящик»[4]. Для окрестных, кто в курсе, мы называемся просто – городок. А так-то секрета нет. Название у города самое обычное – Кузьминск. Но на карте его искать бесполезно. Да, последнее: первый отпуск через одиннадцать месяцев после поступления. Так что почти на год всякий новичок становится почти невыездным. Исключая выходные дни. Видите, и тут никакой дискриминации, столица-то рядом.

– А что с Трудовым кодексом? – сделал серьезное лицо Дорожкин.

– Действует в полном объеме, – поднял брови Адольфыч. – Пенсионные отчисления производятся. Ограничения касаются только некоторых моментов, связанных с режимностью самого города.

– Город хоть ничего так? – все еще колеблясь, спросил Дорожкин.

– Замечательный, – твердо сказал мэр. – Своя больница, кинотеатр, стадион, бассейн и многое другое.

– Это все? – Дорожкин тоже окинул взглядом кухню с закопченным потолком, заколебался. – Ну…

– Ну? – прищурился Адольфыч.

– Ну ладно, – с облегчением махнул рукой Дорожкин. – Не в Антарктиду же поеду, в

конце концов? Допустим, что я согласен. Допустим! Когда я должен прибыть на место? Мне же надо собрать вещи, отдать ключи хозяину.

– Хозяин появится через пять минут, – еще раз посмотрел на часы мэр. – Надеюсь, вы не будете пытаться заполучить с него ваши двадцать тысяч обратно? Вещи ваши собрал Фим Фимыч. Уж простите наше самоуправство, но так и вещей у вас кот наплакал. Пока, смею заметить. Кстати, вы еще успеете побриться и переодеться. Или сделаете это уже в более достойных условиях?

– А кто он? – растерянно мотнул все еще тяжелой головой Дорожкин. – Кто он такой, этот Фим Фимыч?

– Фим Фимыч? – удивился Адольфович. – Да никто. Отличный старикан. Рыбак. Мастер по всяким железным штуковинам. Мой приятель. Знаменит тем, что может подобрать ключик к кому угодно. Душевный ключик, душевный. Он консьержем служит в доме, в котором вы будете жить. Но загоруйковки у него больше не просите. Не даст. Такой жмот, я вам скажу…

Глава 3
Дорога и еще немного

Половину пути до Кузьминска Дорожкин проспал. Собственно, и ту часть пути, которую он старательно пялился в окно старого громоздкого «вольво», он помнил кусками. Две объемистых сумки с вещами плечистый мужик, лица которого Дорожкин не рассмотрел, поставил в багажник, сам Дорожкин плюхнулся на заднее сиденье, где и обнаружил, что передняя часть салона, в которой поместился возле водителя Адольфыч, отгорожена матовым стеклом. Машина выкатила на Рязанку, домчалась до МКАД и пошла в сторону Ярославки. Дорожкин еще успел отметить, что Фим Фимыча в машине нет, и решить, что карлик вполне мог поместиться в багажнике вместе с сумками, как голова его окончательно отяжелела, и он уснул. Сквозь сон Дорожкин еще пытался вспомнить, откуда Фим Фимыч взял эти сумки, неужели с собой принес, и не упаковал ли он в них что-то хозяйское, но потом темнота затопила все.

Первый раз Дорожкин проснулся все еще на кольце. Он протер глаза, удивился, что при затонированной перегородке в салоне стекла машины прозрачны, разглядел проносящийся за окном ночной пейзаж и понял, что справа – Митино. Затем машина покатила вниз, Дорожкин прочитал на коробках выставочного комплекса «Крокус Экспо» что-то о международном автосалоне, прикрыл на мгновение глаза, а когда открыл их, машина уже уходила с МКАД на Ригу.

Следующее пробуждение пришлось на развязку у Новопетровска. Дорожкину мучительно захотелось пить. Он оглядел широкое сиденье, повернулся назад, осмотрел карманы в дверях, наклонился и обнаружил на полу пакет с парой бутылок минеральной воды «Кузьминская чистая». Напившись, Дорожкин плеснул воды на ладонь, промыл глаза и снова уставился в окно на темную полоску леса. Ночь вместе с лесом убегала куда-то за спину, и точно так же убегала за спину его прошлая жизнь. Так же, как и в две тысячи пятом, когда недавний студент Евгений Дорожкин не сумел откосить от службы и загремел в армию. Откашивать тогда он не слишком и пытался, законных и не слишком хлопотных способов остаться дома не нашел, поэтому в один не самый счастливый день оказался в компании храбрящихся призывников. Тогда, в холодном автобусе, который вез Дорожкина навстречу неизвестности, он впервые ощутил поганое чувство беспомощности. Его будущее от него не зависело. Дальнейшее существование Дорожкина должен был определять случай и ничего больше, потому как случай был сильнее и его сомнительной стойкости, и неуемной веселости, и недостаточной храбрости, и даже безусловного старания и трудолюбия деревенского, несмотря на пятилетку в стенах педвуза, парня. Дорожкин еще тыкался лбом в грязное автобусное стекло, а случай, в виде огромного карьерного самосвала или какого-нибудь страшного армейского механизма, уже прогревал двигатель. Скоро-скоро он поедет по дороге, по которой будет ползти военный бесправный муравей с дурацким образованием и непутевой судьбой, и одному богу известно, расплющит он Дорожкина в лепешку или оставит жить, подарив выемку в протекторе.

Дорожкин поежился и вдруг понял, что и в этот раз он чувствует ту же самую беспомощность. Теперь ему уже не казалось, что он принял правильное решение. Успокаивало только одно: никакой пользы от уничтожения скромного логиста просто не могло быть. Богатств Дорожкин не скопил, никакого наследства ему не причиталось и не

могло причитаться, ибо отец его умер так, как и подобало большинству пьющих механизаторов, – замерз в снегу по дороге домой после очередной пьянки. Других родственников, кроме здравствующей матушки, у Дорожкина не имелось. Близких друзей не было тоже, но так и врагов не случилось скопить ни одного. То есть, с учетом собственной малозначительности, Дорожкин вообще не должен был ничего бояться? Хотя кто может знать, что за секретный объект на самом деле обосновался в этом Кузьминске? И какие вообще могут быть закрытые города в то время, когда все бывшие секреты выбалтываются где угодно и кем угодно? Ну уж не для каких-то опытов везли сейчас глупого полупьяного офисного менеджера на край Московской области?

Дорожкин подумал еще раз, обозвал себя болваном, нащупал в кармане оставшиеся три с половиной тысячи и решил попроситься в Волоколамске в туалет. А там уж сбежать и на первой утренней электричке отправиться обратно в Москву, чтобы вылезти на Рижском, нырнуть в метро, докатить до Казанского и поспешить дальше домой, домой, домой, где не так уж интересно, но все понятно и просто. Однако планы пришлось менять уже через несколько минут. Машина, не доезжая Волоколамска, ушла с трассы и покатила по узкой асфальтовой двухполоске. Дорожкин сплющил о стекло нос и вдруг подумал о главном. Там, за спиной, в Москве, в которой у него не осталось ничего, кроме нескольких не самым удачным образом прожитых лет, все-таки осталось что-то важное. Что-то настолько важное, что перевешивало и его страх перед неизвестностью, и необходимость что-то менять в жизни, и даже самые сладкие посулы и радужные мечты. Только что?

Дорожкин потер виски, скорчил гримасу, снова уперся в холодное стекло лбом и едва не расплакался от бессилия пьяными слезами. Никакими стараниями он не мог вспомнить то, о чем не имел ни малейшего представления, кроме слабого, едва различимого ощущения. Точнее, даже памяти об ощущении. Ощущении безграничного счастья, которое было сродни счастью раннего деревенского утра, когда в окно заглядывает солнце, во дворе выкрикивает бодрые глупости петух, в ногах мурлычет кошка, скрипят ступени крыльца, гремят ручки на ведрах с водой, слышатся легкие шаги, и к лицу маленького Дорожкина прижимается молодое и дорогое лицо мамы. Но ведь Дорожкин далеко уже не малыш и в последние несколько лет не испытывал даже тени похожего? А если и испытывал, то не мог этого забыть. Так ведь не забыл вроде? Окончательно-то вроде не забыл? И когда же вспомнил? Когда вспомнил? Там, в метро, когда увидел нимб над головой женщины? А если он его снова увидит? Может быть, он вспомнит еще что-нибудь?

Сон снова начал тяжелить веки Дорожкина, некоторое время он еще пытался бороться, затем выудил из кармана шариковую ручку, написал на запястье левой руки крупно – «вспомнить», разобрал на придорожном указателе название поселка – Чисмена, упал на сиденье и снова уснул.

В очередной раз Дорожкин проснулся оттого, что машина резко свернула влево. Он едва не свалился с сиденья, с трудом выпрямился, посмотрел в окно и увидел магазины и темные домишки какого-то села. Машина повернула еще раз, на этот раз направо, за окном мелькнула полуразрушенная церковь, и колеса запрыгали по ухабам. Черная в ночи луговина сменилась силуэтами дачных домиков, разбитый мосток через речушку привел в деревеньку со странным названием Чащь, но машина не остановилась и повезла Дорожкина вовсе в какую-то глушь. Сквозь очередной приступ сна Дорожкин подумал, что, возможно, жизнь его уже предопределена и трепыхаться ему не стоит вовсе. Разве только покорячиться немного для того, чтобы все-таки выпросить у Фим Фимыча стакан загоруйковки и встретить все

прочие неприятности и даже смерть вот в таком же полусонном и безразличном состоянии или даже с бодрым смешком. Откуда-то накатил холод, Дорожкин подтянул к груди колени и не вывалился из сладкого сна окончательно только потому, что из-под матового стекла подул теплый воздух. Слегка согревшись, Дорожкин приоткрыл один глаз, увидел, что окна затянуты туманом, испугался, но машина шла ровно и медленно, и Дорожкин снова попытался уснуть. Мотор продолжал уверенно урчать, Дорожкину даже послышался какой-то то ли скрип, то ли шорох снаружи, он нащупал бутылку с водой и снова попытался смыть с лица сон. Дорожкин попробовал было открыть окно, но ручка подъемника не работала, крутилась вхолостую.

– Нет, – пробормотал он недовольно. – Больше никакой загоруйковки. И вообще, хочу к маме в деревню.

Сказал и снова уснул – на секунду или на час, не понял. В салоне стало тепло, Дорожкин вытянулся, насколько позволяло сиденье, и тут же понял, что на самом деле он и вправду едет к маме. И даже мама сидит тут же, гладит Дорожкина по голове и что-то бормочет про крышу, про теплый туалет, про отвагу на пожаре, про то, что Дорожкин молодец, что в деревне четыре девки на выданье, одна другой лучше, а ей больше прочих дочка учителки нравится. Ну и что, что ростом мала? Так на руках легче носить будет. Маленькая – значит, шустрая. Опять же можно одежду в детском мире брать, дитятское все дешевле. «А свадебное платье тоже в детском мире покупать?» – только и успел возмутиться сквозь сон Дорожкин, пытаясь вспомнить, как же она выглядела, дочь учителки, если не было у них в деревне никакой учителки, все учителя на поселке жили, как машина встала.

– Приехали, – раздался за дверью бодрый голос, и Дорожкин проснулся окончательно. Пошатываясь, он выбрался из машины и обнаружил, что на улице по-летнему тепло, машина суха, но покрыта толстыми разводами то ли грязи, то ли клочьями какой-то пряжи или тряпья. Впереди возвышалась громада дома, сложенного, судя по отсветам фонарей на подъездах, из темного, почти черного кирпича. В небе мерцали привычные созвездия. Под ногами шелестели опавшие листья.

– Что это? – снял со стекла клок паутины Дорожкин.

– Не обращайте внимания, – бодро ответил стоящий рядом Адольфыч. – Так… Местная природная аномалия. В городе подобного не бывает. У нас, кстати, климат мягче, чем в Москве, хотя мы и на сотню километров севернее. Тут леса кругом, знаменитые охотугодья – Завидовский заповедник. Слыхали? Влияет, наверное. Мы уже на месте. Ну и как вам?

– Днем бы посмотреть, – завертел головой Дорожкин.

– Вот днем и посмотрите, – кивнул Адольфыч, – а сейчас спать. Павлик, отнеси вещи Евгения Константиновича!

Оказавшийся Павликом водитель загремел крышкой багажника, а Адольфыч только развел руками:

– На этом пока моя миссия заканчивается. Дальнейшую ответственность за ваше благополучие я перекладываю на Марка, ну вы с ним опосредованно уже знакомы. А уж он назначит вам шефа на первое время. Но это все будет послезавтра или уже завтра. Сегодня спать, отдыхать, с обеда можете прогуляться по городу, осмотреться. Если что, Фим Фимыч вас проинструктирует. А вот и он.

Из подъезда и в самом деле выскочил карлик, замахал руками, но Дорожкин его уже не слушал. Недолгий сон в пути оказался явно недостаточным, и Дорожкин снова начал засыпать и уже почти спал, пока пожимал холодную руку Адольфыча, пока грузился в

старинный лифт с двойными дверями вслед за похожим на медведя Павликом. В полусне же он с трудом разбирал бормотание Фим Фимыча, что кого другого после такой порции загоруйковки вовсе бы на носилках несли, силился открыть глаза, когда консьерж гремел ключами у высокой, покрытой заклепками стальной двери, но когда заснул, так и не вспомнил. Зато проснулся со свежей головой и ощущением здоровья во всем теле.

«Однако», – удивленно подумал Дорожкин, не открывая глаз. Ни в голове, ни во всем организме в целом не было не только нотки похмелья, но как бы даже наоборот; он словно снова обратился в едва оперившегося юнца, и некоторые части тела сообщали ему об этом недвусмысленно и задорно. Дорожкин улыбнулся и решил понежиться еще несколько минут под одеялом, а заодно уложить в голове неожиданно ясные воспоминания о вчерашнем дне и прошедшей ночи. Итак, он нанялся на непонятную работу к непонятным людям и, более того, уже прибыл на новое место жительства, расположенное примерно в ста километрах севернее Москвы. И не просто прибыл, а выспался и продолжал лежать в мягкой постели в квартире, которая через пять лет должна перейти в его собственность. Начало было интригующим и где-то даже обнадеживающим.

Дорожкин приоткрыл один глаз, посмотрел на потолок, не обнаружил его на привычном месте, открыл оба глаза, прищурился и понял, что потолок находится неприлично высоко. Нет, тут было не три с половиной метра пространства, а как бы не все четыре. «Первый плюс, – подумал Дорожкин. – Наконец-то перестану сбивать люстру руками, надевая свитер. Жаль, Машка этого уже не оценит. Собственно, а почему жаль?»

Дорожкин откинул толстое, но неожиданно легкое одеяло и, опустив ноги на пол, точно попал в толстые войлочные тапки. Утро или, судя по ослепительно-синему небу в огромном окне, день начинали нравиться Дорожкину все больше. Комната была такой просторной, что, повесив в ее торце кольцо, компания высоченных негров вполне могла бы разыграть партию в дворовый баскетбол, и Дорожкин нисколько бы им не помешал. Он сидел на широкой металлической кровати с блестящими никелированными шарами на спинках и казался сам себе лодочником, заплывшим на довольно приличной посудинке в огромную гавань. Слева от него стояла тумбочка из красного дерева, сравнимая размерами с комодом, напротив, метрах в четырех, собственно комод, напоминающий выполненный из того же красного дерева тяжелый танк, а левее, ближе к окну, обнаружился не менее тяжелый письменный стол с двумя тумбами и обтянутой зеленой тканью столешницей, на которой блестел черный массивный телефон. Кресло перед столом было вполне современным, на колесиках, с кучей регулировок и высокой спинкой. Прочий периметр, исключая четверку антикварных, с позолотой, стульев, пустовал, хотя дверцы пары стенных шкафов оставляли простор для фантазии. Дорожкин лег на спину, чтобы дотянуться до желтоватой стены, на ощупь решил, что она выкрашена акрилом, встал, обнаружил, что беленый, с гипсовой лепниной, потолок ближе не стал, и зашаркал по явно дубовому паркету к окну.

За окном и в самом деле стоял день, хотя полдень, кажется, еще не наступил. Окна квартиры Дорожкина, судя по отчетливой тени дома на траве и дорожках, смотрели на север, но даже и отраженного небом и сентябрьской травой света хватало, чтобы комната казалась по-летнему солнечной. Чуть тронутый осенью газон выбирался из-под тени дома и, прервавшись на (ничего себе) полосу брусчатой мостовой, скатывался по крутому склону к узкой речке с еще более узким пешеходным мостом. За речкой зеленела луговина, паслось с пяток коров, начинались огороды какой-то деревеньки, и уже за ней синел мутными зубцами

лес.

– Ну-ну, – пробормотал Дорожкин. – Несколько тысяч населения. Однако какой это этаж? По высоте как бы не десятый!

Он отодвинул тюль, повернул шпингалет, неожиданно легко открыл окно и подставил лицо теплому сентябрьскому ветру. Этаж был пятым. Прямо над головой свисал край крыши, справа и слева из темно-красного кирпича торчали вырезанные из известняка морды то ли каких-то горгулий, то ли еще какой пакости. Дом был двухподъездным, но производил впечатление огромного. Улица, на которой он стоял, справа вместе с речкой поворачивала за угол, а прямо перед домом раздваивалась и уходила половиной своей вдоль реки куда-то к северо-западу, а второй половиной, обрастая домами, подобными тому, из которого высунулся Дорожкин, просто к западу. Из-за угла соседнего здания выполз микроавтобус, повернул налево, остановился, выпустил трех школьников с ранцами и поехал дальше. Детвора побежала по дорожкам к ближайшим домам. И без того бодрое настроение Дорожкина сразу улучшилось.

Он захлопнул окно и, разминая шею и делая взмахи руками, обошел комнату. Поднял тяжелую телефонную трубку, покачал головой, глядя, как медленно выползают из эбонита хромированные рычаги, послушал гудок. Потрогал стопку своей одежды на стуле, достал сотовый и уверился, что тот и вправду находится вне зоны действия Сети. Затем погремел ящиками комода, открыл тумбы стола, убедился, что они пусты. Нашел несколько комплектов белья и стопку полотенец в тумбочке-гиганте у кровати. В первом стенном шкафу, который можно было сдавать малоимущим студентам в качестве комнаты без окна, провел рукой по плечикам и с некоторым сожалением узнал в зеркалах на внутренней стороне дверей в слегка помятом молодом мужике в трусах и майке самого себя. Открыл второй шкаф и обнаружил там беговую дорожку, которая была немедленно вытянута наружу, подключена к ближайшей розетке и опробована. «Однако», – обрадовался Дорожкин, чувствуя, как икры наполняются усталостью, а на плечах и лбу выступает пот. Жизнь продолжала налаживаться. Через тридцать минут, когда квартира была осмотрена полностью, Дорожкин был почти счастлив.

Коридор лишь немногим уступал размерами спальне, и это было еще ценнее оттого, что от огромной кухни он отделялся широкой аркой, через которую падал вполне себе дневной свет. Вместе с комплектом мягкой кожаной мебели и настоящим камином это превращало коридор в гостиную, тем более что собственно прихожая с галошницей и стенным шкафом для верхней одежды отделялась от коридора такой же аркой. В коридоре имелась еще и кладовка, куда Дорожкин тут же перетащил стоявшие в прихожей сумки с вещами, после чего заглянул на кухню и во вторую комнату.

Гостиная оказалась именно такой, какой и представало в мечтах Дорожкина логово состоятельного мужчины средних, а еще лучше молодых лет. Она была почти квадратной, причем одну стену ее занимало такое же огромное окно, как и окно спальни, а три других – застекленные книжные стеллажи под потолок, оставляя проемы для дивана, пары кресел и тумбы из черного дерева с огромным телевизором. На все том же дубовом полу лежала белая медвежья шкура, а на ней стоял аккуратный стол с настольной лампой, украшенной вырезанным из белого камня орлом.

Дорожкин приблизился к одной из полок, звякнул стеклянной дверцей и вытащил отлично сохранившуюся, но, судя по желтизне бумаги, старую книгу. Так оно и оказалось, в нижней части обложки значилась дата издания – 1827 год. Выше выделялся заголовок

«Tamerlane and Other Poems»[5]. Дорожкин повертел книгу в руках, открыл ее, вгляделся в ряды строк, не нашел имени автора и аккуратно поставил книгу на место, как ему показалось, в ряд не менее древних изданий. Да, пожалуй, одни только книги на этих полках стоили больше, чем вся роскошная квартира. Хотя кому теперь были нужны бумажные книги? Дорожкин вспомнил о ноуте, метнулся в кладовку, разыскал в одной из сумок видавший виды аппарат и с огорчением убедился, что вайфаем в квартире и не пахнет. Впрочем, с таким количеством книг… Конечно, если не все они представляют собой сборники поэзии, да еще на английском языке.

Если библиотека привела Дорожкина в состояние восторга, то кухня обратила его в трепет. Особенно холодильник. Он напоминал двухстворчатый стальной гардероб и в последнем обиталище Дорожкина занял бы половину кухни, а с учетом раковины и газовой плиты, то и всю. На новой кухне Дорожкина он скромно ютился в уголке, не выделяясь в длинном ряду мебели, наполненной множеством совершенно неведомой Дорожкину утвари и поблескивающей столешницей из натурального камня. Дорожкин плюхнулся на диван, ощутив голыми ногами приятный холод кожаной (на этот раз светло-бежевого цвета) обивки, и понял, что, даже если счастье есть категория мгновенная, это нисколько не отменяет его возможной материальности. Отчего-то ему тут же вспомнились слезы матери, которая однажды приехала к Дорожкину в Москву, когда он перебивался вовсе в убогой комнатушке, села на кривой стул и начала горевать над непутевостью собственного сына. Сейчас бы ее слезы были светлыми и счастливыми.

Дорожкин с удивлением почувствовал, что у него защипало в носу, громко и ненатурально расхохотался, поднялся, открыл холодильник, уже без особого удивления нашел на одной из ярко освещенных и забитых продуктами полок чуть слышно урчащего чуда какой-то йогурт и, забрасывая в рот сладкое кушанье, отправился в ванную. Ванных было две. В одной, которую Дорожкин сначала счел довольно большой, имелись душевая кабина, компакт и широкая раковина у зеркальной стены. Во второй, которая своими размерами превращала первую в маломерку, нашлось все то же самое, но душевая кабинка блестела какими-то многочисленными соплами, и сверх стандартного набора обнаружилась изящная чугунная двухметровая ванна с фигурными ножками, чудной фаянсовый «зверь» биде, а также огромный полотенцесушитель, зеркальная плитка на потолке, черная на стенах, теплый пол и прочее, прочее, прочее. Через минуту Дорожкин уже стоял в душевой кабине под струями теплой воды и был бы близок к громогласному исполнению какого-нибудь торжественного гимна, если бы не одна ужасно неудобная и колючая мысль, которая вгрызалась ему в голову, словно сверло перфоратора, – никакой теоретической пользой и старанием он не мог оправдать предоставленную ему роскошь. Даже с учетом его немедленного расчленения и продажи всех органов, вплоть до мозгового вещества, по максимально возможной цене. Хотя если счесть предоставление жилплощади недолгой арендой… И все-таки с нормальной логикой мирились только два варианта развития событий: или этот самый Адольфыч вместе со всей своей мэрией сошел с ума, или с ума сошел сам Дорожкин, и в настоящее время он не стоял под душем в ванной комнате, которая одна была больше его бывшей съемной квартиры, а лежал где-нибудь в психушке под действием каких-нибудь транквилизаторов и бессмысленно вращал глазами.

– Или работа, которую мне придется работать, связана с какой-то дрянью, – сделал вывод из бесплодных размышлений Дорожкин. – И квартира эта как переходящий приз. Один инспектор умирает или погибает, на его место берут нового. И все довольны. Значит, таки

аренда? Бесплатного сыра не бывает, Дорожкин. Или бывает?

Вода продолжала ласкать тело. Острые струйки ударяли не только по макушке и плечам, но и били со всех сторон, заставляя Дорожкина ощущать всю его, надо заметить, не слишком богатырскую стать. Он взял в руки флакон с каким-то диковинным гелем для душа, заметил на запястье уже почти смывшееся слово, нащупал ближайшее полотенце, намочил его и уже мокрым затянул несколько тугих узлов, повторяя при каждом усилии: «Надо вспомнить, надо вспомнить, надо вспомнить». Теперь отчего-то водяные уколы уже не казались Дорожкину мягкими и ласковыми.

– Честное слово – честным словом, а как отработаю квартиру, непременно потребую на нее документы, – твердо сказал Дорожкин. – И зарплату буду при первой возможности класть на книжку или отправлять матери. А то мало ли? Вот бы мамку сюда притащить да показать ей все. Нет. Пока не надо. А если лажа какая?

Дорожкин открыл глаза и вдруг увидел в стекающей по черной плитке воде старуху. Она стояла в паре метров от него, голого, – высокая, крепкая, с всклоченными над узким лбом светлыми с сединой кудряшками, и, уперев кулаки в бока и оттопырив синеватую с прожилками губу, с видимым презрением рассматривала Дорожкина.

– Черт! – заорал он, выпрыгивая из душевой кабинки, поскользнулся, грохнулся на пол, но в последний момент успел разглядеть: прежде чем растаять, старуха фыркнула и покачала головой.

– Сам ты черт, – услышал Дорожкин еле слышный голос. – Хотя куда тебе, сосунок.

Глава 4
Променад и лимонад

В полдень Дорожкин вышел прогуляться. Покачал головой, приглядевшись к древнему лифту со стальными решетками-дверями, и сбежал по высоким ступеням пешком. Фим Фимыч сидел за стойкой у входа в клубах канифольного дыма и тыкал паяльником в нутро туристического телевизора.

– О! – воскликнул карлик, увидев Дорожкина. – За новыми впечатлениями?

«Со старыми бы разобраться», – раздраженно подумал Дорожкин, но консьержу улыбнулся.

– Доброго здоровьица, Фим Фимыч. Вот вышел прогуляться.

– Прогуливаться – не прогуливать, – подмигнул Дорожкину карлик. – Совет какой нужен? Если насчет перекусить, сразу говорю, кафе «Зюйд-вест» лучше прочих. Несильно, но лучше. В смысле пива и настроения. Остальное и сам разглядишь. Как ночевал?

– Более чем, – с сомнением ответил Дорожкин и в свою очередь подмигнул карлику. – Интересуюсь вот, отчего Адольфыч сказал, чтобы я у тебя, Фим Фимыч, загоруйковку не просил? Так и сказал: не проси, все равно не даст.

– А хрен его знает, – громко ответил Фимыч, но шепотом добавил: – Будешь просить, не дам, а без спросу угощу. После поговорим. Если прирастешь тут.

– Вот и отлично, – кивнул Дорожкин и толкнул тяжелую дверь. Оказывается, в этом самом Кузьминске еще надо и прирасти? А что же бывает с теми, кто не прирос?

Прирасти к городку на первый взгляд казалось проще простого. Вокруг сияла чистота, травка была аккуратно пострижена, в урнах поблескивали вывернутые краями наружу пакеты для мусора, но мусора не видно было не только в урнах, но и вокруг них. Камни брусчатки блестели, словно смазанные маслом. Дорожкин начал озираться уже через десяток шагов, когда вдруг понял, что отсутствие бумажек и даже обычных окурков под ногами выбивает его из привычного мира покрепче, чем нимбы над головами, разговаривающие старухи в черной плитке или колтун паутины на машине теплой осенней ночью. Однако все перечисленное вполне можно было списать на временное помрачнение рассудка, а улица существовала наяву, под ногами, по ней можно было шагать, ее можно было разглядывать и даже трогать руками. Не запачкав ладоней, кстати. Еще через десять шагов Дорожкин начал относиться к чистоте как к само собой разумеющемуся и даже подумал, что бросить что-нибудь под ноги в такой обстановке довольно-таки непростая задача. Впрочем, с соблазном Дорожкину бороться не пришлось, потому как бытовым свинством он не отличался с детства, да и бросать ему было пока что нечего.

Дорожкин обошел детскую площадку, на которой пара карапузов копалась в песке, миновал торец очередного пятиэтажного гиганта, уважительно хмыкнул в сторону красной, в английском стиле, будки таксофона с надписью «Местная связь», пригляделся к табличкам на перекрестке и понял, что отныне его адрес – улица писателя Николая Носова, дом номер пятнадцать, квартира тринадцать. Ничего мистического в собственном адресе Дорожкин не обнаружил, пожал плечами и пошел вниз по улице писателя Бабеля, по которой ему навстречу ползла очередная маршрутка. На лобовом стекле старенького, но бодрого «мерседеса» сияла неоном цифра «два», а на боку значился ее маршрут – «улица Бабеля – улица писателя Николая Носова – улица Сталина – улица Мертвых – улица Бабеля».

Дорожкин вздрогнул, перечитал еще раз, но слово «Мертвых» никуда не делось.

«Угораздило же кого-то заполучить такую фамилию, – подумал Дорожкин. – И не только заполучить, но и прославить ее. А если серьезно, чем лучше фамилия, к примеру, Долгих или Косых, чем та же фамилия Мертвых? Да ничем». Тут же в голове всплыло, что и улицы имени Сталина до сей поры Дорожкину не попадалось, ну так чего было задумываться по этому поводу? Городок закрытый, один раз назвали, а потом просто не стали переименовывать.

«Просто не стали переименовывать», – успокоил себя Дорожкин, хотя перекресток улицы Сталина и улицы Мертвых представился ему не самым приятным для полуденной прогулки местом в любом городе.

Тем не менее под ногами царила все та же чистота, кроссовки не расшнуровывались, солнце светило в лицо, теплый ветерок ласкал через ветровку спину, а щебечущие детишки с ранцами, которые то и дело попадались навстречу, способны были привести в хорошее расположение духа даже закоренелого неудачника. За спиной заурчала маршрутка, которая двигалась в направлении, противоположном движению маршрутки номер два. И точно, на стекле у нее сияла цифра «один», а маршрут был указан обратным образом – «улица Бабеля – улица Мертвых – улица Сталина – улица писателя Николая Носова – улица Бабеля». Водитель маршрутки помахал Дорожкину через стекло, Дорожкин помахал ему в ответ и на первом же перекрестке перешел через широкую улицу, которая, как и следовало ожидать, называлась улицей Ленина. У тротуара Дорожкин уступил дорогу мальчишке-велосипедисту, помахал водителю еще одной маршрутки с номером четыре, которая, скорее всего, курсировала именно по этой улице, и продолжил движение вниз по Бабеля, приметив следующий перекресток, за которым поднималось особенно высокое и громоздкое здание все из того же темно-красного кирпича.

Город явно выражал готовность нравиться новому горожанину, и нравиться не только на первый, но и на все последующие взгляды, несмотря на то что его здания были похожи друг на друга как близнецы и каждое украшали выложенные из того же кирпича вертикальные пилоны с вырезанными из известняка уродливыми рожами. Зато, в отличие от каменных, лица встречных детишек были как раз улыбающимися, к тому же в каждой стайке ребятишек, независимо от их возраста, непременно находился один ребенок, который с важным видом говорил Дорожкину: «Здравствуйте». Ну точно как в родной деревне. Вот если бы еще не было ощущения нехватки воздуха, словно в высокогорье, ну так должна же была вчерашняя загоруйковка сказаться на самочувствии хоть как-то?

Следующая улица оказалась улицей Николая-угодника. Именно так и было написано на белой в синей рамочке табличке, разве только после последней буквы «а» был добавлен еще и аккуратный крестик. Дорожкин почесал затылок, но не нашелся что сказать и пошел дальше, тем более что огромное здание по левую руку уже перегораживало часть неба.

Здание занимало целый квартал, то есть длилось ровно до следующего перекрестка, за которым город, видимо, заканчивался, потому что начинался низкий забор и кусты. Но темно-красная громада не давала Дорожкину оторвать от нее взгляд. Огромные окна как будто с черными стеклами, в которых отражались желтые липы, заканчивались стрельчатыми арками, над ними начинался следующий ряд таких же окон, и если бы не обычная черепичная кровля и не подмосковная осень вокруг, то Дорожкин готов бы был принять здание за какой-нибудь обезглавленный готический собор. Тем более что окружено оно было чугунной оградой, в орденах которой явственно проступали изречения на латыни. Впрочем,

их было всего два, и они просто чередовали друг друга.

– Vice versa и et cetera[6], – услышал Дорожкин тонкий дребезжащий голосок и разглядел у красного кирпичного столба растрепанного старичка в мешковатом костюме и в черных, свойственных слепцам, очках. – Именно так и звучит. Вице вэрса и эт цэтэра. Благословенная латынь. Что означает: «наоборот, наизнанку, в обратном порядке, противоположным образом» в первом случае и «некое множество, следующее по пятам познания или учета» – во втором. Профессор Дубицкас к вашим услугам. Антонас Иозасович.

– Дорожкин, – растерянно представился Дорожкин. – Евгений. Константинович.

– Праздное времяпрепровождение несвойственно этому городу, – продолжил дребезжать старичок, снимая очки, под которыми оказались вполне себе зрячие глаза. – Хотя на первый взгляд является его сутью. Вы кто, Евгений Константинович?

– Я новый инспектор, – постарался выпрямить спину Дорожкин.

– Вы уверены? – нахмурился старичок.

– Да вроде бы пока не было причин сомневаться, – пожал плечами Дорожкин.

– Hominis est errare insipientis perseverare[7], – причмокнув, вздохнул старичок. – И все-таки, возможно, я слишком безапелляционен. Не торопитесь именовать непознанное, сначала попробуйте проникнуть в суть вещей, и тогда вы, может быть, поймете, что целью познания как раз и является установление имени всего. Подлинного имени.

– Вряд ли название моей должности изменится, если я проникну в ее суть, – втянул полной грудью запах липовой листвы Дорожкин. – Конечно, если не пойду после этого на повышение.

– Есть множество повышений, но ни одно из них не гарантирует возвышения над самим собой, скорее наоборот, – снова насадил очки на нос старичок и неожиданно улыбнулся. – Надолго к нам, Евгений Константинович?

– Как пойдет, Антонас Иозасович, – ответил улыбкой Дорожкин и вспомнил фразу, с которой отправлялся на сдачу зачетов в институте. – Alea jacta est[8]. Завтра заступаю.

– Не заступайте, да незаступимы будете, – безжизненно, словно и не было мимолетной улыбки, посоветовал старичок, развернулся и побрел, шелестя листьями, к тяжелым дверям.

Дорожкин пожал плечами и двинулся дальше, подошел к захлестнутым на тяжелую цепь воротам, на которых в увеличенном размере красовались все те же латинские фразы, и сначала разглядел на каменных парапетах у лестницы двух несколько странноватых, лишенных фараонских головных уборов сфинксов, а затем уж и надпись желтыми металлическими буквами над входом: «Институт общих проблем».

Прогулка становилась все интереснее. Уже быстрым шагом Дорожкин миновал правое крыло огромного здания и подошел к следующему перекрестку, где и остановился в некоторой растерянности. То, что он принял за кусты и границу города, скорее всего, ею и являлось, только за невысокой оградой тянулся не редкий перелесок, а кладбище. Против правил, принятых в родной деревне Дорожкина, да и на всех прочих отечественных кладбищах, на которые судьба забрасывала его волей печальных обстоятельств, здесь никаких оград, кроме общей, не наблюдалось. Зато памятники, кресты, обелиски, могильные плиты и даже склепы за не слишком широкой полосой бурьяна торчали в изобилии, и редкие березки, шелестящие желтыми прядями, не могли скрыть безудержную фантазию безутешных родственников. Именно здесь и начиналась улица Мертвых. Улица Бабеля пересекала ее под прямым углом и уже через десяток шагов плавно заворачивала вдоль

кладбища на юго-запад, огибая, судя по штабелям бруса и досок и приглушенному визгу пил, внушительную пилораму, за которой полуденное солнце золотило маковки небольшой церквушки. Улица же Мертвых, стартуя у очередного красного таксофона, уходила вправо. «Как в Нью-Йорке, – подумал Дорожкин, который никогда не выезжал за границу. – Параллельные улицы пересекаются с параллельными. Или почти параллельными». В голову ему тут же пришло, что название улицы вряд ли имеет отношение к кому-то по фамилии Мертвых, но неприятная мысль сменилась успокаивающей, что ничего страшного в данном названии нет, тем более что и мертвые находятся тут же. Лежат в земле, придавленные камнями и крестами, омытые слезами родных и друзей.

На противоположной стороне улицы стояла водонапорная башня, которая от времени лишилась изрядной доли высоты и прежнего предназначения. Теперь ее венчал черепичный конус, под которым крупными буквами было выведено: «Урнов, сыновья и дочь», а еще ниже колыхались два бледно-голубых полотнища с надписями: «Гробовая мастерская» и «Вам понравится». Тут же на нехитром приспособлении медленно вращался обитый бордовым плюшем миниатюрный гроб, крышка которого, обнажая розово-кремовое нутро, торчала в небо под углом в сорок пять градусов.

– Уважаемый! – услышал Дорожкин оклик, остановился и разглядел худощавого мужчину лет сорока, который двигался к нему как раз из открытой двери между двумя вышеупомянутыми плакатами. Одет мужчина был в черный, тщательно отутюженный костюм, а на лице имел скорбную гримасу, свойственную, к примеру, собакам породы бассет-хаунд. – Уважаемый! – Мужчина слегка запыхался, догнал Дорожкина, но руку ему не протянул, а приложил ее к груди и вежливо спросил: – Метр семьдесят шесть?

– То есть? – не понял Дорожкин.

– Я владелец заведения, – объяснил мужчина. – Владимир, для вас можно просто, Вова. Ваш рост метр семьдесят шесть, вес восемьдесят пять килограмм?

– Восемьдесят четыре, – поправил Дорожкин гробовщика. – А вам, собственно, зачем?

– А что со здоровьем? – почесал гробовщик тщательно выбритый подбородок. – Не жалуетесь? Язвы там, гастрита нет? Курите? Как с печенью? Хотя нет, белки у вас в порядке. Жаль. А что с предками? Онкология встречалась?

– Вы чего хотите-то? – попятился от гробовщика Дорожкин.

– Поймите, – гробовщик вздохнул, отчего его нижние веки опустились как минимум на пару миллиметров, – я, лично, желаю вам крепкого здоровья, но обстоятельства…

– Какие обстоятельства? – не понял Дорожкин.

– Разные, – уклончиво моргнул гробовщик. – Ну дорожно-транспортные происшествия у нас сведены к минимуму, но прочие факторы вполне себе способствуют смертности. К примеру, бытовые ссоры, сердечные заболевания, инсульты, всяческие лихорадки. А лес? Лес – это клещ. А где клещ, там и энцефалит. Впрочем, энцефалит по нынешним временам – это так, баловство. Но даже если вы и не из баловников, в конце концов, имеет место и смерть от естественных причин. Да собственно, почему нет? От естественных причин – моя любимая смерть. Редко до нее, правда, кто доживает…

– Стоп! – ошарашенно поднял руку Дорожкин. – Какое отношение ко всему этому имею я?

– Самое непосредственное, – ухватил Дорожкина за локоть гробовщик. – Вам несказанно повезло. У меня имеется изумительный гробик как раз на вас. Снаружи темно-синий с волной муар, изнутри бледно-голубой атлас. Подбивка холлофайбером. Тут вам и

мягкость, и тепло, и никакой аллергии. Имеется специальный глазок в крышке. Легко открывается изнутри. И поверх всего ленты под серебро. И все это удовольствие за полцены. Причем, покупая этот гроб до конца сентября, на каждый последующий гроб вы будете иметь скидку еще в пятнадцать процентов.

– Извините. – Дорожкин содрал с локтя кисть гробовщика. – Обязательно. При случае. Но пока у меня несколько иные планы.

– Ну как знаете, – оскорбленно крикнул вслед Дорожкину гробовщик. – В другом месте придется переплачивать, да еще перевозка обойдется в копеечку, а тут все рядом! Не понимают некоторые собственной выгоды…

Дорожкин передернул плечами, еще раз обернулся вслед возвращающемуся в покинутое логово гробовщику и ускорил шаг. Улицу Мертвых хотелось миновать как можно быстрее.

Между тем она оказалась довольно оживленной. Сразу за бывшей водонапорной башней высились три, как понял Дорожкин, обычных для Кузьминска пятиэтажных дома, первые этажи которых занимали соответственно рюмочная, распивочная и шашлычная. Из последней приглушенно доносился шашлычный шлягер «Черные глаза», у второй сидел на скамье аккуратный, но, судя по всему, мертвецки пьяный человек в дорогом костюме, а у первой лицом друг к другу молча стояли трое сутулых и умеренно пузатых стариков. Едва Дорожкин обратил на них внимание, как старики одновременно повернулись в его сторону и с одинаково оттопыренными нижними губами стали сверлить его глазками. Это продолжалось секунд пять, после чего на дряблые лица синхронно наползли гримасы разочарования, три правых руки синхронно махнули в сторону Дорожкина, и безмолвный диалог, глаза в глаза, продолжился.

«Интересно, – подумал Дорожкин, рассматривая на ходу крохотный стадиончик, который, скорее всего, принадлежал школе, доверившей свой фасад не улице Мертвых, а параллельной улице Николая-угодника, – бывают ли тройные сиамские близнецы? И имеется ли опыт их успешного разделения? И как в таком случае должны делиться органы, которыми изначальное существо укомплектовано не полностью? И не представляют ли собой мифические существа, к примеру трехголовые драконы, образчик сиамского соединения? И можно ли разделить дракона на трех полноценных ящериц? Или с гарантией только на трех огнедышащих змеюк?»

Именно с этой глупой мыслью Дорожкин и вышел к пересечению с широкой улицей Октябрьской революции, обнаружив на ее углу не что иное, как аккуратное здание в три этажа из стекла и бетона с надписью «Управление общественного порядка и общественной безопасности» и светящейся табличкой на высоте трех метров «Участок». У стеклянных дверей здания стоял раскрашенный в защитные цвета уазик и торчали между стальными дугами несколько велосипедов. Сразу за участком, который, как сообразил Дорожкин, и был местом его будущей работы, высилась коробка уже привычной для Кузьминска архитектуры, но тщательно облепленная белыми плитками под мрамор. Над ней колыхалось бело-сине-красное полотнище. Напротив участка и здания администрации, вероятно на бывшей площади, бугрился пластиком ангар с бегущими по фасаду огнями, складывающимися в вывеску «Дом быта». За ним виднелся торец следующего ангара, а уже через перекресток призывно горела надпись «Почта. Телеграф». Пару мгновений Дорожкин колебался, не двинуться ли ему именно туда, чтобы позвонить матушке, но решил отложить звонок на будущее, которое хотелось представить с возможно большей отчетливостью. Поэтому он пропустил маршрутку с номером три и зашагал дальше по улице Мертвых. По левую руку

начались какие-то магазинчики или мастерские, а справа, за Домом быта, показался остаток бывшей площади, на краю которой, спиной к дороге, высился памятник, изображающий Иосифа Сталина, согнувшегося в позе мыслителя над зажатой в кулаке трубкой. Сталин был выкрашен серебрянкой, хотя края трубки показались Дорожкину покрытыми копотью. Зато стоявшая посередине площади фигура Ленина была щедро вызолочена. Ленин, вероятно, пытался докричаться через крышу «Дома быта» до мэрии Кузьминска. Судя по всему, напротив Сталина некогда находилась еще какая-то скульптура, но кто именно должен был замыкать композицию, Дорожкин определить не смог, поскольку весь край площади по улице Николая-угодника занимал тот самый ангар с надписью «Торговые ряды», торец которого смотрел на здание администрации.

– Чиню велосипеды, – услышал Дорожкин странно знакомый голос, обернулся и увидел мужчину в синем комбинезоне, который чем-то напомнил ему гробовщика. Разве только вместо страдания на его лице сиял оптимизм, под хитрым прищуром топорщились пшеничные усы, а под усами сверкали золотые зубы. – Чиню велосипеды, – бодро повторил человек в комбинезоне, зловеще наматывая на кулак велосипедную цепь. – Оборудую. Тюнингую. Прицепы, багажники, фаркопы. Ставлю генераторы, моторы. От стиральной машины. К примеру. Проблесковые маячки.

– Где вы видите велосипед? – наклонился, расставив ноги, Дорожкин.

– Продаю велосипеды, – изменил репертуар золотозубый и прищурился. – Бэушные, но с гарантией. Ставлю сигнализацию на велосипеды.

– Сколько? – спросил Дорожкин, прикидывая, что в его коридоре можно хранить их с десяток.

– Всего лишь две тысячи рублей, – оживился золотозубый. – Будете довольны. Еще никто не жаловался. Гарантия.

Дорожкин пошелестел в кармане купюрами, подумал, что вряд ли ему дадут тут умереть с голоду, да и его будущий начальник, малознакомый пока что Марк Содомский, некоторым образом ему должен, и в холодильнике достаточно продуктов на месяц сытого существования, и зашагал вслед за золотозубым к одной из мастерских. Насторожили Дорожкина надписи над входом. На кусках жести нетвердой рукой было выведено масляной краской: «Все виды ремонта», «Велосипеды и все от них и все для них», «Не подмажешь – не поедешь, не заплатишь – не уйдешь», «Урнов и сыновья».

– А дочь? – недоуменно спросил Дорожкин.

– Дочь там, – махнул рукой в сторону гробовой мастерской золотозубый. – У брательника. У меня только сыновья. Александр. Можно просто…

– Саша, – продолжил за него Дорожкин, с интересом вглядываясь в тронутую ржавчиной велосипедную раму, которую золотозубый держал в руках.

– Санек, – поправил его золотозубый.

– Это что? – не понял Дорожкин.

– Велосипед! – гордо сказал мастер. – Кузов, можно сказать. Самой надежной, рамной конструкции. Модель типа «Прогресс». И всего две тысячи рублей. Покраска в любой цвет обойдется вам в копейки – от тысячи рублей. Металлик – тысяча триста. Колеса на выбор. По семьсот пятьдесят. Резина любая. Крылья, багажник, звонок, все сделаем. Да куда вы? Дешевле все равно не найдете! Сейчас даже квартиры голыми продаются!

– Это уж кому как повезет, – крикнул через плечо Дорожкин и поспешил продолжить прогулку, тем более что желудок начинал сигнализировать о пустоте.

Ускорив шаг, Дорожкин миновал улицу Сталина, вдоль которой вытянулось двухэтажное здание ремесленного училища, чугунную ограду, как оказалось, колхозного рынка и подошел к последнему перекрестку. Сразу за ним улицу Мертвых встречал трехметровый бетонный забор, обвитый по верхнему краю колючей проволокой. Там же, за перекрестком, перед ощерившимися видеокамерами тяжелыми воротами, обнаружился памятник то ли Чехову, то ли Циолковскому, правда, в довольно сытый период их жизни. Знаменитый писатель или ученый стоял, согнувшись, подняв над стилизованными очками брови и разведя руки в стороны, словно сию секунду был охвачен внезапным изумлением и пытался произнести что-то нецензурное. От ворот, следуя изумленному взгляду памятника, начинался и уходил к юго-востоку проезд Конармии, видимо названный так в честь известного произведения Бабеля, а за ним сиял стеклом тепличный комплекс. Потянувший от него ветерок донес уже знакомый запах мяты. Дорожкин подошел к памятнику, прочитал короткую надпись: «Тюрин Б. А.», снова вспомнил о пустом желудке, потоптался на месте, повернулся и бодро зашагал вдоль бетонного забора по улице Сергия Радонежского, раздумывая о том, что в симпатичном вроде бы городке он обнаружил уже и институт, и телефонные будки в британском стиле, и сумасшедшего велоторговца, и его родственника гробовщика, и некоторое количество любопытных названий и удивительных персонажей, но так и не встретил, не считая «Торговых рядов», ни одной булочной, ни одного ларька и ни одной, хотя бы квасной, бочки. Размышляя так, Дорожкин второй раз пересек улицу Николая-угодника, дошел до улицы Ленина, которая, как оказалось, упиралась ровнехонько в главные проходные, судя по одной вывеске – промзоны, а по другой – производства «Кузьминский родник». Видеокамеры имелись и здесь, но вместо памятника под их объективами сияли нержавейкой пять автоматов газированной воды. Тут же сидела бабулька, которая меняла сотенные и полусотенные купюры на желтые кругляшки-десятирублевки, удерживая в свою пользу пять рублей с каждой полусотни. Дорожкин немедленно вспомнил юность, омыл стакан в поднимающихся со дна устройства струях воды и сообразил два двойных мандариновых сиропа. Настроение его улучшилось, дальнейшее пешеходство показалось чрезмерным, поэтому он запрыгнул в подошедшую маршрутку номер четыре, проехал на ней два квартала и вышел в центре города.

Площадь, центр которой занимала огромная клумба с торчащим из нее в виде стелы стеклобетонным термометром, естественно, называлась Советской. Здания, окружающие ее, были похожи на четыре каменных бастиона, помеченных крупными буквами – «NO», «SO», «SW» и «NW». Дорожкин вспомнил совет Фим Фимыча и решительно направился к буквам «SW». Под буквами отыскался уютный пивной ресторанчик, в котором, несмотря на послеобеденное запустение, подавались сырные палочки, вобла, люля-кебаб и еще куча разных вкусностей под разливное «Тверское» пиво и закольцованную песню «Чистые пруды, застенчивые ивы, как девчонки, смолкли у воды». Дорожкин поморщился, потому как предположил, что Фим Фимыча пленила именно песня, но кружку пива заказал и уже собрался было приложиться к запотевшему стеклу, как дверь ресторанчика скрипнула, и в зал вошла высокая брюнетка с ослепительно красивым, если бы не излишняя жесткость во взгляде, лицом. Она мгновенно нашла взглядом Дорожкина и решительным шагом направилась к нему. Расстегнула короткий блузон, показав полоску обнаженного тела над широким ремнем, сдвинула на бок кобуру, села, выдернула из руки оторопевшего Дорожкина кружку пива, отпила половину, изящно слизнула с верхней губы пену и с ласковой усмешкой

сказала:

– Евгений Константинович, сначала инструктаж, а уже потом какие-то действия. Поэтому для начала – ничего ни у кого не брать и не покупать. Ничего не пробовать, не пить, не есть, здороваться за руку только с проверенными людьми, да и то с оглядкой. После восьми вечера советую на улицу не выходить вовсе. День станет короче – значит, домой бежать раньше. Излишнего любопытства не проявлять. Всякому овощу свое время, а некоторым только глубокая заморозка. Все ясно?

– А вы кто? – растерянно промямлил Дорожкин.

– Я, Евгений Константинович, на ближайшее время твой непосредственный начальник. Старший инспектор управления общественной безопасности – Маргарита Дугина. Для близких, к которым ты, Евгений Константинович, не относишься, Марго. Для тебя – инспектор или Маргарита. Если дело решают секунды – можешь кричать «мама». Вопросы есть?

– Много, – закивал Дорожкин.

– В рабочем порядке, – отрезала Маргарита. – Завтра в девять утра жду в участке.

Глава 5
Наставления и знакомства

Сентябрь оказался самым длинным месяцем в жизни Дорожкина. Тем более что прошел впустую, и к его окончанию Дорожкин не только не почувствовал себя в инспекции тертым калачом, но лишь тому и научился, что удерживать рот в закрытом положении, а глаза в прищуренном. Правда, в начале месяца у него не получалось ни того ни другого. Кроме Дорожкина и Маргариты в инспекции работали еще двое: инспектор Вест Ромашкин и начальник управления Марк Содомский, которого за целый месяц Дорожкин не увидел ни разу и даже подумал, что тот выжидает, когда у его жертвы не только заживет нос, но и очистится память.

Управление общественной безопасности, а проще говоря, инспекция, занимало третий этаж участка, на первом располагались дежурка и обычно пустующий «обезьянник», а на втором властвовал резкий и угловатый, постоянно страдающий от похмелья начальник управления охраны правопорядка, а по его собственному убеждению – начальник полиции, – Николай Сергеевич Кашин. В его подчинении находились четверо полицейских, или, как их с юморком обзывал Кашин, околоточных, с которыми Дорожкин сошелся почти накоротке, потому как перекусить он бегал в дешевую столовку ремесленного училища, где обедали и полицейские и которую они ему, собственно, и присоветовали при первом же знакомстве. Ребятами они все были компанейскими, на жизнь не жаловались, анекдотам Дорожкина смеялись, но к его появлению в городе отнеслись радушно-безразлично, тем более что на их посменную работу – трое на службе, один в отгуле – появление еще одного инспектора в управлении никак не влияло. Жизнь у них была – не бей сидячего, ходячего и лежачего. Один полицейский постоянно сидел в дежурке, а второй и третий чаще всего околачивались или у кинотеатра, или у стадиона, или на площади, исключая те дни, когда Кашин уходил в глубокий запой и служебный уазик оставался во владении всего участка. В такие дни двое полицейских торчали в дежурке, иногда потягивая пиво, а двое, чаще всего с семьями, тут же собирались на машине Кашина или на рыбалку на Святое озеро, или в лес за грибами, или на шашлыки, или, в соответствии со временем года, на пляж. Конечно, если Маргарита или Марк, как жаловалась четвертка, не забирали машину для каких-то неотложных поездок. Но обычно ничего подобного не происходило, и жизнь управления общественного порядка текла, как кузьминская речка Малая Сестра после плотины, притормаживая в омутах и ускоряясь на перекатах. Хотя в редкие дни, о которых Дорожкин пока еще находился в неведении, случались и категорические отмены отгулов и выходных, что называлось – «работой по усиленному варианту». Дорожкин, кстати, очень удивился, узнав, что порядок в городе обеспечивается всего лишь четверкой полицейских, на что ему было указано тем же Кашиным категорически, что работать надо «не числом, а умением».

Между командой Кашина и Содомского никаких противоречий не наблюдалось, и не только потому, что Содомский, по еще одному предположению Дорожкина, продолжал кататься в московском метро, а потому как между собой два управления ничего не делили, интересы имели сходные, разве только у полицейских работа была повременная, а у инспекторов, по сомнительным словам Ромашкина, сдельная, то есть связанная с какими-то неизвестными Дорожкину конкретными делами. Но ни на тех ни на других, как понял Дорожкин, мэр Кузьминска особо не давил, а результатом работы считал общую ситуацию в

городе, о которой даже через месяц работы или, что подчеркнуть следует отдельно, через месяц безделья Дорожкин ничего определенного сказать не мог. Более того, он даже не мог сказать, чем все-таки занимается инспекция по существу.

К девяти часам, когда Дорожкин уже сидел в выделенном ему кабинете, под окном раздавался скрип колес велосипеда Ромашкина, который бросал своего «железного коня» как придется и чинно поднимался на третий этаж, иногда заглядывая в кабинет к Дорожкину и с задумчивым выражением сонного лица произнося при этом: «Ну-ну». Минут через пять внизу слышались шаги Маргариты. Начальница тоже заглядывала в кабинет к Дорожкину, но никакого инструктажа не совершала, а либо строго приказывала ему быть на связи, либо быть на месте. Иногда она, правда, присаживалась напротив, окидывала Дорожкина презрительным взглядом, произносила нечто ничего не значащее, усмехалась в ответ на попытки подопечного связать между собой несколько слов и удалялась, не заикнувшись о долгожданном инструктаже. На этом чаще всего деятельность инспекции и завершалась. Минут через пять каблуки Маргариты стучали к выходу, чтобы прозвучать точно так же только следующим утром, а Ромашкин вываливался наружу с тонкой белой папкой, в которой, по убеждению Дорожкина, был подшит один и тот же листок бумаги, и, качая головой, снова садился на велосипедное седло. Изредка, чаще всего именно во время очередного запоя Кашина, которых Дорожкин за месяц зафиксировал не менее полудюжины, Ромашкин заходил в инспекцию и по вечерам. В такие дни он прикладывал дрожащую руку к груди и слезно просил Дорожкина сбегать за бутылью пива, после чего рассчитывался с гонцом до копейки, почтительно кланялся ему и опять-таки удалялся к своему велосипеду. Несколько раз Дорожкин замечал на лице Ромашкина ссадины, которые никак не походили на порезы от неуверенного бритья, а, скорее всего, напоминали хват разъяренной кошки, если бы она была размером с овцу. Иногда что-то вроде ссадин чудилось Дорожкину и на лице Маргариты, но ни Ромашкин, ни тем более Маргарита даже и не пытались объяснить их происхождение Дорожкину, тем более что и следа от ссадин ни у того ни у другого не оставалось на следующий день. Радовало уже то, что эти отметины не совпадали по времени. То есть если Ромашкин и Маргарита и получали раны в одном и том же месте, то уж никак не во время взаимного обмена любезностями.

Но даже и это не слишком беспокоило Дорожкина. Он был почти уверен, что его коллеги не только отказываются загружать его работой, недоуменно поднимая брови в ответ на робкие просьбы о каких-то заданиях или поручениях, но и сами не делают ни черта. И это обстоятельство напрягало Дорожкина не на шутку. Весь предыдущий, пусть и не слишком длительный, трудовой опыт Дорожкина свидетельствовал – работа может быть сколь угодно тяжелой и бесконечно долгой, но любое безделье рано или поздно имеет бесславный конец. Именно поэтому все чаще Дорожкин задумывался о том, как тяжело ему будет отвыкать от комфорта и благоденствия, когда его вышибут из предоставленных ему апартаментов, и подобные размышления заставляли его прислушиваться, принюхиваться, приглядываться и присматриваться к происходящему вокруг.

Вообще говоря, чем старательнее Дорожкин пытался погружаться в происходящее, пусть оно и исчерпывалось утренним моционом по дороге на работу и видом из окна его кабинета, тем все более ему казалось, что от него ускользает нечто главное. Все чаще ему представлялось, что он стоит перед ширмой кукольного театра, смотрит скучноватую пьесу и одновременно слышит шорохи и звуки, никак не относящиеся к публичному действу. Город словно играл с Дорожкиным в прятки. Тайно подметал улицы, чтобы Дорожкин мог в

очередной раз восхититься их чистотой, улыбался из-за богатых прилавков действительно недорогих магазинчиков, разливался каким-то неестественным детским смехом после звонков в близлежащей школе, но при этом старательно дул щеки, чтобы не сказать чего лишнего, или, не дай бог, не фыркнуть в лицо круглолицему младшему инспектору. Город был подобен часам без циферблата и стрелок – внутри него что-то крутилось и щелкало, но не только не показывало время, но и вовсе не позволяло хотя бы догадаться о предназначении механизма. Город притворялся нормальным городом. И все вокруг Дорожкина притворялись. Маргарита и Ромашкин притворялись, что работают. Околоточные притворялись, что их околачивание имеет смысл. Кашин в перерывах между запоями притворялся, что на нем держится общественный порядок Кузьминска. Водители маршрутки притворялись, что перевозят пассажиров, а пассажиры притворялись, что хотят добраться куда-нибудь с помощью маршруток. Иначе почему никто не возмущался, когда тот же водила третьего маршрута останавливался у «Торговых рядов» и отправлялся попить пивка? А ведь в автобусе оставалось когда пять человек, а когда и все десять, и все они сидели в нем тихо и не возмущались, пусть даже проводили в железной коробке минут сорок, а когда и целый час. Нет, если Адольфыч не врал, что под Кузьминском находится какое-то отверстие в тектонической подмосковной плите, то мироздание явно закручивалось над этим отверстием водоворотом.

Насколько проще было в родной деревне. Деревня всегда жила одним днем, причем, скорее даже, не днем сегодняшним, а днем вчерашним. О вчерашнем дне говорили между собой бабки, о нем же сокрушались протрезвевшие поутру мужики, им прикрывались загулявшие на речке или в лесу парни и девчонки. Москва пребывала в завтрашнем дне, любовалась собой завтрашней, спешила в себя завтрашнюю, надеялась на себя завтрашнюю, мечтала о себе завтрашней, говорила о себе завтрашней, а Кузьминск… Он не был ни тем ни другим. Он словно… спал. Спал и спросонок притворялся солидным городом.

«Ничего, – ухмылялся Дорожкин, просыпаясь по утрам в роскошной квартире с крепнущим ощущением того, что спектакль, в котором ему отвели роль статиста без слов, затянулся, – если нельзя объять необъятное, надо дробить его на части и переваривать их по отдельности. Рано или поздно количество перейдет в качество, достаточно будет встряхнуть сосуд, в котором копятся разгаданные пазлы, или собственную голову, как они сами займут положенные им места, создав, таким образом, общую картину действительности».

Раньше, по крайней мере, всегда было именно так. Взять хотя бы все прошлые работы того же Дорожкина. Как бы ни запутывали его предшественники системы учета и отчетности, он всегда наводил в них идеальный порядок. Просто всегда следовал одному и тому же правилу – изучай то, что доступно изучению, сгрызай то, что попадает на зуб, и невозможное станет возможным, а недоступное само собой откроется в самом полном виде.

Вот и теперь ему приходилось заниматься изучением доступного. Во-первых, он наблюдал за коллегами, отмечая время их появления, гардероб и даже составляя краткий словарь используемых ими слов. Во-вторых, он смотрел в окно. Подсчитывал скорость движения маршрутных такси, пялился на не слишком многолюдные тротуары, запоминал лица прохожих, таращил глаза на торчащие из-за высокого забора корпуса промзоны, о которой Дорожкину за месяц жизни в городе не удалось узнать не только ничего определенного, но и ничего абсолютно. Посматривал на часы, заранее предвкушая сытный столовский борщ, который обходился ему в сущие копейки. Интересно, думал Дорожкин в перерывах между сеансами наблюдения, если так вкусно кормят в захудалой столовке

провинциальной ремеслухи, как же тогда кормят в столовке этой самой промзоны? И есть ли там столовка? И зачем она нужна, если открытыми ворота промзоны Дорожкин, к примеру, никогда не видел? Кто бы смог прояснить ему этот вопрос? Все шло к тому, что никто. Кого бы он ни спрашивал, что это за предприятие «Кузьминский родник», ему отвечали недоуменным взглядом, а Вест Ромашкин делал испуганные глаза и прикладывал к губам оба указательных пальца сразу.

Но таинственная промзона все-таки априори относилась к пока еще необъятому необъятному, а вот сами жители города… Нет, на вид они были почти нормальными. Но и они все что-то недоговаривали. Они не только притворялись добропорядочными горожанами вместе с городом. Они все знали что-то такое, чего не знал Дорожкин. Видели что-то такое, чего не мог разглядеть, как ни озирался, он сам. Чувствовали какой-то запах, и не только запах мяты, которым одаривал город ветер со стороны тепличного комплекса, но и что-то такое, чего нос Дорожкина уловить был не в состоянии. Он был почти уверен, что все его новые знакомые, а также малознакомые и незнакомые вовсе, немедленно перемигивались друг с другом, стоило ему отвернуться, или презрительно кривили губы, как кривила губы продавщица в булочной, когда Дорожкин покупал половинку черного и направлялся к выходу. Просто продавщицу Дорожкин разглядел в отражении в стеклянной двери, а прочих жителей разглядеть не удавалось, потому что, проходя под окнами его кабинета, они словно знали, что на третьем этаже участка сидит бестолковый младший инспектор и таращит на зрителей закрытого городка Кузьминска недоуменные глаза. И это знание Дорожкин ощущал в полной мере, вздрагивая от беспричинно накатывающего на него холода. Наверное, так же чувствовал бы себя настоящий, живой, из плоти и крови кукольный Петрушка, оказавшись волею случая в каком-нибудь балагане среди надетых на руки матерчатых муляжей.

Дорожкин изо дня в день смотрел в окно и снова и снова представлял себе, что никакого Кузьминска нет, а он томится в психушке или в самом деле обгорел на лесном пожаре и теперь лежит в рязанской больнице на искусственной вентиляции легких, и все, что видит, есть не что иное, как его медикаментозный бред.

Хотя постепенно он и сам начал привыкать или, точнее сказать, пропитываться бытовым абсурдом Кузьминска. И в самом деле, может быть, причиной его подозрений было именно безделье? Может быть, душевное напряжение Дорожкина объяснялось тем, что в Москве ему не удавалось просидеть целый месяц у окна в бессмысленной праздности? И если ничего странного вокруг не происходило на первый взгляд, первым взглядом следовало и ограничиться?

Горожане мужского пола тянулись по улице Октябрьской революции все к тем же рюмочной, распивочной и шашлычной, кланяясь по пути окнам Кашина, как будто давая ему слово не напиваться до бесчувствия. Женщины с авоськами, наполненными бутылками, баночками и свертками, ежедневно следовали тем же маршрутом, но питейные заведения миновали и шли дальше, куда-то к церкви или кладбищу, откуда возвращались повеселевшими и налегке. Бесплатные маршрутки курсировали по городу. Дети бежали в школу и возвращались из школы. Полицейские отправлялись за борщом в столовку. Стайки студентов выбегали из ремеслухи к памятнику Сталина покурить и притушить окурки в его трубке. Дородные хозяйки собирались в парикмахерской «Дома быта», чтобы покрасить головы в очередной цвет или побродить по «Торговым рядам», меж которых Дорожкин в первые же дни обнаружил памятник Троцкому, когда-то располагавшийся напротив памятника Сталину. Бронзовый Троцкий сидел, склонившись над бронзовым столом, и в

голове у него виднелся пропил. Дорожкин, который разглядел пропил со второго яруса «Торговых рядов», специально поинтересовался о его предназначении у Веста Ромашкина, на что получил ответ, что в пропиле согласно исторической правде должен был торчать ледоруб, но из-за ледоруба вся композиция площади распадалась. Акцент получался на не самой значительной фигуре, поэтому ледорубом решили пожертвовать, и теперь он хранится в кабинете у Адольфыча. А потом фигуру Троцкого и вовсе накрыли ангаром, отправили, так сказать, в эмиграцию.

Дорожкин кивал, соглашался, косясь на тонкую белую папку в руках Ромашкина, и думал о том, что не могла же вся уличная городская жизнь предназначаться только для того, чтобы прилипший к окну Дорожкин забивал себе голову домыслами и подозрениями? Ну что особенного в том, что какой-то мальчишка с ранцем ежедневно вскакивал на один и тот же бордюр, ежедневно проходил по нему ровно тридцать два шага, после чего падал на одном и том же месте, одинаково ныл и одинаково тер ушибленную коленку? Что с того, что трое молчаливых дедов шествовали вниз по Октябрьской улице одним и тем же строем и в одно и то же время с точностью до минуты? Или же газ радон и в самом деле выбирался из земных недр, только влиял он не на горожан, а на самого Дорожкина, забивая ему голову всякой ерундой? Хотя мальчишка все-таки оказался упрямым, когда Дорожкин выскочил на улицу и подхватил его, не дав ушибить колено, он тут же затрепыхался, вырвался, снова вскочил на бордюр и все-таки упал через четыре шага, но разбил на этот раз нос. Ну и что?

Да ничего, ответил бы сам себе Дорожкин, если бы кое-что не было действительно неприятным: почему-то никто из горожан не рвался разговаривать, а уж тем более знакомиться с Дорожкиным. Даже улыбчивые полицейские смотрели на Дорожкина как на пустое место, и в дежурке, и в столовке, отделываясь от его попыток более близкого знакомства или более тесного общения общими фразами. Что же было говорить о вовсе незнакомых людях? Никто из случайных или неслучайных собеседников никогда не отвечал на поставленные Дорожкиным вопросы, а если уж и выдавал какую-нибудь тираду, то понять его было невозможно. Или же сам Дорожкин очевидно пасовал перед вполне себе внятными и недвусмысленными ответами? Или ему вообще не стоило открывать рта? Или единственным разговорчивым жителем Кузьминска был его мэр? Даже Фим Фимыч, наполнявший запахом канифоли парадное дома, отделывался от вопросов Дорожкина непонятными прибаутками. Хотя справедливости ради, следовало отметить, что тот же Вест Ромашкин был способен выдавать вполне осмысленную информацию безо всяких вопросов. Так, на второй день службы, когда, якобы по указанию Марка Содомского, он в первый и последний раз устраивал Дорожкину велосипедную обзорную экскурсию по городу, Вест, к примеру, мотнул головой на сидевшего возле распивочной аккуратного пьянчужку и заметил:

– Директор института. Дядя Жора. Георгий Георгиевич Неретин. Голова!

– Бывший директор? – удивился Дорожкин, накручивая педали.

– Почему же? – покосился на Дорожкина Ромашкин. – Нынешний. Всегдашний. Постоянный.

– А что он здесь делает? – не понял Дорожкин.

– Все, что хочет, – раздельно повторил Ромашкин. – Дядя Жора – зубр. Бык. Гора. Великан. Авторитет. Даже если просто лежит вусмерть пьяный у порога какой-нибудь забегаловки. Один из самых больших умников и порядочных людей, которых мне приходилось встречать. И если он пьет, то не только потому, что не может не пить, а потому, что так надо. Но, кроме всего прочего, он демократичен. Попробовал бы ты вот так подойти

к какому-нибудь директору поговорить? Черта с два. А к Неретину запросто. С ним даже выпить можно.

– А что делает этот самый институт? – поинтересовался Дорожкин, решив пока не забивать себе голову странными обстоятельствами жизни его директора.

– Изучает, – пожал плечами Ромашкин, поворачивая на улицу Бабеля у заведения «Урнов, сыновья и дочь». – Все институты что-то изучают.

– Хорошо, – согласился Дорожкин. – А что такое – «общие проблемы»?

– Ну это как раз просто, – хмыкнул Ромашкин. – Вот, к примеру, у каждого из нас есть какая-то проблема. Ты, Дорожкин, испытываешь интернетный голод и тоску от безделья, я… впрочем, неважно. На наши проблемы всем наплевать, поэтому они не общие, а частные. Но если не в духе случайно окажется Марк, проблема у нас будет общая. Огорчится по какому-нибудь поводу Адольфыч, зацепит уже и Содомского, и Марго. А если, к примеру, накроется турбина на плотине? Всем мало не покажется. Глобально надо мыслить, Дорожкин. Понял?

– Понял, – кивнул Дорожкин, хотя не понял ничего. Но интернетный голод он и в самом деле испытывал. На почте, куда он наведался в первый же обеденный перерыв и откуда сделал бодрый звонок матушке, имелся выход в Интернет, но на допотопном компьютере висела табличка «интернетчик заболел», и все попытки Дорожкина объяснить дородной телеграфистке Марии, что он не нуждается в услугах интернетчика, не вызвали у нее ничего, кроме раздраженного недоумения. Нельзя сказать, что Дорожкин так уж мечтал пробежаться по скучающим в браузере его ноута закладкам, но о том, что происходит в мире, он привык узнавать из Интернета, тем более что положительно все телевизоры в городе демонстрировали странную избирательность к развлекательным и официозным каналам.

– Тут ведь как, – продолжал Ромашкин, выруливая на улицу Николая-угодника и поворачивая к городскому стадиону, – если бы институт занимался чем-то простым и понятным, какого лешего он вообще был бы нужен? Понятное понятно и без института. Всякий институт полезен именно тогда, когда он разбирается в непонятном.

– И не дай бог, разберется, – продолжил размышления Ромашкина Дорожкин. – Едва понятное станет понятным, институт надо немедленно закрывать.

– Именно так, – кивнул Ромашкин, скатываясь с горы и огибая трибуны стадиона. – Или перепрофилировать. Хотя у меня есть подозрение, что некоторые институты занимаются как раз тем, что превращают в непонятное – понятное. Вот. Смотри. Озеро Святое.

Дорожкин слез с велосипеда и подошел к глинистому берегу. Вдоль серого пласта воды рос ивняк, метрах в четырехстах на противоположном берегу озера вставал лес, но ни с той стороны, ни с этой никакой святости не чувствовалось.

– Вот, – махнул рукой вправо Ромашкин. – Там в озеро впадает река Малая Сестра, а вон там, слева, запруда и подстанция. Весь город питает. Ну конечно, в аварийном режиме, хотя я не электрик. А так-то река потом уходит к болотам, дальше впадает в Ламу, Лама в Шошу, Шоша в Волгу, а Волга в Каспийское море. По крайней мере, так мне рассказывали.

– Так это не озеро, а водохранилище, – догадался Дорожкин.

– Озеро, – отрезал Ромашкин.

– А почему же тогда Святое? – не понял Дорожкин.

– Назвали так, – снова начал седлать велосипед Ромашкин. – Имя красит предмет. Назвали бы Болотным, воняло бы тут сейчас. А вот назвали Святым – насчет святости не скажу, а легкий трепет чувствуется.

Легкий, а местами даже весьма ощутимый, трепет Дорожкина не оставлял весь месяц.

И не только потому, что в трепет его вводили горожане, скорее подозрительность Дорожкина к горожанам обострялась внутренним трепетом. Весь город в целом, при всей его внешней обыденности и простоте, не от безделья Дорожкина, а сам по себе казался занозой в голове. Так, словно, подойдя к краю этой самой простоты, он обнаруживал, что изрядный кусок земли вместе с городом, озером, рекой, деревней за рекой, промзоной и окружающим город лесом висит в воздухе, а уже где-то внизу идет действительно нормальная и заурядная жизнь. Это ощущение жило в Дорожкине постоянно, и объяснений ему он не находил, разве только черпал объяснения в собственной мнительности и впечатлительности. К тому же Дорожкина изводили шорохи. Он их слышал постоянно: то за спиной, когда шел утром на работу, то в спальне, когда сидел в библиотеке, или в библиотеке, когда устраивался в постели, то вовсе за закрытыми окнами. Вдобавок, о чем он стеснялся пожаловаться даже Ромашкину, в его замечательной ванной время от времени, если не сказать ежедневно, вынуждая Дорожкина принимать водные процедуры в трусах, появлялась подозрительная старуха, которая с разными интонациями, но неизменно повторяла примерно одно и то же – что-нибудь о сосунке, недотыкомке или столичном обалдуе с рязанскими корнями.

Но главной, на самом деле самой главной подлинной причиной трепета Дорожкина была Маргарита. Она просто-напросто излучала непереносимую сексуальность. Каждое движение ее гибкого, идеально сложенного тела приводило Дорожкина в состояние ступора, и дар речи к нему возвращался не раньше чем через минут пять после того, как она садилась напротив своего подопечного и замирала, небрежно поправив волосы и бросив Дорожкину выжидательное – «Ну?». Впрочем, говорил, а точнее сказать, нес Дорожкин в таких случаях всякую ерунду, что вызывало на лице Маргариты презрительную усмешку, отчего временная способность к словоизвержению покидала Дорожкина окончательно. Но самым неприятным оставалось то, что, по словам Ромашкина, это самое «Ну» означало в устах Маргариты высшую степень презрения, и, пока Дорожкин не услышал «Ну-ну», он мог считать себя существом самой бесполезной породы и бестолковой сущности.

– А вот когда ты сделаешь что-то не просто удовлетворительно, а так, как надо… – Ромашкин прикладывал к щеке только что принесенную Дорожкиным бутыль пива, закрывал глаза и откидывался назад на мягком диване, который в его кабинете заменял и стол, и стул, и всю возможную мебель сразу, – тогда она протянет руку и потреплет тебя по голове.

Рука Ромашкина начинала гулять по его гладко выбритому черепу, а Дорожкин думал, что, если подобное когда-нибудь случится с ним наяву, он неминуемо выпадет если не в астрал, то свалится с кресла, поэтому следует обеспокоиться подобной перспективой заранее и приспособить к рабочему месту что-то вроде ремня безопасности.

Маргарита даже начала сниться Дорожкину по ночам. Причем, что было самым удивительным, Дорожкин прекрасно понимал, что он ни одного мгновения не был влюблен в собственную начальницу, он просто и беззастенчиво изнывал от похоти, он ее хотел. И хотел так, что даже сама мысль о подобной возможности (или, скорее, невозможности) почти доводила его до соответствующей разрядки.

Скорее всего, она об этом знала. Или предполагала, что состояние Дорожкина должно быть во время общения с нею именно таким и никаким иначе. Хотя сам факт, что Дорожкин ни разу так и не попытался подбить, так сказать, под ее расположение клинья, не дал воли рукам, словам, не упал на колени, не ткнулся носом в ноги, вероятно, ее озадачивал. В противном случае как было объяснить, что весь первый месяц нахождения Дорожкина в выделенном помещении Маргарита заходила к нему не иначе как в блузках с откровенным

декольте и в штанишках, которые держались не на естественном и соблазнительном расширении ее фигуры, а на откровенно нечестном слове. Однако на первый инструктаж, который случился только через месяц после появления Дорожкина в Кузьминске, когда, кстати, и осень уже намекала на скорое окончание бабьего лета, Маргарита явилась со строгим хвостиком, в строгом костюме и с более строгим, чем обычно, лицом.

– Вот, – поставила она на стол заткнутый ваткой пузырек. – Нашатырь. Если что, нюхни. На короткое время помогает. Не смущайся. Обычное дело. Марк и Вестик и то принюхиваются время от времени, а уж тебе сам бог велел.

– Ничего, – прокашлялся побагровевший Дорожкин. – Я потерплю. Месяц уже терплю. Даже нравится.

– Ну-ну, – как показалось Дорожкину, с удивлением и долей досады произнесла Маргарита и начала инструктаж.

Первый инструктаж касался, как это было ни странно, сослуживцев Дорожкина. Маргарита уделила каждому всего лишь несколько фраз, но фразы эти были короткими, хлесткими и, как и все последующие фразы Маргариты, не слишком понятными.

– Вест Ромашкин, – закурила тонкую сигарету Маргарита. – Инспектор. Стаж четыре года. Хороший работник. Немного ленив. Из недостатков – нытик. Но работе нытье не вредит. Можно положиться. Ложиться нельзя. Иногда опасен. Занимается бытовухой, разбирает всякие дрязги, ссоры. Всю ерунду, в которой нет криминала, крови и так далее. Что выпадет, короче. Выполнял и твои обязанности. До сегодняшнего дня. Не все, конечно, тянул, так, по мелочи. Полное имя – Вестибюль. Почему так назвали – не знаю, вопрос к родителям. Родители неизвестны. Холост.

Маргарита Дугина. – Маргарита перешла к собственному представлению. – Вела все направления, сейчас занимаюсь общей безопасностью. В отсутствие Марка замещаю его. Имею право на ношение оружия. Резка, напориста, откровенна, обладаю хорошей реакцией. Недостатков нет. Одинока, – добавила она с издевательской усмешкой.

Марк Содомский. – Маргарита прищурила один глаз. – Начальник нашей конторки. Умен, быстр, практически неуязвим. Раздражителен. Я бы даже сказала, почти непереносим. Отличный специалист. Занимается общим анализом, координацией. Размышлениями.

– Остальные, выходит, размышлениями не занимаются? – с трудом справился с непослушным языком Дорожкин.

– Остальные, – она выпустила клуб дыма в лицо Дорожкину, – работают. Тебе будет поручено криминальное направление. Преступления против личности, кражи, грабежи и все прочее. Полистай УК, пригодится.

– Еще что полистать? – осторожно проговорил Дорожкин. – Может быть, мне на какие-нибудь курсы?

– Курсистки тут не нужны, – отчеканила, поднимаясь, Маргарита, открыла сумочку и бросила перед Дорожкиным пачку тысячных. – Это за первый месяц. Твои пятьдесят. И хватит зарабатывать гастрит в ремеслухе. Рекомендую кафе «Норд-вест». Крепкого горячительного, вроде водки или виски, днем не подают, зато горячим кормят как надо. И недорого. А учиться будешь по ходу. Станет трудно, помогу. Но лучше бы тебе справляться самому. Рабочее место твое здесь до тех пор, пока не придется куда-то поехать. Велосипеды внизу. Твой – черный, у крайнего турникета. Если что пойдет не так, дежурка откликается на телефон «ноль два». Таксофоны в городе все местные, но зато бесплатные. Все ясно?

– Ничего не ясно, – признался Дорожкин и торопливо добавил: – Пока.

– Пока, – помахала изящной ручкой перед носом Дорожкина Маргарита. – Удостоверение и рабочую папку получишь у Кашина. Картотека на жителей города в конце коридора. Ключ у Марка. Если Марка нет – в дежурке. Все. Начали. И запомни, чудес не бывает.

Кашин долго вертел в руках паспорт Дорожкина, потом бросил его тому в руки и достал из ящика стола красную книжечку.

– Паспорт спрячь. Здесь он тебе не пригодится. У нас тут паспорта не в ходу. У горожан временные удостоверения личности по форме № 2П с фотографией анфас. Без головного убора и без уголка. Черно-белая, три на четыре. Инструктаж прошел?

– Прошел, – ответил Дорожкин, прикидывая, стоит ли отвечать крепкому поджарому мужичку, майорские погоны которого были пристегнуты не к форменному кителю, а к подбитой ватином клетчатой ковбойской рубашке, «так точно» или обойтись развязным «а то»?

– Прошел – значит, работай. Вот, держи.

Кашин наклонился, покопался у себя под столом, зазвенел пустыми бутылками, что-то разбил, помянул черта, но наконец извлек покрытую пылью папку. Вытащил из кармана скомканный носовой платок, чихнул, вытер платком нос, а затем им же протер и картон и вооружился изгрызенным карандашом.

– Дорожкин или Дорошкин?

– Всегда через «ж», – предупредил Дорожкин. И на всякий случай добавил: – Я о фамилии.

– «Рабочая папка инспектора Дорожкина», – прочитал Кашин через минуту карандашную строчку и подмигнул новоиспеченному хозяину папки. – Работает просто: открываешь и читаешь, что написано. Если надпись, скажем так, после выполнения тобой служебных обязанностей стерлась, значит, ты – молодец и можешь ждать следующей надписи. Если не стерлась, продолжаешь исполнять. Понятно?

– Новая технология? – не понял Дорожкин.

– Старая, но надежная. – Кашин открыл папку и вытаращил глаза: – Ого. Вовремя. Двигай в деревню. Был уже? Не был? Центральная улица называется улицей Тараса Бульбы. От нее отходят три отростка. Слева улица Остапа Бульбы, по центру улица Андрия Бульбы, а вот как раз за запрудой – Ляховская. Или Паночкина, это уж кому как. Через Яблоневый мост, кстати, быстрее будет. Как раз у твоего дома.

– Что случилось-то? – не понял Дорожкин.

– Похищение, – мрачно объяснил Кашин.

– Человека? – вытаращил глаза Дорожкин.

– Еще чего, – размашисто перекрестился и три раза плюнул на пол Кашин. – Коровы. Найдешь дом номер девять, потерпевшая Марфа Зосимовна Шепелева. Там все и узнаешь.

– Когда произошло-то? – спросил Дорожкин, принимая все еще пыльную папку.

– Да только что! – воскликнул Кашин. – Ты поторопись, парень, а то ведь с Зосимовной шутки плохи.

Выскочив в коридор, Дорожкин опустил папку в пакет, повторив при этом с сомнением слова Маргариты – «чудес не бывает», затем посмотрел на удостоверение. Под неведомо когда сделанной фотографией Дорожкина, с еще распухшим носом, и синим штампом с надписью «Кузьминский ОВД» значилось – «Младший инспектор по всяким поручениям

Дорошкин Е. К.».

– Вот ведь! – вздохнул Дорожкин и побежал в кабинет – пририсовывать ножки к корявой кашинской букве «ш» в собственной исковерканной фамилии.

Глава 6
Закрутка и кручина

Велосипед нуждался в смазке и, возможно, переборке. А скорее всего, рассчитывал развалиться возле ближайшей помойки. Дорожкин с немалым трудом проворачивал педали и думал, что, если бы не противный скрип, велик вполне мог быть востребован в качестве велотренажера, но никак не в качестве средства передвижения. Для обзорной экскурсии Ромашкин явно занимал Дорожкину аппарат или у Маргариты, или у самого Содомского. Похоже, визит в мастерскую Урнова откладывать не стоило.

– В мастерскую «Урнов и сыновья», – смахивая со лба пот, на всякий случай вслух поправился Дорожкин, – в ту, где нет дочери.

Погода, которая радовала с утра, внезапно завершилась или взяла паузу, небо потемнело и уже на углу института принялось поливать Дорожкина дождем. Когда он наконец добрался до узкого пешеходного моста невдалеке от собственного дома, то успел изрядно промокнуть. Но на берегу реки дождь кончился, и подул холодный ветер, который немедленно пробрал младшего инспектора до костей. Дорожкин слез с велосипеда и затянул молнию ветровки до подбородка. Веревочные перила гудели от ветра, река под мостом казалась холодной даже на вид. Дорожкин оглянулся на город и с удивлением понял, что ни дождя, ни ветра над ним нет, потому как и кроны лип вдоль Яблоневой улицы не колыхались от его порывов, и дома по улице Носова купались в солнечных лучах. Посмотрел через пожухлую уже луговину на деревеньку и увидел, что и над ней сияют столбы света. У реки же ветер просто пытался сорвать с пешехода одежду. Подумав мгновение, Дорожкин выудил из кармана позаимствованный в дежурке велосипедный замок, пристегнул «железного коня» к столбу и побрел через мост пешком. Справа, в двух сотнях метров, бурлила вырывающаяся через плотину вода, а под мостом в этой воде что-то шевелилось, изгибалось и закручивалось. В какое-то мгновение Дорожкину показалось, что он видит в речных бурунах женские тела и слышит нежный смех, но мост был слишком узок, канат, за который он держался, неприятно колол ладонь, и Дорожкин, стиснув зубы, все-таки перебрался на другой берег. С высокого откоса река казалась обычной деревенской речкой-переплюйкой. Дорожкин поднял комок глины, кинул его на середину, подождал несколько секунд и заторопился через луг к деревне, раздумывая о том, что прекрасно проживет и без медали за спасение утопающих.

За мостом снова начался дождь. Но и ветер не отстал от Дорожкина, заставив младшего инспектора порядком продрогнуть, и деревня показалась ему холодной и мрачной, хотя мокрые коровы на лугу провожали младшего инспектора такими взглядами, словно именно он и был причиной разыгравшегося ненастья. Дорожкин дотопал до околицы, сделал небольшой крюк, обходя бородатого козла, что силился вырвать из земли забитый кол, осмотрелся и не нашел никаких отличий в открывшейся перед ним улице от его родной деревушки. Разве только избы на родной Рязанщине были крыты шифером, а иногда и железом, а тут каждая вторая щетинилась почерневшей от времени дранкой. Зато наличники вокруг окон расцветали разноцветными кружевами на загляденье.

Центральная улица деревни была заасфальтирована, но Дорожкину идти по ней не пришлось. Тропинка от моста вела прямо в нужный ему переулок, который, судя по табличке, все-таки был улицей и обзывался вовсе даже не Ляховским или Паночкиным, а Польским.

Нужный дом оказался пятым по правой стороне, что удивило Дорожкина, хотя он тут же

припомнил, что и во всем городе нечетные дома были с правой, то есть с четной стороны улиц. В отличие от огороженных легкомысленным штакетником соседних строений дом Шепелевой окружал двухметровый глухой забор, над воротами была устроена отдельная крыша, а вместо калитки имелась самая настоящая дверь с глазком и врезным замком.

Дорожкин оглянулся, поежился, подергал за свисающий из щели разлохмаченный на конце шнур, не услышал за забором ни звона, ни звонка, поэтому ударил в дверь кулаком и закричал что было силы:

– Марфа Зосимовна! Это из инспекции! Инспектор Дорожкин.

– Что ж ты орешь-то, оглашенный? – послышался странно знакомый голос у самого уха Дорожкина. – Заходи, если дошел.

Дорожкин вздрогнул, обернулся, но дверь уже заскрипела, перед глазами мелькнуло темно-синее платье в белую крапину, и ноги словно сами понесли инспектора внутрь. За воротиной обнаружился двор, почему-то тоже ярко освещенный солнечными лучами, за двором сени, за сенями передняя, за передней горница, за ней опять какие-то сени. Платье то мелькало лоскутом в дверном проеме, то развевалось как наброшенный на огромную живую куклу штапельный чехол, и Дорожкин шел за ним как завороженный, словно торопился увидеть, что закончится в первую очередь – переходы или крапины на синем фоне, как вдруг провожатая встала. Остановилась в крохотном дворике, закряхтела, поставила на скамью невесть откуда взявшееся у нее ведро, обернулась и расплылась в редкозубой улыбке.

– Ну что, соколик, сам пришел, гляжу, и зазывать не пришлось?

Старуха раскинула руки в стороны, уперлась ими в бревенчатые стены и раздвинула, раскинула их в стороны. Выпрямила ноги или даже начала расти, потому что секунды не прошло, а Дорожкин уже не просто смотрел на нее снизу вверх, шею ломал, чтобы разглядеть обвисший гигантский подбородок. Опустил взгляд и понял, что стоит посреди поля выкопанной картошки, за мерзлыми грядками замер покосившийся плетень, а за ним нет ни озера, ни города, только канава речки, болотистая луговина, полоса разбитого асфальта, серая весовая да обшарпанный коровник. Над головой что-то завыло, захлопало крыльями, Дорожкин почувствовал, что все его тело обдает холодом, отшатнулся, ударился затылком о тяжелую дверь, которая вдруг отказалась открываться, обнаружил в руке пакет, выдернул из него папку, почти машинально открыл ее и громко прочитал слова, которые были выведены на единственной вшитой в нее желтоватой странице:

– Первое октября, пятница. Деревня Кузьминское, улица Польская, дом номер девять, домовладение Марфы Зосимовны Шепелевой, дело о хищении коровы. Ну что, красавица, будем разбираться с твоей коровой или как?

Последняя фраза удивила самого Дорожкина, он заморгал, обнаружив, что вновь стоит в тесном дворике, и еще раз заглянул в папку, чтобы определиться, во рту ли у него сложился затейливый оборот или был вычитан с листа, но под картоном последней фразы не оказалось.

«Красавица», которая перещеголяла возрастом суммарные годы сразу трех Дорожкиных и к тому же, судя по комплекции, скорее всего и проглотила их вместе со всей возможной амуницией, стерла с лица зловещую улыбку и снова стала той самой старухой, которая целый месяц донимала Дорожкина во время водных процедур.

– Сдурел ты, что ли? – укоризненно покачала головой женщина. – Ты, конечно, не зыркун никакой не всевидящий, то все ерунда, что ты сам про себя вообразил или что тебе кто-то другой в башку втемяшил, глаз тебе залепить нечего делать, но уж я-то и не пыталась

тебя заморочить. Незачем мне, соколик. К чему на мелкую мушку топором махать, тебе и щелчка хватит.

– Ну так как? – вдруг почувствовал странное облегчение Дорожкин. – Щелкать будем или корову искать?

– Еще чего – искать, – обиделась Шепелева. – На месте моя корова, доена и поена, пригожена и ухожена. Да и кто искать-то будет, ты, что ли?

– Вот.

Дорожкин вытянул из кармана, развернул и выставил для обзора красное удостоверение.

– И что? – Старуха теперь уже и вовсе ничем не отличалась от обычных старух, к которым Дорожкин привык в родной деревне. – По всяким поручениям? Я вот тоже напишу на бумажке, что я самая главная ведьма в деревне, и что тогда? Нешто мне это славы прибавит? Пошли, бедовый, покажу тебе корову. Она в сарае сейчас стоит, да. С обеда гроза грозилась, вот я и загнала. А теперича чего уж выгуливать? И спрячь свою папку, спрячь. Нечего меня казенным колдовством дивить. Я захочу – ваш Кашин-Малашин, из-за стола не вставая, обделается, и обделывался уже, а в папке этой и строчки не появится о том, кто это умыслил. Вот, смотри. Увидел? Что замер-то? А? Что?

Коровник, к которому старуха подвела Дорожкина через заполненный вальяжными курами двор, был пуст. Запах навоза мешался с запахом животного, которое исчезло из коровника только что. На присыпанных сеном половицах лежал свежий коровий лепех и валялось чуть примятое оцинкованное ведро, а коровы не было.

– Запираете? – Дорожкин вытащил из кармана авторучку, подумал, сунул папку под мышку и выудил из другого кармана блокнот.

– Что? – ошеломленно переспросила старуха и тут же начала краснеть и надуваться.

– Я насчет дверей, – объяснил Дорожкин. – Двери были заперты? И куда могли увести вашу корову? Наверное, далеко-то увести не могли? В лес если только? А зачем? Как она выглядела-то?

– Как все коровы! – зарычала старуха и запричитала что-то вполголоса, закатила глаза, выставила руки перед собой и пошла, пошла странной, покачивающейся походкой по коровнику. Зашевелились, поползли в стороны соломинки, взметнулась вверх крохотным блестящим смерчем вода в поилке, зашуршали веревки и тряпки, развешанные по гвоздям. Дорожкин было шевельнулся, открыл рот, чтобы предупредить о сохранении следов, но старуха выставила в его сторону два пальца, и лицо младшего инспектора обожгло льдом.

«Чудес не бывает», – постарался приободриться Дорожкин, но не смог вымолвить ни слова, попятился из сарая наружу и только и успел увидеть, что старуха подхватила вилы и что-то вычерчивает по полу коровника, размазывая все тот же коровий лепех.

– Все. – Через минуту Шепелева вышла во двор, захлопнула за собой ворота и устало опустилась на скамью. – Сейчас.

– Что «все»? – наконец справился с окоченением Дорожкин и принялся корчить гримасы, разминая замерзшие щеки.

– Все, – повторила старуха и вытащила из кармана платья пачку болгарских сигарет. – Куришь?

– Нет, – утомленно пробормотал Дорожкин.

– Молодец, – кивнула старуха, щелкнула по пачке, вытащила губами подскочившую сигарету, чиркнула спичкой, затянулась. – Да ты не стой, болезный. Садись рядом, места много, не бойся, не трону.

– Те самые, болгарские, «Ту-104»? – поинтересовался Дорожкин, присаживаясь на край скамейки. – Мне в деревне заказывали, что-то я не нашел прежних.

– Плохо искал, – выпустила кольцо дыма старуха. – Хотя кто знает. У меня-то запас. Как тебе городок?

– Хороший городок, только какой-то ненастоящий, – пожал плечами Дорожкин. – Мы корову-то искать будем?

– А чего ее искать? – снова пыхнула дымом старуха. – Корова ведь не курица, в окно не сунется. На заднем дворе у меня собака. Хорошая собака, поверь на слово. Такая только посмотрит на тебя – просить будешь, чтобы проглотила, не разжевывая. За курятником гуси. Забор. Да и ворота пусть и не на замке, а не умеючи не откроешь. На месте корова, считай, что на месте. Только подождать надо. Еще минут пять.

– Как же на месте? – не понял Дорожкин. – Ее же не было? Вы же по коровнику ходили, там нет никого!

– На нет и суда нет, а от прибытку жди убытку, – пробормотала старуха. – Ты раньше времени не трепыхался бы. Думаешь, сразу щуку за хвост ухватить? Нет, милок, ты сначала пескарями побалуйся, если воды не боишься, а там уж посмотрим…

– Так где корова-то? – вконец запутался Дорожкин.

– На месте, – уже спокойнее повторила старуха и посмотрела на Дорожкина с прищуром. – Тебе кровосос Лизку показывал?

– Какой кровосос? – не понял Дорожкин.

– Марк Эммануилович Содомский Лизку Уланову – дурочку с нимбом – показывал? – повысила голос старуха.

– Показывал, – после паузы пробормотал Дорожкин, которому в этот самый момент вдруг подумалось, что было что-то неприличное в том, как он разглядывал ту женщину в метро. – Показывал, потом еще щелкал зачем-то.

– Общелкался, смотрю, – крякнула старуха. – Если бы как надо щелкал, ты бы щелчков его не запомнил. Хотя… – она недоверчиво покосилась на Дорожкина, – … ладно, пробовать не буду. Лизку видел?

– Видел, – кивнул Дорожкин. – Правда, не заметил, что дурочка она.

– Дурость дурости рознь, – отмахнулась старуха. – Какой она тебе показалась?

– Да никакой, – засмущался Дорожкин. – Обычная женщина. Лет пятидесяти или чуть старше. Она невысокая, добрая по лицу, усталая такая. В платье. А над макушкой у нее это… светилось так.

– Это у нее бывает, – задумалась старуха. – Хотя моим глазом не разглядишь, но так не только глазом смотреть надо. А что насчет молодости? Хоть краем глаза не приметил в ней молодости? Гибкости девичьей, красоты, свежести?

– Так это… – вовсе заерзал Дорожкин. – Хотел представить, да не вышло.

– Это у Марка не вышло, – буркнула старуха и посмотрела на Дорожкина уже с интересом. – Или как раз наоборот. А ведь у нас тут в деревне Лизку все за молодку считают. Даже я уж забывать порой стала, что ей за девяносто выстукало да как она с лица. А когда-то мы с нею крепко… повздорили. Хотя нимб на башке у нее детишки деревенские не так давно примечать стали. Я не верила, думала, привирают, а Содомский сразу за нее ухватился… А ты, постреленок, все как есть разглядел?

– Откуда же я знаю? – пробурчал Дорожкин.

– Ладно, младший инспектор, младшее не бывает, – тяжело поднялась со скамьи

старуха. – Я тебя знать не знаю, хотя уж донага разглядела, поэтому болтать пока не буду. Глазки у тебя вроде есть, да вот только тебе надо смотреть еще научиться. Знаешь ведь как, по одежке встречают, а когда одежку не видишь, так и встретить не знаешь как. Что толку, что ты исподнее зыркаешь? Ни голяка не оценишь, ни одежонкой не подивишься. К тому же взгляд взгляду как крыло поперек крыла. Видимое невидимое застит. Идет человек по пояс в воде, а вышел из воды – чудище непонятное. Не то твое разумение корчит, что ты видишь, а то, что невидимым остается. А Лизка что? Дурочка, одно слово. Давно уже дурочка. Ворожит, а что ворожит, самой невдомек. Морок в явь потащила, прилепила плотно, да не под всякий глаз. Да и то потащила, а потащила ли? И по своей воле ли? А ну как вовсе о том не думала?

– Что-то я совсем ничего не понимаю… – развел руками Дорожкин. – Вы как-то путано выражаетесь.

– А что тут непонятного? – скривилась старуха и прищурилась, разглядывая Дорожкина. – Тут народишко в основном на яблочко наливное любуется, а ты, дорогуша, мало того что яблочко насквозь без румянца сверлишь, так еще и зернышки в нем выглядываешь, а вкуса-то яблочка не знаешь. Понял?

– Нет, – честно признался Дорожкин.

– Тебя за какие доблести инспектором-то зачислили, убогий? – подняла брови старуха.

– Ну так это… – совсем растерялся Дорожкин. – Нимб разглядел, на какой-то… морок, что ли, не поддался. И на щелчки тоже.

– И все? – прищурилась старуха.

– И все, – кивнул Дорожкин. – Ну характеристики еще на меня собирали. Сказали, что подхожу.

– Кто сказал-то? – поджала губы Марфа.

– Адольфыч, – ответил Дорожкин.

– Адольфыч, значит, иглу в колено, – зло пробормотала старуха и щелкнула сразу двумя пальцами перед носом Дорожкина. – Ладно, о том не мое дело, но раз уж ты ко мне пришел, выходит, без меня не срастется. Ты, конечно, по-всякому должен был обделаться, да обделанным домой бежать, когда я тут на тебя руками махала. Будь уверен, Вестибюль уже тебя с дезодорантами и мылом в участке дожидается, но так не всегда и необделанностью гордиться следует. Все до тебя обделывались. Ну… – лицо старухи вдруг сделалось недобрым, землисто-серым, – или почти все. Только ведь когда черед в одном шаге рушится, вся походка кувырком идет…

– Не получается, – с трудом разомкнул губы Дорожкин, хотя чувствовал, что склеены они накрепко, только что клея язык не чувствовал. – Может, я и не то вижу или не вижу того, что надо, так я и на слух, кажется, мало что соображаю. Я так понял, что меня на зуб к вам послали? Кто-то вложил листок в папку, и вот я здесь. Это как испытание? Эта… как ее… инициация?

– Это еще неизвестно, кто непонятней говорит, – вытаращила глаза старуха и снова принялась щелкать пальцами, не сводя удивленного взгляда с Дорожкина. – Ин… инициация, растудыть ее. А ну-ка скажи что-нибудь?

– Например? – уже легче разомкнул губы Дорожкин, хотя как раз теперь вкус клея почувствовал.

– Ведьмы, лешаки в предках были? – Старуха отошла на шаг, скрестила руки под тяжелой грудью, поочередно прикусила сначала верхнюю, потом нижнюю губу. – А может,

кто и посерьезней? Хотя что мне посерьезней, я сама посерьезней. Ну что молчишь?

– Не знаю, – признался Дорожкин. – Бабушка врачевала деревенских, но не заговаривала ничего, так, молитвы читала. Да и что там за врачевание? Мед, прополис, подорожник, зверобой, мать-и-мачеха. Каждый так может. А так-то… А вы что же, верите в ведьм да в лешаков?

– Верю? – удивилась старуха и растерянно опустилась рядом с Дорожкиным. – А ты веришь? Скажи, парень, вот ты в траву веришь? А в небо над головой веришь? А в камень? В камень, из которого дом твой сложен, веришь?

– А что в них верить-то? – пожал плечами Дорожкин. – Трава, небо, камень. Они же есть. Верят в то, чего… как бы нет.

– Вот! – погрозила Дорожкину пальцем старуха. – Так и ведьмы… Как трава. Чего в них верить-то? Их… косить надо.

Глаза ее вдруг загорелись, из глотки раздался почти мужицкий хохоток, старуха шагнула к воротам коровника и рванула на себя створку. Корова стояла там, где и положено ей было стоять. Вздымала дыханием бархатистый рыжий бок, блестела сопливыми розовыми ноздрями, косила коричневым глазом, а у ее ног барахтался в коровьем лепехе маленький всклоченный человечек. Пытался встать, но и ножки, и ручки его подламывались, словно не было в них ни силы, ни точности.

– Никодимыч! – всплеснула руками Марфа. – Никак ты опять?

– Я, – жалобно проблеял маленький мужичок, ростом поменьше самого Фим Фимыча.

– Ты ж пять лет не попадался, сердечный, – уже знакомо уперла руки в бока старуха. – Или я тебя плохо учила? Зачем корову-то смаргивал? Здесь не мог отдоить? Сколько сцеживал-то?

– Прости дурака, – продолжал барахтаться мужичок. – Что я сцеживал-то? Хозяину кружку цельного парного, с тебя ж не убыло бы? А смаргивал вынужденно. Тут у тебя попробуй сцеди, каждая веревка на наговоре, того и гляди захлестнет.

– Вот я не догадалась коровку-то заговорить, – покачала головой старуха.

– Так от наговора молоко-то киснет, – расплылся в улыбке перемазанный навозом мужичок.

– И это знаешь, – качнулась с носок на пятки старуха. – И что же мне теперь с тобой делать? Опять плетьми учить?

– Не надо плетьми, – захныкал мужичок. – Больно злые у тебя плети, матушка.

– Уж какие есть, – развела руками старуха. – Ладно, я, конечно, понимаю, что ты, Никодимыч, не от озорства, а от лени корову вымаргивал. Мог бы и ножками до моей калитки добежать, не отказала бы. А теперь не обессудь. Хотя…

– Что замыслила-то, матушка? – заныл мужичок, раскинул в стороны руки и ноги, замер посреди размазанного в жижу лепеха.

– Кручину свою отдай, Никодимыч, – процедила сквозь зубы Марфа. – Не всю, конечно, а на три щелчка.

– Да ты ополоумела, матушка, – заскулил Никодимыч. – С корнем кочку мою выдрать хочешь?

– Да что мне твоя кочка? – хмыкнула старуха. – Скажи еще, что я на корешок твой покусилась. Или, думаешь, мне до твоей кручины надобность есть? Вот, пареньку хочу подсобить, опять же на три щелчка только, у тебя и мозоль с трех щелчков не вырастет.

– Не дам, – заверещал Никодимыч. – Адольфыч узнает – не пожалует. А его плети

горячей твоих будут.

– Не будешь болтать – не узнает, – повысила голос старуха. – А плетьми с Адольфычем мериться я и не собиралась. И его плети, и мои в зачет пойдут. А не хочешь ли закрутки попробовать?

Сказала, прищелкнула да вокруг себя и оборотилась. Завыл тут мужичок да вслед за Марфой и сам закрутился, да не просто закрутился, а обратился волчком, серым комом, юлой на дощатом полу. Даже брызги навоза полетели во все стороны, вот только на старуху да на Дорожкина ни одна не попала.

– Ну как, не надумал? – закричала старуха.

– Нет! – донеслось едва различимое через вой или визг.

– Подождите, – растерянно заговорил Дорожкин. – Зачем вы так?

– А как еще? – подняла брови старуха и начала переплетать пальцы и мять, заламывать их. И такой же треск послышался из вращающегося волчка, пока сквозь истошный, рвущий за сердце крик не донеслось хриплое «Да!».

– Вот и все.

Старуха разжала ладони, волчок, а стало быть, и мужичок-недомерок исчез, а на ладонях у Марфы остались три сухих коробочки мака.

– Зачем же так-то? – потрясенно прошептал Дорожкин, не зная, пойти ли ему немедленно к Фим Фимычу просить бутыль загоруйковки или лучше отправляться пешком куда-нибудь в сторону Москвы, пока и в самом деле не понаехали санитары из ближайшей дурки.

– А ты думаешь, когда сам под раздачу попадешь, тебя не ломать, а по голове гладить будут? – нахмурила лоб старуха. – Или думаешь, что те, кто до тебя был, хорошо кончили? – Голос ее зазвенел металлом. – Вот, держи. Коробки пустые, без семян, да не в том их толк. Если припечет, раздавишь одну. Никодимыч выручит. Он, на самом деле, добрый малый, правда, с хитрецой, но против собственного щелчка не попрет. Понял?

– Понял, – кивнул Дорожкин, пряча коробки мака за пазуху. – То есть нет, конечно, но в общих чертах. Спасибо. А как же дело-то?

– А ты папочку-то открой, – ухмыльнулась старуха.

Дорожкин раскрыл картон и вытаращил глаза; желтый, на ощупь пергаментный, лист был чист.

– Только зря картон не заламывай, – посоветовала старуха и снова двинулась дворами и переходами, – а то будешь один за весь свой отдел вкалывать. Только если зуд в пальцах почувствуешь. Вот и весь совет от меня. Пошли, провожу к выходу.

– Подождите, – заторопился за хозяйкой Дорожкин. – Но вы же еще что-то говорили, что я то ли не так смотрю, то ли не то вижу.

– Видишь ты то, что надо, только не все, – отрезала старуха. – Но с глазными болезнями не ко мне. Это тебе… Всякий сам своего доктора ищет. И ты поищи… доктора…

На этой фразе она собралась уже вытолкать Дорожкина на улицу, на которой сразу образовались и кошки, и собаки, и деревенские дети, но младший инспектор вцепился в ее рукав мертвой хваткой:

– Еще три вопроса. Только три вопроса.

– Ну что тебе еще? – нахмурилась Марфа.

– Этот… ну Никодимыч, он кто? – спросил Дорожкин.

– Банник, – отрезала старуха. – Ну домовой, в общем, но по сути – банник. И хороший

банник, кстати. Просто ему не повезло под Адольфыча попасть. Об Адольфыче не спрашивай, это не на мой зубок сплетня.

– Где мне Лизку Уланову увидеть? – сдвинул брови Дорожкин.

– Зачем тебе? – не поняла старуха.

– Вспомнить кое-чего надо, – объяснил Дорожкин.

– Вот уж нашел вспоминалку, – хмыкнула старуха. – Она сама вчерашнего дня своего не помнит… Ну да ладно, нет ее в деревне, по делам она уехала. В Москве, наверное. Ну еще что хотел? Говори.

– А зачем вы в ванной-то? – собрался с духом Дорожкин. – В ванной-то вы зачем? И так спать не могу, то шорохи какие, то стуки, еще и вы в ванной. Что ищете-то?

– Да уж не тебя, сорванец, – вдруг наполнила глаза болью Марфа и ударила в грудь, вытолкнула Дорожкина со двора.

День пролетел как один час, куда только время подевалось. Уже в сумерках Дорожкин добрел до моста, перебрался на свою сторону, не слыша ни плеска, ни нежных голосов между обрывистыми берегами, и увидел, что рама велосипеда по-прежнему заперта на столбе, но ни колес, ни крыльев, ни руля, ни сиденья – ничего на ней нет. И именно это обстоятельство почему-то заставило Дорожкина рассмеяться впервые за целый день.

Глава 7
Заботы для субботы

Дожидался ли Ромашкин младшего инспектора с первого задания с мылом и дезодорантами, Дорожкин так и не узнал, потому как отправился ввиду надвигающихся сумерек не в участок, а домой. Фим Фимыч, который сидел с окуляром в глазу над разобранным на части импортным фотоаппаратом, поднял голову на звон дверного колокольчика, заметил в одной руке у Дорожкина велосипедную раму, удивился, в другой разглядел торчащую из пакета папку, расплылся в улыбке, уронил окуляр, задвинул ящик с запчастями под стойку и выставил на нее парочку граненых стаканчиков.

– Как раз тот случай, – провозгласил он свистящим шепотом, оглянулся и начал свинчивать крышку с китайского термоса. – По чуть-чуть.

– Да уж, в самый раз, – вздохнул Дорожкин.

– Ну с почином? – подмигнул младшему инспектору карлик, когда тот опрокинул стаканчик загоруйковки. – С кем разбирался?

– А это не секретно? – похлопал Дорожкин по папке, подумав, что с загоруйковкой надо завязывать. Тепло теплом, но вместе с ним вдруг пришло ощущение рискованной свободы и ухарства. К счастью, пришло, но телом и духом Дорожкина пока не овладело.

– Еще? – подмигнул Фим Фимыч.

– Не, хватит, – испугался Дорожкин.

– Молодец, – кивнул карлик, спрятал термос, смахнул со стойки стаканчики, выудил из-под нее фотопотроха и снова вставил в глаз окуляр. – Забористая больно в этот раз вышла. А забористая не просто забирает, бывает, что забирает, да не отдает. А насчет секретности что тебе сказать? Секретности, конечно, никакой нет, – протянул он задумчиво, вглядываясь в нутро фотокамеры. – Вот ведь закавыка, ну да ничего, малой кровью обойдемся. Шлейф перетерся, и вся недолга. Но еще проверять придется. Я и говорю, секретности никакой нет, но это ж ведь как старенький «Кэнон». В том, что у него внутри, тоже секрета никакого нет, а вот поди подступись. Я просто насчет того, может, посоветовать что тебе?

– Я у Марфы был, – погладил папку Дорожкин, радуясь,

что никакого зуда в его пальцах не чувствуется. – У Шепелевой.

– От это ты задвинул! – восхищенно причмокнул Фим Фимыч. – И не обделался?

– А должен был? – не понял Дорожкин.

– Да как сказать, – пустил в усы усмешку карлик. – Я, конечно, тебе ничего не говорил, но годика так с четыре назад один приятель с архитектурным именем сильное расстройство поимел по ее поводу.

– Вестибюль? – догадался Дорожкин.

– Светла вода в облацех[9], – закатил глаза Фим Фимыч. – Ну и как?

– Ничего так, – пожал плечами Дорожкин. – Поговорили.

– И вопросов никаких нет? – прищурил свободный глаз карлик.

– Много вопросов, – оперся на локти Дорожкин. – Но вот один есть точно к тебе. Если не обижу, конечно.

– Давай попробуй, – снова сбросил окуляр Фим Фимыч. – Я не из обидчивых.

– Ты банник, Ефим Ефимыч? – прошептал Дорожкин.

– Да не, – махнул рукой карлик, возвращая на место окуляр, – даже и не пытался.

Сырость не люблю. Овинным вот хотел стать, да и то не вышло.

– Почему? – не понял Дорожкин.

– По конкурсу не прошел! – закатился скрипучим хохотком Фим Фимыч, откинулся на спину, прослезился и замахал руками Дорожкину, иди, мол, малец, не доводи до греха.

Ночью Дорожкин спал плохо, хотя вечером Марфа в душевой так и не появилась. Перед сном он покидал в солидную немецкую стиральную машину накопившееся белье, вспоминая, какой бы ор подняла Машка по поводу смешения нижнего и верхнего в одной стирке, помял в руках полотенце с окаменевшими за месяц узлами, вернулся в спальню и повязал его на рукоять беговой дорожки. Затем сунулся в кладовку и перетащил в спальню же обе так толком и не разобранных сумки. Все завершай да доделывай, учила его матушка, а то ведь недоделанное всю жизнь за тобой хвостом тащиться будет. Об этом и еще о чем-то неясном он и думал, лежа в постели и прислушиваясь к шорохам и ночным перестукам во все еще толком не обжитой квартире. Странно, но страха он больше не испытывал. Может быть, оттого, что увидел у Шепелевой, может, из-за загоруйковки, а может, потому, что количество страхов достигло критической точки, датчик испуга нагрелся и отключил пугательное устройство. Открыв глаза, Дорожкин некоторое время смотрел на затянутый мглой потолок, пока едва не задохнулся от накатившей на него тоски. Опустив ноги на пол, он не стал надевать тапки и не поспешил к выключателю, а подошел, шлепая босыми пятками по паркету, к окну.

Небо над окраиной Кузьминска сияло звездами. Помаргивала, разворачивая вокруг себя ковш Большой Медведицы, Полярная звезда, мерцала пойманными в отражение искрами ленточка реки, колебались редкие огоньки в деревенских домах, а за ними темной непроглядной пеленой стоял лес.

– Ерунда, – пробормотал Дорожкин. – Все эти секреты, все эти тайны, газ радон, дырки в земной коре, все без исключения, все – ерунда. И моя неподвластность этим идиотским щелчкам – тоже ерунда. Или не ерунда? Ведь обожгла же как-то меня холодом Марфа и рот почти сумела мне запечатать, а уж глаза-то точно отвела. Ага, отвела… Нужно быть полным идиотом, чтобы поверить в пропажу коровы, в это верчение какого-то… банника в коровьем навозе. Гипноз. Внушение. А может…

Он прошлепал босыми ногами в коридор, прислушался к тихому гудению в кухне стиральной машины и подхватил с вешалки ветровку. Вернулся в спальню, расстегнул клапан, вытащил пачку тысячных, ущипнул себя за запястье и только после этого пересчитал бумажки. Нет, пятьдесят тысяч были на месте. Конечно, если он вообще мог доверять собственным чувствам – зрению, осязанию, слуху, обонянию. И этот надоедливый запах мяты… Тянет-то со стороны теплиц. Зачем они ее выращивают? Ну ладно Фим Фимыч ее в чай добавляет… А весь город? Или все-таки ничего этого нет, потому что просто не может быть?

Дорожкин бросил деньги на письменный стол, покосился на белую папку, опустился на край кровати, посмотрел на едва различимую в сумраке спальни беговую дорожку. Полотенце выделялось на ней светлым штрихом.

Но если все это мираж, видение, обман чувств, значит, нет и того самого светлого, что он никак не может вспомнить? Так, может быть, пусть лучше все это будет на самом деле, лишь бы было забытое светлое, что согревает его даже в беспамятстве? А что он будет делать, когда вспомнит? Вернется в Москву? А может быть, только там он и может

вспомнить? Стоп. Впервые он почувствовал утраченное воспоминание, когда рассматривал нимб над головой этой самой Лизки Улановой. Так, может быть, его воспоминание как-то связано именно с Кузьминском? Но так ведь он не был никогда не только в самом Кузьминске, вовсе никуда не выбирался севернее Москвы. Сколько собирался доехать до Питера, чтобы погулять хоть по Невскому, и то не срослось…

Откуда-то издалека послышался протяжный, леденящий кожу вой, в деревне загавкали собаки, и тут же что-то завозилось, заскрежетало за окном. Дорожкин снова поднялся и точно так же, как он делал в юности, когда заставлял себя, возвращаясь с дискотеки затемно из поселка, идти через непроглядную темень леса, а не в обход луговиной только потому, что именно ночной лес вызывал у него панический ужас, подошел к окну и потянул за шпингалет. Запахи и звуки дикого леса ворвались в квартиру лавиной. Перед глазами замелькали какие-то тени, крылья неразличимых тварей зашелестели над срезом крыши, и рядом, в каких-то метрах, послышался каменный скрежет. Чувствуя, как холод заставляет шевелиться волосы на затылке, Дорожкин выглянул из окна и повернул голову. Половина луны висела над крышей соседнего дома, но что-то было не так на стене. Он потер глаза и застыл. Вырезанная из камня морда, которая торчала из стены через два окна от него, выглядела теперь как-то иначе. Он не мог разглядеть точно, тени скрывали очертания, но он больше не видел силуэта оскаленной пасти. Морда словно была повернута в его сторону. Дорожкин наморщил лоб, хмыкнул пришедшему в голову предположению и уже хотел закрыть окно, но в то же мгновение со стороны леса снова донесся истошный вой. Теперь он был яснее и отчетливее, и деревенские собаки ответили на него уже не гавканьем, а поскуливанием, и все каменные морды на доме, которые, как мгновенно понял Дорожкин, только что смотрели на него, разом повернулись в сторону леса и заскрежетали клыками.

Он проснулся позднее обычного. Не вскочил, не побежал в ванную, чтобы побрызгать в лицо холодной водой и, вполне уже придя в себя, потоптать беговую дорожку, представляя, как будет смывать липкий пот струями теплой воды. Нет. Он лежал и вспоминал, но не светлое и теплое, которое не мог вспомнить, а колючее и больное, которое сам старался до сего дня забыть изо всех сил. Оно вернулось ночью, когда он понял, что каменные чудовища на стенах кажутся ему живыми. Вернулось на мгновение, но вместе с тем дало понять, что никуда и не исчезало. Он осознал это не сразу, сначала окаменел от ужаса, потом очнулся, закрыл окно и лег в постель, понимая, что рано или поздно придется делать выбор между собственным сумасшествием и реальностью невозможного, иначе и то и другое настигнет его одновременно. Он лег в постель и постарался представить что-то приятное. Например, запах свежескошенной травы, мамку, которая стоит на верхушке растущего на глазах стожка, батю, подхватывающего и отправляющего ей на верхотуру пласты сена, но вместо этого пришло другое. Колючее и больное. То самое, которое он почувствовал в начале мая, когда летом еще и не пахло и весна только-только разобралась с остатками снега.

Шеф устроил на майские выезд на природу, который, считай, не удался. Сам шеф вскоре укатил по срочным делам, компания быстро распалась на мелкие группки, а попытка Дорожкина собрать вместе и расшевелить сотрудников успехом не увенчалась. Поэтому он, кривя губы от собственной ненужности и тоски, отошел за кусты, подобрал с травы осиновый сук и, лениво ковыряя его перочинным ножом, послушал, как разгулявшийся Мещерский пересказывает скачанные из Сети анекдоты безымянным девчонкам с ресепшена. Девчонки смеялись во все горло, Дорожкин махнул рукой и пошел к станции.

«Выхино» он проспал, вышел на «Новой» и побрел домой, постукивая по оградам резной палочкой, пешком по Авиамоторной, по Пятой Кабельной, по Фрезеру к Карачаровскому переезду, мимо храма Троицы на Рязанский проспект и уже дальше по Рязанскому к кварталам хрущоб, где снимал квартирку на третьем этаже. Не то чтобы он любил пешие прогулки или ленился спуститься в метро, просто, наверное, как раз в тот день ему хотелось весенней свежести, одиночества и чувства пространства, которое измеряется его шагами и послушно перекочевывает спереди за спину, спереди за спину. Он дошел до фальшивой мельницы – ресторана, уже в темноте пересек улицу Паперника, а потом… А потом проснулся дома с колючим и больным в груди. Когда добрел до ванной комнаты, то увидал в зеркале худую, страшную физиономию с проваленными небритыми щеками и глазами и странное пятно на груди – красноватый, напоминающий легкий ожог, неправильный овал с неровными краями, в центре которого явственно выделялся рубец или несколько рубцов, словно подсохшая короста только что отвалилась с наконец зажившей раны.

Тогда Дорожкин отлежался только к Девятому мая, хорошо еще, что шеф и сам устроил весенние каникулы в фирме, чего раньше за ним не водилось и что должно было навести на подозрения еще тогда. Но тогда ему было не до подозрений. Он ломал голову, отчего провалялся без чувств, как оказалось, два дня и во что такое вляпался, пока с некоторым сомнением не решил, что где-то возле универсама, почти у метро, почувствовав близость дома, купил паленой водки и отравился. Отравление имело последствие в виде частичной потери памяти и какого-то инцидента, следы которого и предстали в виде отметины на груди Дорожкина. «Надо меньше пить», – целую неделю твердил Дорожкин, хотя выпивать он позволял себе редко, водку не пил никогда, и уж тем более на улице. Версия о случайной выпивке никуда не годилась, но другой версии у Дорожкина не нашлось, он постарался забыть об этом нелепом случае, и забыл бы, если бы не колючее и больное, которое вернулось и освежило память.

Теперь Дорожкин смог прочувствовать его в полной мере и начисто. Боль вновь обожгла его ночью, но и под утро от нее осталось явственное воспоминание. Она не пекла кожу, она уходила вглубь, пронзала сердце и вырывалась наружу на спине под лопаткой. Дорожкин даже закинул за плечо руку и попробовал нащупать это место, но не дотянулся, подумал, что пробелов в памяти у него все-таки многовато, и открыл глаза.

Утро давно уже прошло. Дорожкин было встрепенулся, но вспомнил, что сегодня суббота, успокоился и решил обойтись без беговой дорожки. Принял душ, покрутился у зеркала, но никакой явной отметины на спине не нашел, да и шрама на груди практически не было, а то, что было, скорее напоминало пигментное пятнышко. Почти сухое белье было извлечено из машинки и развешано на полотенцесушителе, каменные рожи за окном оставались недвижимы и безжизненны, вдобавок небо затянули тучи, из которых моросил мелкий дождь. Дорожкин вспомнил, что надо бы все-таки разобрать сумки и заодно посмотреть, что в них упаковал Фим Фимыч, да и в каком состоянии его теплая куртка, которую он не надевал с весны, и не пора ли пробежаться по местным одежным магазинчикам, но и это опять-таки отложил на вечер, или на завтра, или на послезавтра. После вчерашнего похода к Марфе Шепелевой не хотелось ничего, хотя перекусить все-таки следовало. Утеплившись свитером, Дорожкин покосился на лежавшую на столе папку, подхватил короткий китайский зонтик и отправился в город. Сегодня он намеревался прислушаться к совету Маргариты и посетить кафе «Норд-вест».

Однако дела были и до кафешки. Дорожкин запрыгнул в маршрутку, извинился перед пожилой матроной, что вынужден был потеснить ее толстые колени велосипедной рамой, и вскоре выскочил наружу у мастерской Урнова. Мастерская оказалась закрытой, объяснением чему было неровное объявление на двери, на котором суббота и воскресенье выделялись веселым оранжевым шрифтом. Рядом торчал железный костыль, на нем висело велосипедное колесо и листок картона с выцарапанной надписью: «Сделай хорошо. Вова». Дорожкин перевел взгляд с костыля на дверь и подумал, что если кто и снимает с велосипедов колеса и прочее запасные части, то, скорее всего, это тот самый умелец, который их и ремонтирует, и повесил раму поверх колеса, присовокупив к ней листок из блокнота, на котором написал: «Сделай, как было, только хорошо. Договоримся. Инспектор Кузьминского ОВД – Дорожкин».

Повеселев, Дорожкин раскрыл зонтик и под продолжающимся дождем зашагал по улице Октябрьской революции, помахав по дороге уже почти родным окнам инспекции. Интернетчика на почте по-прежнему не было, что не помешало Дорожкину заполнить бланк квитанции и отправить двадцать тысяч рубликов матушке на Рязанщину. Это повысило настроение младшего инспектора еще на несколько градусов. От почты до кафе Дорожкин добежал за каких-то пять минут, ощупывая грудь и радуясь, что колючее и больное снова почти стерлось.

Внутреннее убранство кафешки оказалось простым и непритязательным. Кирпичные стены и своды были выбелены, деревянные, выскобленные до белизны столы окружали деревянные же табуреты и скамьи. На окошках висели короткие занавески из тюля, полы были застелены домотканными половичками. В беленой печи потрескивали угольки и томились внушительные чугунки, для обращения с которыми имелась целая пирамида ухватов. Зато и запахи в кафешке стояли натуральные, те самые, которые бывают в не просто хлебосольной избе, а в избе, в которой и живот не пустует, и душа поет. К тому же и хозяйка кафе, которая по совместительству являлась и официанткой, явно добавляла аппетита посетителям мужского пола, а при желании могла бы служить живой рекламой пенному напитку. По крайней мере, бейджик с набранным крупными буквами именем «Наташа» выглядел на ее груди как номерной знак на огромном внедорожнике.

Подумав, Дорожкин заказал жареную картошку с луком, речную рыбу на углях, квашенную со свеклой капусту и кулебяку с мясом. Из питья выбрал горячий чай, в который попросил не добавлять мяту, после чего проверил, не красится ли стена, развалился и принялся изучать телефонный справочник города Кузьминска. Из справочника выяснилось, что телефонов в городе кот наплакал, да и те, что имелись, ограничивались количеством где-то в три сотни номеров, поскольку цифр в каждом номере насчитывалось всего три, а первая из них могла быть единицей, двойкой или тройкой. Дорожкин сунулся было посмотреть, за кем числился его номер, но тут же вспомнил, что номера собственного телефона не знает, а номера в справочнике были расставлены по организациям и фамилиям без указания адреса. Зато на одной из страниц отыскался телефон больницы, чем Дорожкин решил немедленно воспользоваться. Он пошарил вокруг глазами, нашел пластиковый аппаратик с дисковым номеронабирателем и тут же позвонил в регистратуру. Записаться на прием к глазнику оказалось предельно простым делом. Хотя тетка на том конце провода зевала в трубку через слово, она довольно внятно объяснила, что глазник принимает в понедельник, среду и пятницу с шестнадцати до двадцати, но никаких талончиков брать не надо, поскольку народу

почти не бывает, и доктор будет рад любому больному так, как будто больной на самом деле здоровый. После дальнейших расспросов выяснилось, что и психиатр принимает в те же самые дни, поскольку обязанности офтальмолога, психиатра, а кроме всего прочего, и отоларинголога исполняет один и тот же доктор. Дорожкин поинтересовался, а не исполняет ли он вдобавок ко всему и обязанности проктолога, но тетка была непробиваема. За проктолога практиковали терапевты, которые вели прием ежедневно с утра.

Дорожкин усмехнулся и вернулся к столу, намереваясь еще раз полюбоваться крепкими бедрами и наливной грудью хозяйки кафе. Золотистая картошечка источала ароматы в небольшой сковородке, рыба выгоняла слюну только при одном взгляде на нее, а в тарелке с капустой обнаружилась не только свекла, но и пара горстей моченой клюквы.

Дорожкин кивнул, исполнил самую обаятельную из запаса улыбок, попросил принести кулебяку и чай сразу, подхватил вилку и тут только заметил Маргариту, которая шествовала к нему через практически не заполненный посетителями зал.

– Поел? – спросила она, садясь напротив.

– В процессе, – пробубнил Дорожкин, кивая на только что поданную кулебяку. – Хотите присоединиться?

– Для завтрака поздно, для обеда рано, подожду, – отрезала Маргарита. – Но ешь быстрее. Есть срочная работа. Как вчера все прошло?

– Да все в порядке, – пожал плечами Дорожкин. – Не так страшен черт, как его малюют.

– Может быть, может быть, – сузила черные глаза Маргарита, обдавая Дорожкина жаром одним только изгибом губ. – Вопросы какие есть?

– Есть, – вспомнил Дорожкин, торопливо тыкая вилкой в картошку. – Забыл спросить, какой у меня номер телефона?

– Простой, – ответила Маргарита. – Один-один-один.

Дорожкин тут же зашелестел страницами справочника, повел пальцем по цифрам и вскоре нашел нужную строчку. Против номера в три единицы стояло имя Вальдемара Адольфовича Простака.

– Ничего не значит, – пожала плечами Маргарита. – В этой книжке все номера нашего управления записаны на Простака. Так удобнее, никто не пытается накручивать диск, беспокоить. Адольфыча уважают в городе. Больше никаких вопросов?

– Что за срочная работа? – спросил Дорожкин.

– Охота, – коротко бросила Маргарита.

– На кого? – оживился Дорожкин.

– На зверя, – отрезала Маргарита.

Глава 8
Охота на обормота

Кирзовые сапоги, брезентовые штаны и куртку Ромашкин вручил Дорожкину прямо в машине. За рулем сидел сам Кашин, рядом с ним кривила губы Маргарита. Двое околоточных вполголоса ругались в «собачнике» за решеткой. Дорожкин, чертыхаясь, с трудом натянул штаны поверх джинсов, и, хотя большую часть службы ходил в носках, с портянками управился ловко, чем заслужил одобрительное хмыканье Кашина.

– Служил?

– Было, – кивнул Дорожкин, поднимая воротник ветровки, чтобы не задрать шею брезентом куртки.

– Тогда будь мужиком, – крякнул Ромашкин и воткнул прямо через штаны в бедро Дорожкину шприц.

– От энцефалита? – скривился от боли и желания засадить довольному коллеге по физиономии Дорожкин.

– От всего понемножку, – хмуро бросила Маргарита.

Уазик миновал перекресток с улицей Носова, Дорожкин разглядел через плечо Кашина бело-зеленые корпуса больницы, успел прочитать на кинотеатре «Октябрь» афишу о премьере американского фильма «Хищники» и осторожно спросил Кашина:

– Хищник?

– Кто? – не понял Кашин.

– Ну зверь этот.

– Ну как тебе сказать… – Начальник полиции вытащил из кармана сигарету, покатал ее между пальцев, но, посмотрев на Маргариту, со вздохом сунул обратно в карман. – Обормот он, скорее. Хотя тут разные мнения могут быть.

– Хищник, – твердо сказала Маргарита. – С клыками, когтями, плотоядный, значит, хищник. А уж обормот или нет, там увидим.

– Откуда начнем?

Уазик переехал узкий мост через речку и остановился на деревенском перекрестке.

– На Макариху пойдем или на Курбатово?

Кашин смотрел на Маргариту вопросительно, и в его взгляде, что удивило Дорожкина, не было насмешки. Он и в самом деле ждал ее решения.

– Ромашкин? – обернулась Маргарита к Весту.

– На Курбатово, – бодро отозвался Ромашкин. – Про Макариху я знаю, но ночью его в той стороне слышали, да и Дир сказал, что у заимки его надо искать. Корову Никуличны он на Курбатовскую сечу утащил. Там же и половину кабанчика видели. Недоеденную. Опять же собака у Дира пропала, а у Дира просто так ничего не пропадает. Да и следы.

– Понятно.

Кашин тронул ключ в замке зажигания, машина зачихала, затряслась, но завелась и, слушаясь руля, повернула направо. Колеса загрохотали по разбитому деревенскому асфальту.

– Волк? – осторожно спросил Дорожкин.

Маргарита повела подбородком, но Ромашкин пробормотал вполголоса: «Тепло», и она кивнула.

– Тогда медведь, рысь, собака одичавшая? – начал перечислять Дорожкин.

– Холодно, – покачал головой Ромашкин. – Волк – тепло. Все остальное – мимо. Не спеши, инспектор. – Вест хмыкнул. – Подстрелим – разглядим.

– Медведей тут давно не было, – согласился Кашин. – Рысь тоже редкий гость. Правильно говорит Вест. Подстрелим – узнаем.

Дорожкин уставился в окно, разглядел, что машина минует дом Шепелевой, потом деревенское кладбище, на котором Дорожкину почудились кучи заросшей бурьяном земли, и поползла к перелеску. Вскоре показались домишки еще какой-то деревеньки. Дорожкин хотел было спросить, из чего ему-то стрелять, но Ромашкин уж слишком явно ждал этого вопроса, и он решил промолчать. Хорошо хоть одели для лесной прогулки, еще и привили неизвестно от чего. Словно в ответ на его размышления в голову ударил жар, а потом уже в глазах начало все троиться, и вскоре Дорожкин уже ничего не видел, только стучал зубами и словно все глубже и глубже погружался сначала в теплую, а потом уже и вовсе в горячую ванну.

– В Курбатове-то спокойно? – спросила Маргарита Ромашкина.

– Спокойно вроде, – ответил Вест. – Ну так они здесь ученые. Попрятались от греха. Видишь, улица пустая, нет никого. Кулаки сломаешь, не откроют. Черт. А Дорожкина-то разогрело не на шутку. Он же должен был через полчаса только скиснуть? Как раз к вечеру бы и отошел.

– По зиме хорошо новичка на охоту брать, – откуда-то издалека донесся голос Кашина, – вчухаешь ему вакцину, его – в жар, разогревается, как печка. В машине тепло сразу становится.

– Ничего, – ответил ему Ромашкин. – Потом спасибо скажет.

– Ага, – хмыкнул Кашин. – Если только по физиономии тебе не съездит. Я видел, кулак-то у него сжимался.

– Не съездит, – загоготал Ромашкин. – Он из добряков. Да и куда ему? Слабак. Только и умеет, что зубы скалить да вышучиваться.

– Не болтай попусту, – оборвала Маргарита Веста. – Ты хоть знаешь, каково ему теперь? Если тебе прививаться не надо, так нечего насмехаться. Или я сейчас посмеюсь, вспомню, как ты к Шепелевой на крещение ходил.

– Так, может, он тоже сплоховал? – огрызнулся Ромашкин. – Домой побежал подмываться. Посмотрим, как он нынешнюю работку перенесет. По-любому, размазня твой подопечный, Марго.

– Языком болтай, да прикусывать не забывай, – ответила Маргарита. – А ну как не на камень твои семечки сыплются, а в землю? Мы тут все в одной упряжке пока.

– В упряжке-то одной, да только кто-то тянет, а кто-то на упряжи висит, – пробурчал Ромашкин. – Да ну его. Один черт – раньше чем через пару часов не очухается. А то и того больше.

Дорожкин, чувствуя, как колыхание уазика по ухабам сливается с пробирающей его дрожью, медленно, преодолевая тяжесть и жар, повернул голову, с трудом открыл глаза и прошептал или прокричал отчего-то побледневшему Ромашкину:

– Может, и размазня, но чем раствор жиже, тем вернее схватывает.

– Не скажи, – не согласился Кашин, а Маргарита вдруг зашлась в хохоте, и Дорожкин начал понемногу выползать и из жара, и из лихорадки. Через полчаса, когда едва заметный проселок вился в непроглядном ельнике, у Дорожкина дрожали только колени да саднило в груди.

– Ну вот. – Кашин заглушил мотор и выпрыгнул наружу. – Теперь можно и расслабиться, пока не стемнело.

– Не стоит расслабляться, – хлопнула дверью Маргарита, и Дорожкин вслед за оживившимся Ромашкиным вылез из салона.

Кашин выпустил из «собачника» околоточных, Дорожкин кивнул знакомцам, но здороваться не стал, тем более что и подопечные Кашина не изъявили особого желания брататься. Судя по недовольным рожам, они не только были раздражены ночной службой, но и не испытывали от предстоящей забавы особой радости.

– Не дрейфить! – приободрил околоточных Кашин и выудил из кармана поллитровку. – Маргарита, твоим не предлагаю, знаю, что они и без согрева герои.

– Итожить с утра будем, – отрезала Маргарита и кивнула Дорожкину. – Пошли, познакомлю тебя с Диром. Он здесь царь и бог. Пришлый, из пермских краев, а уж так корни пустил, что и не выкорчуешь.

Дорожкин покосился на Ромашкина, который, скинув брезентуху, сапоги и оставшись в одном трико, прямо под дождем, медленно, крадучись пошел к раскинувшим лапы елям, и двинулся за Маргаритой.

Заимка открылась внезапно. Она не стояла избушкой на поляне, а мостилась в самой гуще ельника. Просто, наклонившись под полог очередной зеленой великанши, Маргарита вдруг распахнула неведомо откуда взявшуюся дверь, и Дорожкин вслед за ней оказался внутри сложенного из замшелых бревен сруба, опорой которому служили все те же еловые стволы, прорастающие по углам внутри сооружения. Крыши у сруба не было, или Дорожкин не смог ее разглядеть в скрещивающихся над головой сучьях, но между еловых лап неожиданно сверкнули солнечные лучи, под ногами зашелестела не хвоя, а упругая зеленая трава, и в лицо пахнуло луговыми цветами и весенней живицей.

– Ну здравствуй, Дир, – поклонилась Маргарита, и Дорожкин, который до этого таращил глаза на траву, на пеньки-стулья, на блестящую медную жаровню на ножках и висевшие на сучьях медные котлы, чашки, ложки и плошки, вдруг разглядел у дальнего ствола человека. Он сидел на таком же пне-стуле и казался высоким даже в сидячем положении, а уж когда встал, то взметнулся над Дорожкиным, да и над Маргаритой на локоть. Лобастая, наголо обритая голова наклонилась вперед, глубоко посаженные глаза прищурились, и подобие улыбки заставило в ответ улыбнуться и Дорожкина. Хотя улыбка далась младшему инспектору нелегко – мало того что ему приходилось смотреть на хозяина лесного логова снизу вверх, так вдобавок на плече у того сидел какой-то зверь и скалил на Дорожкина зубы.

– Кыш, – согнал зверя Дир и неторопливо пояснил: – Куница это моя, ну вроде кошки, всегда на незнакомых шипит. Ты, выходит, новый инспектор, парень?

– Пока еще не выходит, но скоро выйдет, а не выйдет, так уйдет, – заметила Маргарита, едва Дир закончил неторопливое рукопожатие с Дорожкиным. – Что новенького?

– Пошли, – едва ли не со скрипом шевельнулся и наклонился перед низкой для него дверью хозяин лесного жилища. – Видела?

Тут только Дорожкин заметил, что скрывающий снаружи дверь ствол ели покрыт вертикальными бороздами, ободран. Высоко ободран, почти в трех метрах над землей. За дверью заимки Дира вдруг стало холодно, да и сумрак под елями или сгустился, или и был почти непроглядным. Маргарита выудила из кармана фонарик и осветила отметки неведомого чудовища желтым кружком.

– Под стать тебе зверек-то, – заметила Маргарита. – В метр девяносто, а то и все два в

лежке будет.

– Необязательно, – покачал головой Дир. – Может быть и ниже. Если толстый. Есть кто на примете?

– На примете много кого, да вот в кого целиться – непонятно, – проворчала Маргарита. – И что ж ты его упустил?

– Не было меня дома, – объяснил Дир. – На болота ходил, голубики хотел туесок набрать. Это он без меня тут отметился. Затем и отмечался, что попугать пытался. Сосунок. Но здоров. Беда может быть, если не окоротим.

Дорожкин вздрогнул, услышав слово «сосунок», вспомнил присказки Марфы и заерзал, закорчился, вытряхивая упавшую за шиворот хвою.

– Поздно окорачивать-то, – негромко бросила Маргарита. – Если бы дело коровой ограничилось да кабанчиком, окоротили бы. У тебя чья собака тут обреталась?

– Так Тамарки-травницы, – поднял кустистые брови Дир. – Она ж за папоротником пошла к Макарихе, за брусникой и прочей надобностью, а там клещ нынче лютует, так и прислала ко мне пса. Я уж измаялся, что ей говорить буду.

– Нет уже Тамарки, – вздохнула Маргарита. – О том пока молчок, а то околоточные Кашина прямо у твоей заимки кучи наложат. Но имей в виду, зверек наш за собачкой к тебе приходил не просто так, а по Тамаркиному запаху. До кучи сковырнул и пса, чтобы под корень.

– Да уж какой это был корень – так, корешок, – нахмурился Дир, и Дорожкин вдруг почувствовал, что хозяин заимки вот теперь, сию секунду, мог бы разорвать неведомого зверя голыми руками, пусть и лохматились полосы еловой коры на высоте трех метров. – Значит, окорачивать поздно? Но так он же не сам по себе вызверился? Не из норки выполз? Кто пакостит-то, Марго, не удумала? Кто его завел-то? Марк что говорит?

– Марк по старому делу не разгребется никак, – покосилась на Дорожкина Маргарита. – Не волнуйся, привезет тебе и аккумулятор, и книжек накачает. Все, что ты любишь. О том, кто завел, говорить будем, как завод рассмотрим. А теперь давай-ка займемся делом. Сегодня будем брать. Я так поняла, нычку свою зверь уже прикончил?

– Вчера еще, – кивнул Дир. – Одни кости остались. Я слышал, ночью он на край деревни выходил, да не обломилось там ему ничего.

– Не обломилось, – двинулась к машине Маргарита. – Шепелева товарок в оборот взяла, отбили деревеньку. Отпугнули зверя. За речку он не пойдет, пока не подранок, а деревню еще пару дней Марфа продержит. Жаль, Адольфыч запретил ей своего пса с цепи спускать. Так что будем действовать по старинке. Ромашкин сейчас кабанчика возьмет, нарежет спиральку кровью километров в пять диаметром да заложит тушу в Волчьем овраге. Там и будем ждать зверя. С лежки он поднимется в полночь, на месте будет в час, ну в два.

– Значит, от меня звериный отворот на несмышленышей, – Дир подмигнул Дорожкину, – да утренний отмор, чтобы глаза не слиплись?

– Это уж как водится, – задумалась Маргарита. – Однако и без твоей помощи не обойдемся. Мало ли, здоров уж больно, вдруг мои пули его не возьмут? Сам знаешь, подранку что отворот, что наговор. У Кашина-то хороший калибр, да начинка стандартная.

– Хорошо, – спокойно сказал Дир, шагнул вперед, поднял над головой еловую лапу и добавил, махнув рукой Кашину, что раскинул на капоте уазика газетку с бутылкой и закуской: – Если что, я ему голову откручу за Тамарку. Ну что, Николай Сергеевич? Опять паленкой заливаешься? Нешто тебя фирменная не пробирает?..

Ромашкин вышел из леса уже перед сумерками. Козырнул Кашину, подмигнул горящим пьяным глазом Дорожкину и начал натягивать спрятанную в машине одежду.

– Надеюсь, на приманку что-то осталось? – прищурилась Маргарита.

– Думаю, что половины туши хватит, – довольно рыгнул Ромашкин. – Хорошего кабанчика завалил. Правда, задок я уговорил, но требуха вся на месте. Сделал все в лучшем виде, устроил схрон, приметил место для стрелка, отход, спиральку завернул на два кольца. Что еще надо? Вы-то готовы?

– Готовы, – пробормотала Маргарита, посмотрев на пошатывающихся околоточных. – Дир должен уже подходить к Волчьему оврагу, все проверит и будет ждать нас там.

– На поражение? – вдруг как-то странно то ли прищурился, то ли оскалился Ромашкин.

– Был бы здесь Марк – взяли бы живым. – Маргарита сдвинула кобуру на живот, сорвала клапан, вытащила небольшой револьвер с блеснувшими на деревянных вставках в рукояти золотыми медальонами, откинула в сторону барабан, прищурилась. – А так рисковать не будем.

– Не будем, – подошел Кашин с карабином на плече. – Марго! А что, Марк до сих пор не списал этот детективный кольт с золотыми жеребятами?[10] Да он скоро развалится у тебя в руке!

– Он еще тебя переживет, – спрятала оружие в кобуру Маргарита. – Несмотря на то что у тебя на плече его младший брат. Девяносто процентов успеха в стрелке, так что не обольщайся, коммандос. Ладно, двинулись. До темноты от силы часа полтора, а нам еще два километра по буеракам пробираться, да и на месте надо все по-умному устроить.

– Не сомневайся, Дир устроит все в лучшем виде, – расправил плечи Ромашкин. – Хотя если по уму, ходу-то здесь десять минут.

– Ты хочешь, чтобы и мы на четыре кости встали? – расхохотался Кашин, но Ромашкин только фыркнул и первым раздвинул руками густой ельник.

Идти пришлось около получаса. Дорожкин смотрел на ладную фигуру Маргариты, очарование которой не могла скрыть даже грубая одежда, и думал о том, как живется такой женщине в одиночестве? Правда, с чего он взял, что Маргарита живет в одиночестве? Потому что она сказала о себе, что она одинока? Сейчас одинока, а раньше? Дорожкин попытался представить ее возможного мужа. По всему выходило, что личностью он должен был быть выдающейся. Одно дело согреваться возле жаркого огня, совсем другое – самому оказаться в пламени. Хотя кто он такой, чтобы судить о чужой жизни? Своей-то так и не получилось устроить. Двадцать восемь лет, скоро двадцать девять, а он идет на ночь глядя в странной компании на охоту за еще более странным, если не сказать опасным зверем, да еще при этом не имеет ни оружия, ни малейшего понятия о том, что ему предстоит делать. Чего было хорошего в его жизни после того, как несколько лет назад он вылез на Казанском вокзале из рязанской электрички? Нет, кое-что хорошее было, конечно, вот Машка была хорошей. Она и теперь оставалась хорошей. Просто ошиблась. Приняла веселого парня и трудягу Дорожкина за надежного и удачливого добывальщика благ и обеспечителя достатка. Может быть, так оно и вышло бы, имейся для обеспечения достатка у Дорожкина какой-никакой специальный талант. А симпатия была у нее к Дорожкину, была, еще бы, поначалу даже словно искры летели. А вот у него? Тоже была. Если бы прирос, так бы и тянул из девчонки соки. Или она из него. Отчего же развалилось-то у них все?

– Пришли. – Маргарита остановила процессию на взгорке, за которым начинался

поднявшийся после давнего пожара подлесок, и показала на уходящий в бурелом овраг: – Вот он. Где след?

– С той стороны, – оскалил зубы Ромашкин. – С этой стороны даже я ноги переломаю. Но стрелять надо только отсюда, здесь ближе всего. А на выходе встанет Дир. Его зверь не почует, пройдет, Дир ловушку и захлопнет.

– А склоны? – спросила Маргарита.

– По склонам наиболее вероятны четыре пути, – прищурился Ромашкин. – Ну то есть я бы, в зависимости от опасности, ломанулся бы по одному из четырех подъемов. Если бы обратная дорога оказалась занята. Ну там мы поставим околоточных, Дорожкина и Кашина. Опасность минимальна, чего им.

– Я тебе поставлю! – икнул Кашин. – Ты что, майора в загонщики поставить хочешь?

– Николай Сергеевич, – Маргарита стерла с лица гримасу брезгливости, – никаких загонщиков. Твоя убойная мощь так по главному калибру и пройдет. Встанешь здесь, у буераков, но стрелять будешь только после меня.

– Марго, – поморщился Ромашкин.

– Цыц! – повысила голос Маргарита. – Через полчаса тут и в десяти метрах ничего не увидишь. Потом будем спорить. Дир где?

– Здесь я, здесь.

Только что никого не было среди почти донага облетевших березок, и вот он. Стоит, блестит лысиной да ухмылку прячет. На плече охапка каких-то жердей, в другой руке пук пожухлой травы.

– Вот… – Дир протянул траву Маргарите. – Этим надо натереть подошвы, чтобы тут карусель ароматов не устраивать. Давайте быстрее, потом всех расставлю, отворот дам, да и отмор принять надо, тем более что кое-кто уже спички под веки мостит.

– Да ни в жизнь, – встрепенулся Кашин. – Мои молодцы и не такое видели. Все-таки на земле работают.

– Ага, – ухмыльнулся Дир. – Камень топчут.

Дорожкина Дир ставил в последнюю очередь. Сначала пристроил над крутым склоном околоточных, потом возился в буреломе с Кашиным, заставив того бурчать и возмущаться какими-то обстоятельствами майорского существования. Затем поставил Маргариту и поманил к себе пальцем Дорожкина.

– Ты последний, – подмигнул Дир младшему инспектору.

– А Ромашкин? – оглянулся Дорожкин на развалившегося на куче листвы Веста.

– Ромашкин свою работу уже сделал, сейчас на заимку его отправлю, – объяснил Дир. – Он нам теперь не помощник. Ворон ворону глаз не выклюет.

– Так мы на птиц охотиться будем? – сдвинул брови Дорожкин, пытаясь скрыть вновь начинающую пробивать его дрожь.

– Нет, – удивился Дир. – Но ворон, кстати, птица тоже с характером. Смотри. Встанешь здесь. – Он показал на раздваивающийся на высоте метра от земли ствол липы. – Видишь колоду на дне оврага, у бурелома? Ну пятно темное? Там туша. Тут ведь как. Зверь пойдет мимо меня с самого начала оврага. Я бы его на подходе взял, но он очень быстр. А с учетом что свежий, так еще и глуп. Не по уму, по глупости вывернется. Но когда его припечет, он по-любому как зверь дышать будет. Тут уж на глупость рассчитывать не придется. Знаешь, что это значит?

– Нет, – затаил дыхание Дорожкин.

– Это значит, что он на тебя пойдет, парень, – сдвинул брови Дир, закряхтел, присел на раздвоенную липу, но все равно остался выше Дорожкина. – Ты уж не обессудь, но, кроме тебя, сюда ставить некого. Я ведь и отворотом тебя мазать не буду, но ты не волнуйся, я, конечно, не такой шустрый, как он, но буду здесь же секунд через пять, а то и раньше. Но ты справишься.

– Вы уверены? – хрипло спросил Дорожкин. – Как все пройдет?

– Да просто, – махнул ручищей Дир. – Зверь подойдет к туше. Маргарита в темноте видит прилично, стреляет без промаха. Она как раз над буреломом засела, но с этой стороны, на склоне. От тебя метров тридцать. Да ее видно пока еще. Вон. Так вот, зверь подойдет к туше. Как только примется за еду, а он, по моим прикидкам, очень голодным будет, она его подстрелит. Не знаю, положит ли сразу или нет, но попадет – это точно. А уж если попадет, то будет такая штука, ну заискрится он, что ли. Увидишь. Тут вступит Кашин. Уж в светящуюся мишень хоть одну пулю майор положить должен. Если попадет в голову, зверь, считай, готов. В ногу – тоже хорошо. К тому же не забывай, что и у Маргариты в барабане не один патрон.

– Я не забываю, – кивнул Дорожкин.

– Вот, – смешно подмигнул Дорожкину сразу двумя глазами Дир. – Но если даже случится невозможное и никто в него не попадет, он может рвануться обратно, на тропу, по которой вошел в овраг.

– Это вряд ли, – понял Дорожкин. – На меня он пойдет.

– Вот, – обрадовался Дир. – Ты все уяснил. Одной дорогой такой зверь не ходит. Не ходит, когда за него не разум, а инстинкты работают. Так вот, на Марго не пойдет, там склон слишком крут, на Кашина не пойдет, застрянет. Тот берег тоже не очень, да и на пареньков тех я и отворота не пожалел, да и обделаются они, скорее всего, от страха или побегут, а шум это еще лучше отворота. А вот ты не побежишь.

– Не побегу, – кивнул Дорожкин – и вдруг понял, что если бежать, то только теперь и ни минутой позже.

– Молодец, – кивнул Дир и протянул ему жердину, вырезанную из молодой ели, с заостренной вершиной, острым комлем и розеткой ветвей в локте пониже вершинки. – Это твое спасение. Смотри. Подниматься он будет вот так. Деться ему некуда. Локоть вправо, локоть влево – терн. Здесь ручей в овраг сбегал, вот и промыл дорожку. Если что, упираешь комель вот сюда, в корни липы, а верхушку опускаешь и придерживаешь. Никаких усилий, он сам на вершинку наскочит, почует твою плоть, рванется вперед и наскочит. А вот эти веточки его дальше-то и не пустят. А там уж и я подберусь, и у Маргариты не заржавеет. Но случиться этого не должно.

– Не должно, – повторил Дорожкин. – А отмор? Ну чтобы не уснуть?

– А тебе не нужно, – серьезно сказал Дир, шагнул было вниз по склону, но вдруг остановился, сунул руку за пазуху, выудил оттуда читалку. – Видал?

– Отличный аппарат, – кивнул Дорожкин. – «Сонька» пятьсот пятая. У меня такая же была. Жаль, сломал. Не новая, но по мне, так лучшая.

– С этим я согласен, – расплылся в улыбке Дир. – Только батарея плохо заряд что-то стала держать. А подзарядить – только в городе. А если на заимке, надо бензоагрегат запускать, а от него и вонь, и грохот. Заказал Марку, но когда он еще из столицы вернется, да еще и забудет. Ты там, если что, выручишь?

– Конечно, – пожал плечами Дорожкин. – Жив буду – не забуду.

– Это я тебе гарантирую, – махнул ручищей Дир. – И вот еще. На телеграфе интернетчик уже месяц хворает, а эта… – Дир запнулся, – неразумная женщина, телеграфистка, без него не пускает в Сеть. А у меня книжки на исходе. У тебя ничего нет?

– Да есть вроде, – сдвинул брови Дорожкин. – В ноуте есть библиотечка. Но классики мало, фантастика в основном.

– Вот! – поднял палец Дир и уже почти в полной темноте зашептал: – Если выручишь, с меня магарыч. Ты не представляешь, какая тоска одному в лесу, да еще без чтива. Нет, летом тут бывает народишко, но к зиме, словно дустом посыпано, никого…

Дир не знал, кто такой Дорожкин, а недавно испеченный младший инспектор не успел объяснить добродушному здоровяку, что если что-то может пойти не так, то пойдет обязательно. И пусть вины в этом Дорожкина не будет, но все это самое «не так» пойдет именно в его сторону и пробежится именно по его голове. Зверь появился, едва миновала полночь. Дорожкин не увидел его, даже тени не разглядел, просто почувствовал ужас, который забурлил и в мгновение наполнил Волчий овраг до краев. И тут прогремел выстрел из карабина. Или Кашин разглядел что под пасмурным ночным небом, или нервы у майора не выдержали, но из-за бурелома ударил сноп огня, а в следующую секунду Дорожкин увидел летящую вверх по склону гигантскую черную тень и опустил приготовленную жердину. Удар был страшным. С хрустом переломились веточки, оставленные для задержания зверя, уши Дорожкина заложило от истошного воя, нос забило непереносимой вонью, выгнулся, заскрипел сам ствол, переломился под страшной тяжестью – и внезапный удар отшвырнул Дорожкина на ту самую кучу листвы, на которой еще недавно нежился Ромашкин. Все остальное младший инспектор видел так, словно смотрел мутный ютубовский ролик на своем ноуте. Защелкали выстрелы из револьвера. Черная воющая тень заискрилась светом, оделась огненным контуром, а потом над нею поднялась фигура Дира, и вой оборвался.

– Вам здесь не рады, – услышал Дорожкин неожиданно спокойный голос хозяина леса.

– Кто там? – через мгновение послышался со дна оврага злой голос Кашина. – Черт. Чуть ноги не переломал. Кто там?

– Кто, кто, – заворчал Дир. – Подожди, торопыга полицейская. Надо увериться, что не оживет. Мигалкин это.

– Какой Мигалкин? – закричал, чертыхаясь, Кашин.

– Тот самый, – рявкнул Дир. – Интернетчик. Как есть обормот. Вот ведь и вроде не шибко большой был, а разожрался за неделю. Иди околоточных своих собирай, майор. Дезодорант-то есть с собой? Где молодой?

– Где Дорожкин? – послышался обеспокоенный голос Маргариты.

– Я здесь, – постарался бодро ответить Дорожкин, но едва подал голос.

– Ты в порядке? – двинулась к нему Маргарита.

– В порядке, – прохрипел Дорожкин и опустил руку на что-то жидкое на животе. – Только мокрый весь.

Глава 9
Бред и велосипед

Бредил Дорожкин недолго, всего, судя по запомнившимся ему сменам дня и ночи, суток трое. Причем бредил не постоянно, потому как череда кошмаров, в которых то в родной деревне, то в московской съемной квартире, то в участке, то в каком-то лесу его окружали и рвали на части неразличимые тени, не была бесконечной. Время от времени он открывал глаза и почти ясно видел или незнакомого врача в белом халате, или Марфу с трехлитровой банкой молока, или смешно выглядевшего в синем джинсовом костюме Дира, который сидел за больничным столом, упершись взглядом в электронную читалку, или золотозубого с сияющим металликом роскошным велосипедом, или Кашина с бутылкой водки, или Фим Фимыча со стаканчиком загоруйковки, или брата золотозубого в черном костюме с рулеткой, или Ромашкина, гонящего прочь гробовщика, или опять Дира.

– Я, конечно, не повар, – бормотал, поглаживая поблескивающую голову Дир, – но если у тебя в холодильнике есть лучок, чесночок, помидорки, свинина, маслице, да что угодно, то ты уже на коне. А у тебя-то всего этого в достатке. Я уж наведался, прости, без твоего разрешения, но уж больно хотелось до книжек в твоем ноуте добраться. Но не думай, все под контролем Фим Фимыча, он за каждым моим шагом следил и лично дверь за нами запер. Ничего, скоро ты опять сам хозяйствовать будешь. Завтра по-любому тебя домой отправим. Доктор сказал, что так спящего и повезут. Оно и к лучшему. А я к твоему приходу что-нибудь сварганю. Главное, есть из чего. Я заглянул в холодильник-то. Узнаю руку Фим Фимыча, он запас составлял, поверь моему слову. Гурман. Но дело ведь не только в продуктах. Хорошая посуда тоже важна. Сковорода, конечно, должна быть чугунной, но на крайний случай сойдет и антипригарная. Первым делом надо почистить лук…

– Дир, – шептал Дорожкин, – у меня живот тянет. Я есть очень хочу, но пока не могу.

– Еще бы у тебя живот не тянуло, – удивлялся Дир. – Тебя же вскрыли, как консерву. Аж кишки в штаны вывалились. Но я-то там не зря был рядом. Кишки собрали, травки нужные приложили – и в больницу. А уж там есть хирурги, есть. Так заштопали, точно ботиночек зашнуровали, а шнуровки-то и не видать. Задал ты им задачку. Да не тем, как тебя вытащить, а тем, как бы ты с привязи не сорвался. Ведь вроде бы обычный, можно сказать, парень, без взбрыков и подсосов, а заживает на тебе все как на собаке. Я бы даже сказал, как на ящерице. Но ты не волнуйся, я не в смысле регенерации. Ничего тебе не отрывали, только пузо заштопали, все, что надо, внутрь вложили и лишнего ничего внутри не оставили. А уж то, что тебя на третий день домой воротить хотят, толкуй в свою пользу. Если бы тебе успокоительного не вкачали, ты б уже как козленок прыгал. Тут и начальство уже побывало, сам Адольфыч заглядывал, оставил тебе премиальные, в верхнем ящике стола, сто тысяч рублев, бумажка к бумажке, в банковской упаковке. Ты уж прости, я это дело все в отдельный пакетик заныкал, да еще скотчем прихватил, пропасть не должно. Адольфыч хороший мужик местами. Обещал тебе и прочие послабления, оплатил Саньку, который по моторным делам, ремонт твоего велика, только просил передать, чтобы в городе ты об этом Мигалкине особо не болтал, тем более что они уж другого интернетчика из Москвы выписали, да не одного, а с женой. Она будет в ремеслухе литературу вести, а он, значит, на почте заправлять, потом опять же компьютерный класс собирается наладить в школе нашей, обещался за информатику взяться. Адольфыч для детишек никаких денег не жалеет.

– Дир, – шептал через силу Дорожкин, – а ты сам-то кто?

– Как кто? – таращил глаза Дир и, перед тем как снова кануть в месиво теней, пожимал плечами. – Дир и есть Дир. Директор леса. По жизни. А по профессии, или, я бы так сказал, по призванию, по роду, – леший, лешак, называй как хочешь.

– Дир, – почти уже во мглу спрашивал Дорожкин, – а вот у тебя дома круглый год тепло как летом? Травка там, солнце.

– Конечно, – отвечал Дир. – Это легко устроить. Лето просто накопить надо. Выходишь на солнце и копишь. Если бережливо к нему, зря не проматывать, то на всю зиму хватит. А если так-сяк, не всякий раз и до нового года достанет.

– А как же дождик? – не понимал Дорожкин. – У тебя же там крыши-то нет?

– Ну нет крыши, – уныло соглашался Дир. – Понимаешь, какое дело. Крышу накопить невозможно, да и вырастить ее проблемно. Ее крыть надо, иначе никак. Зато у меня зонтик есть. Да и что там летний дождик – в радость. Это я осенью лысый, видел бы ты, какие у меня кудри к июню пробьются.

– Увижу еще, – бормотал Дорожкин и снова проваливался в вязкую темноту.

Окончательно Дорожкин пришел в себя уже дома. Потянулся, почувствовал напряжение в животе, не открывая глаз, сунул под одеяло руку, удивился отсутствию бинтов, провел ладонью по коже и не нащупал шва. Сбросил одеяло, сел, уставился на чистый живот, на котором всего-то и было что полоса розовой, молодой кожи, и вздрогнул, когда услышал низкий хохоток.

– Удивлены, молодой человек? Признаться, что и мы тоже удивлены. Вы же, так сказать, обычный человек, а тут ведь…

На одном из антикварных стульев Дорожкина сидел полный мужчина в белом халате и натирал тряпочкой стекла очков.

– Нечаев Владимир Игнатьевич, – прогудел он неторопливо, надевая очки и взъерошивая над широким лбом черные с сединой кудряшки. – Глава больницы, ну и терапевт, и хирург в одном круглом лице и круглом теле. К вашим услугам – ваш лечащий врач. Только вы не думайте, что я тут из-за излишнего служебного рвения или в связи с необходимостью какого-то контроля за вашим состоянием. Меня Дир, знакомец мой, просил тут поздравить вас с пробуждением. Он там соорудил для вас настоящий плов, но у него ж служба, лес, а вы тут в последние сутки разоспались крепким здоровым сном, короче, просил кланяться. Встретить вас, так сказать, на пороге из обморочного состояния в дневное, хотя вы бы и без меня справились. Вы, молодой человек, сейчас как новенький. Хоть призывай вас снова на военную службу. Вы же отслужили уже?

– Отслужил, – кивнул, хлопая глазами, Дорожкин.

– Молодец, – улыбнулся доктор. – Не в смысле какой-то доблести, а по факту. Вернулся живым-здоровым, уже хорошо. На вас и раньше все так заживало?

– Владимир… – поморщился Дорожкин.

– Игнатьевич, – подсказал доктор.

– Владимир Игнатьевич, а где шов? – провел рукой по животу Дорожкин. – Ну зажило, понятно, но тут же ничего нет?

– Как раз все есть, – снова хохотнул доктор. – Кишочка к кишочке, а вот шва нет. Так его и не должно было быть, медицина, дорогой мой, кое-что может, тем более с нашими возможностями, но заживление прошло ненормально быстро. Так что вы теперь, кроме всего

прочего, еще и объект изучения и даже, честно сказать, любопытства. Такой организм!

– Обычный организм, – пробурчал Дорожкин. – Все детство с простудами, даром что деревенский. Два раза воспаление легких, каждая весна – фурункулез. Бронхит хронический… был или есть. Да нет у меня никакого особенного здоровья. Вот месяц назад разбил нос, так две недели, извините, высморкаться без гримасы не мог.

– Интересно, – задумался доктор. – Впрочем, как я предполагаю, порой особые способности организма проявляют себя именно в нестандартных ситуациях. Ну ладно, на этом считаю свои обязательства перед Диром выполненными, если что – заглядывайте. Впрочем, вы и так заглянете, у нас теперь беспокойство одно, этот самый Мигалкин-то как раз у нас наблюдался. У доктора Дубровской. Ну по линии гнойной ангины месяц, считай, хворал, что уже странно для нашего контингента, то одно осложнение, то другое, вроде пошел на поправку, неделю назад выпросился на амбулаторное, а там вот как получилось.

– Владимир Игнатьевич… – Дорожкин остановил доктора уже в дверях комнаты. – Скажите мне, это все было на самом деле?

– Конечно, голубчик, – закивал доктор. – Потроха зверь вам не повредил, врать не буду, но брюшную стенку разворотил. И ведь что любопытно: Ромашкин, конечно, привил вас от соответствующего риска, но вакцина вам не понадобилась. Антитела мы в вашей крови не обнаружили. То есть зараза, которую занес вам в кровь Мигалкин в своем, так сказать, зверином обличье, просто-напросто попала в среду, в которой существовать не могла.

– Я не об этом, – мотнул головой Дорожкин. – Я о звере, о Фим Фимыче, о Дире, о Никодимыче, о Шепелевой, о Ромашкине, наконец. Это все на самом деле или карнавал? Ну лешие, домовые, банные, овинные? Оборотни, если я правильно понял, ведьмы? Кто еще? Это все на самом деле?

– А как вам угодно, так и считайте, – медленно произнес доктор и захлопнул за собой дверь.

Бесполезный в Кузьминске мобильник исправно показывал дату и время.

– Среда, шестое октября, – пробормотал Дорожкин, отсчитал на пальцах воскресенье, понедельник и вторник, еще раз недоверчиво провел по животу и отправился в кухню. Плов был закутан в пару полотенец, поэтому остыть не успел и на поднятие крышки ответил залпом соблазнительного аромата. Дорожкин вернул крышку на место и побежал в ванную, всерьез опасаясь на ходу захлебнуться слюной. Слюной он не захлебнулся и уже через полчаса блаженно остывал после горячего душа и поглощал солидную порцию плова, с тревогой прислушиваясь, как поведут себя после пережитого его потроха. На первой стадии пищеварительного процесса потроха не подвели, поэтому, решив, что ему таки положен за испорченную субботу отгул, Дорожкин решил заняться наведением порядка в собственном жилище, а заодно и размяться, особо не напрягая пострадавшую во время охоты часть туловища. За какой-то час он смахнул во всех доступных местах пыль, вооружился найденной в кладовке шваброй и заставил пол блестеть по-настоящему, после чего закинул в стиральную машину упакованную в наволочку со штампом кузьминской больницы не слишком старательно отстиранную одежду. Разбирая ее, он удивился, обнаружив в отдельном пакете не только деньги, оставшиеся от его зарплаты, перемотанную скотчем пачку купюр от Адольфыча, ключи и собственное удостоверение, но и три пустых маковых коробочки от Никодимыча. Разодранные в клочья ветровку и рубаху пришлось выбросить в ведро, похоже, подобная участь постигла несколькими днями раньше и брезентуху. Почувствовав, что лоб

пробила испарина, Дорожкин подтянул к кровати сумки, разобранные за месяц пребывания в Кузьминске лишь на четверть, и взялся за ревизию нажитого в Москве имущества.

Одежда выглядела аккуратно, но уложена была рукой самого Дорожкина. Фим Фимыч, похоже, совал ее в сумки так, как она и занимала места на полках платяного шкафа на последней съемной квартире. Зато все прочее карлик, не мудрствуя лукаво, просто ссыпал в полиэтиленовые пакеты. Теперь все это барахло Дорожкину предстояло перебирать. Он расставлял на столешнице комода какие-то свечи, неведомо как прилипшие к холостяцкому быту Дорожкина непонятные фарфоровые фигурки, любимую чашку, детскую игрушку, пачки фоток, флешки с забытым содержимым, диски, еще что-то, но мысли его текли куда-то далеко-далеко. Нет, Дорожкин пока еще не думал о забытом светлом, хотя не только разглядел, но и потрогал затянутое узлами полотенце на беговой дорожке. Не думал о колючем и больном, пусть и связал в голове быстроту собственного выздоровления в кузьминской больнице и ту странную отметину на груди, которая уже не раз напоминала о себе. Он думал о последних словах доктора. «Как вам угодно, так и считайте».

– Да ладно, – наконец тряхнул головой Дорожкин, когда понял, что все его размышления сводятся все к той же к ущербной формуле «Этого не может быть, потому что не может быть». – Считать я и в самом деле могу как угодно, ну так реальность-то от моего подсчета не изменится? Что тут происходит на самом деле? И как это может повлиять на меня?

«Уже повлияло», – пришла в голову очевидная мысль. Поежившись, Дорожкин ущипнул себя за живот, подумал, что вот уж действительно прав был Адольфыч, говоря, что предстоящий ему кусок жизни в Кузьминске должен быть очень интересным, и достал со дна последней сумки аккуратно свернутую теплую замшевую куртку, которую не надевал с весны. На ее левом борту, как раз напротив сердца, прилипла нитка. Дорожкин снял ее, пощупал ткань и подошел к окну. Куртка была разорвана на груди и зашита, но зашита так аккуратно, ниточка к ниточке, что, если бы не случайное внимание и не ощущение на пальцах, Дорожкин бы и не заметил починки. А между тем зачиненная дыра была размером сантиметров в пять, к тому же имела рваные края. Над курткой поработала не просто рукодельница, а искусница швейного ремесла.

– Или искусник, – пробормотал Дорожкин.

Изнутри на атласной подкладке шов был заметнее, но тем аккуратнее выглядели стежки. Короткий, сантиметра в два, шов имелся и на спине.

Еще не вполне понимая, что он делает, Дорожкин вдохнул запах чистой ткани, пощупал карманы, надеясь неизвестно на что. Разве только на то, что сдал тогда спьяну куртку в ремонт и чистку, квитанция же должна быть в кармане, но ничего не нашел и сунул руки в рукава. Отверстие в куртке и почти неощущаемое теперь колючее и больное на груди совпали. Дорожкин распахнул стенной шкаф, покрутился минуту перед зеркалом и понял, что и отверстие на спине совпадает с колючим и больным.

– Ну и что? – спросил Дорожкин собственное отражение – Не хочешь же ты сказать, что полгода назад тебя напоили, проткнули насквозь какой-то острой штукой, залечили, а потом, на всякий случай, зашили тебе куртку? Рубашку, кстати, выбросили. Вот я, дурак, искал теплую ковбойку. А что? Ходил бы сейчас, как Кашин, только без погон.

Нет, что-то не складывалось. Весь предыдущий опыт подсказывал Дорожкину, что объяснение должно быть простым и очевидным. Проткнуться насквозь Дорожкин не мог хотя бы потому, что на Рязанском проспекте никакого Дира не было, и приложить какую-то там травку к его проткнутой тушке никто бы не смог. Да и не помогла бы травка

пронзенному моторчику. Скорее, он и в самом деле либо выпил какой-нибудь дряни (на этом месте рассуждений Дорожкин с сомнением скривился) или просто попал в какую-то передрягу, мало ли что могли брызнуть в лицо окраинные гопники, хорошо хоть ножом не пырнули или по голове не ударили. Украсть они ничего не украли, может, спугнул кто, но в грудь ему саданули. А потом в спину. Или он сам ударился обо что-то грудью, порвал куртку, рассадил кожу, отшатнулся и наткнулся, абсолютно случайно наткнулся на какую-то железку, которая оказалась точно напротив раны на груди.

– Ага, – начал расстегивать куртку Дорожкин. – А потом какая-то супербелошвейка подобрала израненного обалдуя, отвела его домой, залечила, зашила, постирала и высушила его куртку, ушла, захлопнула за собой дверь и не оставила даже записки. Нет, ну если бы это было на Новый год, я хотя бы знал, на кого подумать, а тут…

Что-то блеснуло на рукаве. Дорожкин подошел к окну и снял с коричневой ткани волос. Он отливал золотом, конечно, не был золотым, но светился у северного окна дорожкинской квартиры так, словно отраженный солнечный луч все-таки нашел дорогу в хоромы младшего инспектора.

– Осторожно, господин детектив, – прошептал Дорожкин, пропустил волос, который тут же завился кольцами, между пальцев и сунул его в прозрачный пакетик. – Следствие начинается.

Фим Фимыч встретил появление Дорожкина на лестнице стоя, нацепив по этому случаю невесть откуда взявшуюся офицерскую фуражку и приложив крохотную ладонь к виску. Дорожкин раскланялся с консьержем, скромно потупившись, выслушал уместные и не слишком уместные славословия и собрался уже было к выходу. Но Фим Фимыч спрыгнул с табуретки, которая прибавляла ему роста и солидности, и выкатил из-за стойки сверкающий бронзовым металликом велосипед.

– Держи, дорогой. Санек расстарался как никогда. Еще и какие-то извинения принес. Работает этот шедевр отечественного велопрома от ножного привода, но работает бесшумно и легко. Скоростей всего с десяток, но все рабочие. Справишься. В подсумке визитка мастера, скидка на установку моторчика, но насчет моторчика я тебе не советую. От розетки больше чем на длину удлинителя не отъедешь, а все попытки Санька протянуть по городу электролинии Адольфыч отвергает. И правильно делает.

Фим Фимыч прыснул хохотком, а Дорожкин выкатил действительно сверкающий новее нового велосипед на улицу и тут же его оседлал. Впрочем, и после обзорной экскурсии с Ромашкиным Дорожкин понял, что народная мудрость не лгала: разучиться ездить на велосипеде, равно как и разучиться плавать, было невозможно. Но не на всяком велосипеде езда была способна доставить такое удовольствие. Педали крутились легко, колеса бежали ровно, в лицо ударял прозрачный октябрьский ветерок, развеивая в пространстве последние крохи осеннего тепла, шины шуршали чуть слышно. Мокрые после ночного дождя, облепленные желтыми листьями дома Кузьминска казались смешными, каменные чудики на их стенах – жалкими.

Дорожкин выехал на Советскую площадь, разминулся с маршруткой, подумал, глядя на четыре кафешки, что, пока не доест плов, не пойдет ни в одну из них, и покатил вниз по Октябрьской. У телеграфа он остановился, с некоторым сожалением слез с железного чуда и вошел внутрь, где потратил некоторое время, чтобы придумать разумное объяснение внезапному переводу крупной суммы. Ничего умнее: «Мама, меня премировали за хорошую

работу» – ему придумать не удалось. Дорожкин заполнил квитанцию, передал пачку купюр толстой телеграфистке, получил чек и шагнул к стеклу, за которым целый месяц висело объявление, что интернетчик заболел, а теперь маячила какая-то громоздкая фигура.

– О! И ты здесь? – послышался изумленный голос старого знакомого.

Интернетчиком стал График Мещерский.

Купить полную версию книги

Глоссарий

Горгулии – древние фантастические существа; по преданию, при свете дня были окаменевшими крылатыми чудовищами, украшавшими стены замка, а ночью оживали и охраняли его обитателей.

Гурт – ребро монет, медалей.

Дивов Олег Игоревич (1968 г. р.), журналист, писатель. В тексте косвенно упоминается его книга – роман «Симбионты», вышедший в 2010 году.

Драга – многоковшовый цепной экскаватор на плавучей платформе, который используется для подводной разработки ценных минералов.

Инициация – таинство, посвящение; обряд, необходимый для перехода в новое качество в составе какой-либо социальной группы или мистического союза.

Киберпанк – ответвление научной фантастики. Поджанр основан на изображении антиутопий будущего.

Космоопера – поджанр приключенческой фантастики, основанный на описании событий, происходящих в космическом пространстве и на других планетах.

Космооперетта – поджанр космооперы.

Криптоистория – жанр фантастики, основанный на фантастическом предположении, что реальная история отличается от общепринятой в силу ее фальсификации либо замалчивания каких-то исторических реалий.

«Кузькина мать» – жаргонное название водородной бомбы (50 мегатонн), взорванной над архипелагом Новая Земля в 1961 году. Имела кодовое название «Царь-бомба», жаргонное название появилось после известного высказывания Н. С. Хрущева: «Мы еще покажем Америке кузькину мать!»

Мейнстрим («основное течение») – применительно к литературе используется для обозначения каких-либо популярных, массовых тенденций.

Моногамия – брачный союз, в котором состоят два представителя противоположных полов.

Монотеизм – религиозное учение о едином Боге.

МТС (машинно-тракторная станция) – сельскохозяйственные госпредприятия в СССР; оказывали техническую помощь колхозам. Упразднены в 1958 году.

Навь – воплощение смерти в славянской мифологии.

Николай-угодник (Святитель Николай, Николай Чудотворец) (ок. 270 – ок. 345) – христианский святой. Считается покровителем моряков, купцов и детей.

Постапокалиптика – ответвление научной фантастики. Поджанр основан на изображении будущего, наступившего после всемирной катастрофы.

Психосоматика – направление в медицине и психологии, изучающее влияние психологических факторов на возникновение и течение соматических (телесных) заболеваний.

Психофизика – наука, изучающая взаимодействие между объективно измеримыми физическими процессами и субъективными мысленными переживаниями.

«**Пятерка**» – автомобиль «жигули» ВАЗ-2105.

Радонежский Сергий (Варфоломей)(1314–1392) – монах, основатель Троице-

Сергиевой лавры, подвижник земли русской.

Реми Мартин (коньяк Remy Martin VSOP) – мировой лидер в категории VSOP (Very Superior Old Pale).

Сакрализация – наделение предметов, явлений, личностей «священным» смыслом.

«Сакралка», сакральная фантастика – ответвление фантастики, основанное на изображении реальности, находящейся под влиянием потусторонних сил.

Стимпанк (паропанк) – поджанр научной фантастики, основан на изображении будущего, построенного в условиях развития технологии паровых машин и механических устройств.

Стомп – танцевальный элемент чечетки, степа.

Суккуб – мифологический персонаж, демоница, дьявол в женском обличье.

Турбореализм – философско-психологическое, интеллектуальное ответвление фантастики. Поджанр, основанный на трансформировании реальности.

Флуктуации – понятие, связанное с колебанием или каким-то (периодическим) изменением.

Шарашка (*жарг.*) – секретный научно-исследовательский институт или конструкторское бюро, подчиненное НКВД, с персоналом из заключенных.

Эксгибиционизм – сексуальное поведение, связанное с демонстрацией половых органов незнакомым лицам; от exhibeo (*лат.*) – выставлять, показывать.

Эпигоны – в окололитературных кругах используется как обозначение последователей и подражателей известных писателей, не обладающих достоинствами первых либо причисляемых к недостойным.

Юнг Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психолог и психиатр, основатель «аналитической психологии». Ему принадлежит термин «коллективное бессознательное», обозначающий универсальные образы и идеи, передающиеся из поколения в поколение и лежащие в основе деятельности людей. (В тексте встречается шутливый реверанс в его адрес «коллективное сознательное».)

---

notes

Примечания

1

Всё наоборот (*лат.*).

2

Для предуведомления (*лат.*).

3

К сведению, к замечанию (*лат.*).

4

Воинская часть, закрытый объект (*разг.*).

5

«Тамерлан и другие стихотворения» – сборник стихов Эдгара По; напечатан тиражом 50 экземпляров, под псевдонимом Бостонец.

6

И так далее и тому подобное (*лат.*).

7

Человеку свойственно ошибаться, но только глупцы упорствуют в своих ошибках (*лат.*).

8

Жребий брошен, обратно пути нет, мосты сожжены (*лат.*).

9

Противопоставление изречению «Темна вода во облацех» (Псалтырь, пс. 17, ст. 12) – что-то неясное, непонятное; здесь в противоположном значении – ясное, очевидное.

10

Имеется в виду короткоствольный шестизарядный револьвер Colt Detective Special, на которые с 1955 года стали ставить деревянные рукоятки – сначала с серебристыми, а потом и с золотыми медальонами. Символ компании-производителя – жеребенок, встающий на дыбы.

11

Вымышленные страны. Беловодье – согласно русским народным преданиям легендарная свободная страна.

12

Речь идет о книгах «Издательства АЛЬФА-КНИГА».

13

Имя Угур переводится как «удача, фортуна»; Кара – «черный, темный» (*тур*.).

14

Л е о н а р д К о э н – поэт, певец (США).

15

К р и с Р и – поэт, композитор, певец (Великобритания).

16

Песня Криса Ри из альбома «Road To Hell».

17

Кто поздно приходит – тому кости (*лат. поговорка*).

18

Ешьте, пейте, после смерти нет никакого наслаждения! (*лат.*). Старинная студенческая песня.

19

Безумствовать там, где это уместно (*лат.*). Гораций. «Оды».

20

Теперь надо пить (*лат.*). Гораций. «Оды».

21

Через тернии к звездам (*лат.*).

22

Кинофильм режиссера Ньюта Арнольда. США, 1988 г.

23

Давайте входите, Милорд! Садитесь за мой стол, становится холодно на улице, сюда, здесь так уютно. Оставьте, Милорд, и хорошенько соберитесь с собой, предоставьте ваши беды моему сердцу и садитесь на стул. Я вас знаю, Милорд, вы меня никогда не видели. Я лишь девчонка у ворот, тень с улицы… (Начало песни «Милорд» в исполнении Эдит Пиаф). – *Пер. с фр. Анастасии Борисенко.*

24

«Апостол прокаженных» – в миру Йозеф де Фостер (1840 – 1889). С 1873 года и до смерти вел миссионерскую деятельность на острове прокаженных на Гавайях.

25

По достоинству, по стоимости (*лат.*).

26

BDSM – сексуальные отношения, субкультура, с элементами властвования, господства и подчинения.

27

Арсентьев Владимир Клавдиевич (1872–1930) – русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока.

28

Имеется в виду научно-популярная книга писателя-фантаста и ученого-палеонтолога И. А. Ефремова «Дорога ветров. Гобийские заметки» о работе в Монголии советской палеонтологической экспедиции. «Трудрезервиздат», 1958.

29

Полуавтоматический пистолет, разработан и изготовлен итальянской фирмой «Беретта».

30

Самозарядный 9-миллиметровый пистолет, разработанный советским конструктором Макаровым в 1948 году.

31

Имеется в виду книга «Vita nostra» Марины и Сергея Дяченко.

32

Согласно Евангелию житель Вифании, которого Иисус Христос воскресил через четыре дня после смерти.

33

Не строй планы, Бог решит по-своему (*укр. поговорка*; русский аналог: *«Человек предполагает, а Бог располагает»)*.

34

Перисто-кучевые облака – следы, образующиеся за самолетами, летящими на большой высоте.

35

Величайшее несчастье – быть счастливым в прошлом (*лат.*).

36

Из одного дерева икона и лопата (*укр. поговорка*).

37

Человек (*тур*.).

38

Сало без водки что свинья без рыла (*укр. поговорка;* русский аналог: *«Пиво без водки – деньги на ветер»).*

39

Украинские народные песни.

40

Речь идет о карабине «Тигр-9» для охоты на крупного и среднего зверя, калибр 9 мм, прицельная дальность стрельбы1200 м.

41

Патроны фирмы «Dynamite Nobel», Германия, 9,3 х 64, масса пули 19 г.

42

Английский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике 1933 года (совместно с Эрвином Шредингером).

43

Книга Михаила Емцева и Еремея Парнова.

44

Жизнь мы краткую живем, призрачны границы? (*лат.*). Строка из «Гаудеамуса», старинного гимна студентов.

45

Привычка – вторая натура (*лат.*).

46

Живая речь питает обильнее (*лат.*) – произнесенное вслух доходчивее, чем написанное.

47

Бедствие – пробный камень доблести (*лат.*).

48

К праотцам (на тот свет). Библия, Книга царств, 4, 22, 20.

49

Аргумент, апеллирующий к личным свойствам того, о ком идет речь или к кому обращено доказательство (*лат.*).

50

Сентенция восходит к Древнему Риму и в буквальном переводе означает «от яйца до яблок». Обед в Римской империи было принято начинать с яиц и заканчивать фруктами, таким образом, фраза несла в себе смысл «от начала до конца».

51

Сделал тот, кому выгодно (*лат.*).

52

Орел не ловит мух (*лат. пословица*).

53

Отсыл к «коллективному бессознательному» (термин Карла Юнга, психолога и психиатра).

54

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О досрочном освобождении от дальнейшего отбытия наказания и репатриации в Германию немецких военнопленных, осужденных за преступления против народов СССР».

55

В о х р о в ц ы (ВОХР) – войска внутренней охраны республики, войска спецслужб (ВЧК, ОГПУ, НКВД РСФСР – СССР), в задачу которых входила охрана и оборона особо важных объектов, сопровождение грузов, охрана мест лишения свободы.

56

Все неизвестное представляется величественным (*лат.*).

57

Принцип методологии: «Не следует множить сущности без необходимости».

58

Песня из фильма «Врата ночи» (1946) режиссера Марселя Карне.

59

Американский певец и пианист (1917–1965).

60

«Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Иоанн.12:31). Имеется в виду дьявол, Сатана, Люцифер.

61

«Хорошо», – сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней – улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало». (Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес»). – *Пер. с англ. Н. М. Демуровой.*

62

Имеется в виду очередной фильм из серии фильмов о Гарри Поттере по произведениям Джоан Роулинг.

63

Строки из стихотворения Бориса Пастернака 1956 года.

64

Циклоп, сын Посейдона и нимфы Фоосы. Мифический персонаж эпоса «Одиссея».

65

Кондратьев С., Васнецов А. Книга для чтения по латинскому языку. М., 1950 г.

66

Благодеяния, оказанные недостойному, я считаю злодеяниями (*лат.*). Цицерон.

67

Вид носорогов, живших во время ледникового периода на территории европейской части нынешней России.

68

Имеется в виду автомобиль «Рено Логан».

69

«Если бы не мой дурак, так и я бы смеялся» (*укр. поговорка*).

70

Дурак в мыслях богатеет (*укр. поговорка*).

71

Что сегодня убежит, то завтра не поймаешь (*укр. поговорка*).

72

Персонаж средневековых легенд, по преданию осужденный на вечные скитания по земле до второго пришествия Христа за то, что глумился над Иисусом, когда того вели к месту распятия.

73

Песня группы «Queen»; автор и исполнитель Фредди Меркури.

74

Актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда (1899–1987).

75

Американская киноактриса и танцовщица, одна из лучших степистов (1912–1982).

76

Свободно, по желанию, по усмотрению, на выбор (*лат.*).

77

Имеется в виду фильм Люка Бессона «Пятый элемент».

78

Держу волка за уши; нахожусь в безвыходном положении (*лат. поговорка*).

79

На траву смотри днем, как обсохнет роса, а на девку в будний день, как ненарядна и боса (*укр. пословица*).